ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

ЮСТИЦІИ.

1861.

ІЮЛЬ.

Июль 1861

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

1861.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ IX.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. 10 Іюля 1861 г.

Ценсоръ *Обертъ*.

I.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ, ОБНАРОДОВАННОЕ ВЪ ІЮНѢ 1861 ГОДА.

Конвенція, заключенная въ Санктпетербургѣ $\frac{25 \text{ марта}}{6 \text{ апрѣля}}$ 1861 г. съ Франціею о литературной и художественной собственности.

Съ Высочайшаго соизволенія государя императора, заключена въ С.-Петербургѣ $\frac{25 \text{ марта}}{6 \text{ апрѣля}}$ сего года съ Франціею конвенція о литературной и художественной собственности. Ратификаціи этой конвенціи обмѣнены здѣсь $\frac{27 \text{ апрѣля}}{9 \text{ мая}}$.

Для заключенія этой конвенціи уполномочены были со стороны русскаго правительства министръ иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковъ; а со стороны французскаго чрезвычайный посолъ и полномочный министръ при дворѣ его величества императора Всероссійскаго герцогъ Монтебелло.

Каковые уполномоченные, по размѣнѣ своихъ уполномочій, найденныхъ въ надлежащей формѣ, постановили и подписали нижеслѣдующія статьи:

Статья 1.

Съ того времени, съ котораго, согласно постановленному въ слѣдующей ниже 10-й статьѣ, настоящая конвенція будетъ подлежать исполненію, авторамъ произведеній ума или художествъ, которымъ законами одного изъ обоихъ государствъ нынѣ обезпечивается или впредь будетъ обезпечено право собственности или авторства, будетъ присвоено, подъ опредѣленными ниже сего условіями, пользованіе тѣмъ же правомъ во владѣніяхъ другаго государства, точно такъ и въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ присвоено въ семъ послѣднемъ пользованіе этимъ правомъ авторамъ подобнаго же рода произведеній, издаваемыхъ въ семъ государствѣ.

Незаконныя перепечатыванія и воспроизведеніе или контрофакція твореній, изданныхъ первоначально въ одномъ изъ обоихъ договаривающихся государствъ, будутъ уподоблены въ другомъ незаконному перепечатыванію и воспроизведенію тѣхъ твореній, коихъ авторы принадлежатъ къ сему послѣднему государству. Всѣ законы, предписанія, постановленія и условія, какъ нынѣ существующіе, такъ и тѣ, которые могутъ быть впередъ обнародованы, относительно исключительнаго права изданія литературныхъ и художественныхъ произведеній, будутъ примѣняемы къ таковой контрофакціи, во всемъ, въ чемъ только не постановлено изъ оныхъ изъятій въ настоящей конвенціи.

При семъ однако же подразумѣвается, что права, взаимно предоставляемыя въ томъ или въ другомъ государствѣ относительно вышеозначенныхъ произведеній, не могутъ быть обширнѣе тѣхъ правъ, какія предоставляетъ законодательство того государства, къ которому принадлежатъ авторы или лица, заступающія ихъ мѣсто въ качествѣ повѣренныхъ, наслѣдниковъ, или пріобрѣвшихъ право изданія уступкою, дареніемъ или иначе.

СТАТЬЯ 2.

Подъ названіемъ произведеній ума или искусства разумѣются: книги, брошюры, драматическія творенія, музыкальныя сочиненія, картины, гравюры, планы, географическія карты, литографіи и рисунки, скульптурныя работы и другія произведенія науки, литературы или художествъ, кѣмъ бы эти творенія ни были изданы, частными лицами или какимъ либо публичнымъ учрежденіемъ, академіею, университетомъ, общественнымъ училищемъ, ученымъ или инымъ обществомъ.

Съ оригинальными твореніями положительно уравниваются переводы, сдѣланные въ одномъ изъ государствъ съ отечественныхъ или иностранныхъ сочиненій. Само собою разумѣется, что настоящее постановленіе имѣетъ цѣлью единственно оказать защиту переводчику относительно сдѣланнаго имъ перевода, а отнюдь не присвоеніе исключительнаго права перевода тому, кто первый перевелъ какое либо сочиненіе

Повѣренные, наслѣдники или представители правъ авторовъ вышеисчисленныхъ произведеній ума или художествъ будутъ во всѣхъ отношеніяхъ пользоваться тѣми же правами, какія настоящею конвенціею предоставляются самимъ авторамъ.

СТАТЬЯ 3.

Для обезпеченія за каждымъ умственнымъ или художественнымъ произведеніемъ права собственности, опредѣленнаго въ предъидущихъ статьяхъ, авторы или переводчики обязаны будутъ, въ случаѣ надобности, доказать предъявленіемъ свидѣтельства, выданнаго какою либо общественною властію, что такое-то произведеніе есть оригинальное и что въ той странѣ, гдѣ оно было издано, пользуется оно законною защитою противъ контрофакціи или недозволеннаго воспроизведенія.

Высокія договаривающіяся стороны сверхъ того соглашаются въ томъ, что за неоспоримое доказательство права

собственности на всякое произведеніе ума или художества будетъ всегда признаваться, для произведеній, изданныхъ во Франціи, свидѣтельство, выданное отдѣленіемъ книжной торговли при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ Парижѣ или секретаріатомъ префектуры въ департаментахъ; для произведеній же, изданныхъ во владѣніяхъ его величества императора Всероссійскаго, за неоспоримое доказательство права собственности будетъ признаваться, для произведеній литературныхъ, ученыхъ или драматическихъ, свидѣтельство, выданное тѣмъ вѣдомствомъ, на которое возложена цензура книгъ, а для художественныхъ произведеній, если они изданы въ Имперіи, свидѣтельство отъ императорской академіи художествъ въ С.-Петербургѣ; если же въ царствѣ польскомъ, то свидѣтельство отъ варшавской художественной школы.

Постановляется, что для признанія въ томъ или другомъ государствѣ дѣйствительности свидѣтельствъ, о которыхъ упоминается въ настоящей статьѣ, оныя должны быть удостовѣряемы безвозмездно обоюдными дипломатическими или консульскими агентами.

Статья 4.

Право литературной или художественной собственности россійскихъ подданныхъ во Франціи и французовъ въ Россійской Имперіи будетъ продолжаться для авторовъ всю жизнь, и переходить къ ихъ прямымъ наслѣдникамъ или къ наслѣдникамъ по завѣщанію на двадцать, а къ боковымъ наслѣдникамъ на десять лѣтъ.

Двадцати и десяти-лѣтніе сроки будутъ считаться со времени кончины автора.

Статья 5.

Не взирая на постановленія, заключающіяся въ ст. 1-й и 2-й настоящей конвенціи, статьи, извлеченныя изъ журналовъ или изъ періодическихъ сборниковъ, издаваемыхъ въ

одномъ изъ обоихъ государствъ, могутъ быть воспроизводимы въ журналахъ или въ періодическихъ сборникахъ другаго государства, но съ тѣмъ, чтобы указывался источникъ, изъ котораго онѣ заимствованы.

Это дозволеніе однако не распространяется на воспроизведеніе въ одномъ изъ обоихъ государствъ статей изъ журналовъ или изъ періодическихъ сборниковъ, издаваемыхъ въ другомъ государствѣ, когда авторы этихъ статей формально объявятъ въ томъ же журналѣ или сборникѣ, въ которомъ оныя напечатаны, что воспроизведеніе ихъ запрещается. Это запрещеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ касаться статей, относящихся политики (articles de discussion politique)

СТАТЬЯ 6.

Въ случаѣ нарушенія вышеизложенныхъ статей и исковъ о вознагражденіи убытковъ, будетъ поступаемо въ томъ или въ другомъ государствѣ сообразно съ тѣмъ, что нынѣ предписано или впредь предписано будетъ законодательствомъ каждаго государства; и подлежащія судебныя мѣста будутъ примѣнять наказанія, опредѣленныя дѣйствующими законами, точно также, какъ бы нарушеніе было учинено во вредъ сочиненію или произведенію отечественному.

СТАТЬЯ 7.

Продажа всякаго произведенія, признаннаго въ томъ или другомъ изъ обоихъ государствъ за незаконное воспроизведеніе или контрофакцію творенія, пользующагося правомъ защиты по силѣ 1 и 2 статей настоящей конвенціи, будетъ воспрещена, безъ различія, сдѣлана ли такая контрофакція въ одномъ изъ обоихъ государствъ или въ какой либо другой странѣ.

Однако настоящая конвенція не можетъ служить препятствіемъ продажѣ тѣхъ перепечатокъ или воспроизведеній, ко-

торыя будутъ изданы въ томъ и другомъ изъ обоихъ договаривающихся государствъ или въ оныя привезены въ теченіи перваго года со дня подписанія настоящей конвенціи.

Что касается до недозволенныхъ воспроизведеній, къ изданію которыхъ уже приступлено и которыхъ часть появится до истеченія года со дня подписанія настоящей конвенціи, то издателямъ оныхъ въ Россійской Имперіи и во Франціи дозволено будетъ издать томы и выпуски, необходимые для окончанія помянутыхъ сочиненій или для удовлетворенія полными экземплярами подписчиковъ или для пополненія не проданныхъ еще коллекцій, находящихся въ магазинахъ. Напротивъ того, не дозволяется дѣлать въ одномъ изъ обоихъ государствъ никакихъ новыхъ изданій тѣхъ же сочиненій, ниже пускать въ продажу другихъ экземпляровъ, кромѣ предназначенныхъ для удовлетворенія заказовъ и подписокъ, уже прежде предпринятыхъ.

Статья 8.

Дабы облегчить полное исполненіе настоящей конвенціи, обѣ высокія договаривающіяся стороны обѣщаютъ сообщать взаимно другъ другу законы и правила, какъ нынѣ существующіе, такъ и тѣ, которые могутъ быть впредь постановлены въ обоихъ государствахъ, по предмету обезпеченія литературной и художественной собственности.

Статья 9.

Распоряженія настоящей конвенціи не должны ни въ чемъ нарушать право, которое каждая изъ высокихъ договаривающихся сторонъ положительно себѣ предоставляетъ, дозволять, подчинять своему надзору или запрещать, законодательными или административными мѣрами, обращеніе или выставку всякаго сочиненія или произведенія, относительно котораго то или другое государство признаетъ приличнымъ воспользоваться этимъ правомъ.

Равнымъ образомъ ни одному изъ постановленій настоящей конвенціи не должно давать такого истолкованія, которымъ оспаривалось бы право высокихъ договаривающихся сторонъ запрещать ввозъ въ свои владѣнія такихъ книгъ, которыя, на основаніи ихъ внутренняго законодательства или трактатовъ, заключенныхъ съ другими державами, принадлежатъ къ разряду противузаконныхъ воспроизведеній.

СТАТЬЯ 10.

Настоящая конвенція будетъ оставаться въ силѣ, за изъятіемъ, постановленнымъ въ ст. 7, въ продолженіе шести лѣтъ, считая съ $\frac{2}{14}$ іюля текущаго года.

Если, по истеченіи вышеозначенныхъ шести лѣтъ, не будетъ сдѣлано о настоящей конвенціи никакого объявленія за годъ впередъ, въ такомъ случаѣ она будетъ оставаться обязательною отъ одного года до другаго, до тѣхъ поръ, пока одна изъ высокихъ договаривающихся сторонъ не объявитъ другой, но за годъ впередъ, о намѣреніи своемъ прекратить дѣйствіе оной.

Высокія договаривающіяся стороны предоставляютъ себѣ однако же право дѣлать въ конвенціи, по взаимному соглашенію, всякія измѣненія, какія окажутся приличными на опытѣ, если они не будутъ противурѣчить духу и началамъ, служащимъ ей основаніемъ.

СТАТЬЯ 11.

Настоящая конвенція будетъ ратификована и ратификаціи будутъ размѣнены въ С.-Петербургѣ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, считая со дня подписанія, или, если возможно, и ранѣе.

Въ удостовѣреніе чего обоюдные Полномочные подписали оную и приложили къ оной печати гербовъ своихъ.

Учинено въ С.-Петербургѣ, марта двадцать пятаго / апрѣля шестаго дня лѣта

отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ перваго.

Дополнительная статья.

Между обѣими высокими договаривающимися сторонами постановляется, что во все время, пока книги, издаваемыя во Франціи, будутъ допущены ко ввозу во владѣнія его величества императора Всероссійскаго безъ платежа таможенныхъ пошлинъ, всѣ безъ различія сочиненія, издаваемыя въ Россіи, а также музыкальныя ноты, гравюры, литографіи и географическія карты, будутъ равнымъ образомъ дозволены ко ввозу во владѣнія Французской Имперіи, безъ платежа какихъ либо таможенныхъ пошлинъ.

Настоящая дополнительная статья будетъ имѣть ту же силу и то же дѣйствіе, какъ если бы она была включена, отъ слова до слова въ конвенцію, заключенную сего дня для взаимнаго обезпеченія литературной и художественной собственности. Она будетъ ратификована и возъимѣетъ свое дѣйствіе въ то время, какъ и помянутая конвенція.

Въ удостовѣреніе чего взаимные полномочные подписали настоящую дополнительную статью и приложили къ оной печати гербовъ своихъ.

Учинено въ С.-Петербургѣ, марта двадцать пятаго / апрѣля шестаго дня лѣта отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесять перваго.

ОТДѢЛЪ II.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА ПО МИНИСТЕРСТВУ ЮСТИЦІИ ЗА 1859 ГОДЪ.

(*Окончаніе*).

ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ РАСПОРЯЖЕНІЙ И ПЕРЕМѢНЪ ПО МИНИСТЕРСТВУ ЮСТИЦІИ.

в). По части уголовной.

Главное вниманіе министерства юстиціи по уголовной части въ истекшемъ году, какъ и въ прежніе годы, обращено было преимущественно на правильное и незамедлительное разрѣшеніе уголовныхъ дѣлъ, въ особенности такихъ, по которымъ подсудимые содержатся подъ стражею, и въ наблюденіи за симъ въ подвѣдомственныхъ министерству мѣстахъ.

Достиженіе этого происходило: какъ посредствомъ скорой и тщательной повѣрки поступавшихъ на разсмотрѣніе министерства дѣлъ, такъ равно и посредствомъ наблюденія за производствомъ ихъ въ правительствующемъ сенатѣ чрезъ оберъ-прокуроровъ, а въ губерніяхъ: чрезъ губернскихъ прокуроровъ и подчиненныхъ имъ губернскихъ и уѣздныхъ стряпчихъ.

Такимъ образомъ занятія министерства заключались въ разсмотрѣніи дѣлъ и наблюденіи за производствомъ оныхъ по правительствующему сенату, по губерніямъ, и въ сношеніяхъ съ равными министерству мѣстами.

Дѣйствія министерства по правительствующему сенату состояли въ разсмотрѣніи опредѣленій онаго, поступавшихъ въ министерство или по установленному въ законахъ порядку, или по частнымъ распоряженіямъ, вслѣдствіе особой важности уголовныхъ случаевъ.

Существо сего рода дѣлъ состояло, или въ обсужденіи участи обвиняемыхъ или же въ разрѣшеніи сомнительныхъ случаевъ и вопросовъ и наконецъ: въ дополненіи существующихъ узаконеній.

Дѣйствія министерства по губерніямъ заключались: съ одной стороны въ перепискѣ съ губернскими начальствами, необходимой къ разрѣшенію производившихся въ министерствѣ уголовныхъ дѣлъ, а съ другой стороны, въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи представленій генералъ-губернаторовъ и гражданскихъ губернаторовъ; преимущественно же въ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ недоумѣній, ходатайствъ о смягченіи наказаній и представленій о снятіи, согласно судебнымъ приговорамъ, знаковъ отличія съ отставныхъ нижнихъ чиновъ, равнымъ образомъ: въ разсмотрѣніи протестовъ губернскихъ прокуроровъ по дѣламъ уголовнымъ, въ разрѣшеніи встрѣченныхъ ими сомнѣній, наконецъ, въ наблюденіи вообще за ходомъ уголовныхъ дѣлъ и разсмотрѣніи жалобъ частныхъ лицъ по уголовнымъ дѣламъ.

По сношеніямъ съ равными мѣстами занятія министерства юстиціи состояли въ совмѣстномъ разсмотрѣніи и разрѣшеніи сомнительныхъ случаевъ и вопросовъ, въ перепискѣ о скорѣйшемъ окончаніи дѣлъ, въ сообщеніи своихъ заключеній въ коммисію прошеній по всеподданнѣйшимъ просьбамъ, а равно и соображеній своихъ по уголовнымъ вопросамъ, въ высшія установленія, какъ то: государственный совѣтъ и комитеты г.г. министровъ, кавказскій и сибирскій, по требова-

ніямъ государственнаго секретаря и управляющаго дѣлами указанныхъ выше комитетовъ.

Сверхъ того министерствомъ юстиціи были вносимы въ высшія установленія всѣ тѣ уголовныя дѣла, которыя по закону должны быть представляемы на Высочайшее разсмотрѣніе.

Изъ дѣлъ болѣе важныхъ по уголовной части, разсматривавшихся въ законодательномъ порядкѣ въ истекшемъ году, были нижеслѣдующія:

О составленіи новаго положенія о производствѣ слѣдствій.—Въ объяснительной запискѣ о дѣйствіяхъ по министерству юстиціи въ 1857 году была, между прочимъ, заявлена мысль о необходимости, изъ числа предположеній объ улучшеніи уголовнаго судопроизводства: отдѣлить производство слѣдствій и заняться онымъ преимущественно, отдѣльно отъ прочихъ, такъ-какъ ощутительный недостатокъ въ твердыхъ, ясныхъ и подробныхъ правилахъ въ семъ отношеніи, составляетъ предметъ общихъ, заслуживающихъ уваженія, жалобъ.

Таковое предположеніе было удостоено Высочайшаго одобренія, и во исполненіе таковой Высочайшей воли былъ немедленно образованъ въ департаментѣ министерства юстиціи особый комитетъ, на обязанность котораго было возложено, по сношеніи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, разрѣшить вопросы:

а.) Должны ли быть предварительныя слѣдствія и если должны быть, то чѣмъ они отличаются отъ судебныхъ?

б.) Какъ должна дѣйствовать мѣстная полиція—до прибытія слѣдователей и,

в.) Какими мѣрами можно удобнѣе достигнуть изобличенія преступниковъ, огражденія невинныхъ и повѣрки за незамедлительнымъ ходомъ слѣдствій?

По окончаніи комитетомъ указанныхъ ему занятій, журналъ онаго былъ препровожденъ на заключеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ равнымъ образомъ образована цѣлая коммисія, въ которой сосредоточены всѣ работы по улучшенію слѣдственной полицейской части.

Нынѣ соображенія эти уже окончательно разсмотрѣны государственнымъ совѣтомъ, и положеніе о судебныхъ слѣдователяхъ приводится въ исполненіе.

Къ отдѣльнымъ вопросамъ, разсматриваемымъ въ законодательномъ порядкѣ, относятся:

Вопросъ объ отмѣнѣ въ лифляндской губерніи тѣлеснаго наказанія въ воскресные и праздничные дни. Вопросъ этотъ возбужденъ лифляндскимъ гофгерихтомъ, и, по разсмотрѣніи онаго въ министерствѣ юстиціи и во II-мъ отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи, признанъ заслуживающимъ уваженія получить дальнѣйшій ходъ; представленіе по сему вопросу лифляндскаго гофгерихта было предложено на разсмотрѣніе 1 департамента правительствующаго сената въ законодательномъ порядкѣ.

Оренбургское губернское правленіе при разрѣшеніи одного дѣла о преданіи суду сотскаго возбудило вопросъ *о порядкѣ преданія суду вообще сотскихъ, т. е. кто долженъ ихъ предавать суду?*

Вопросъ этотъ, по обсужденіи его въ правительствующемъ сенатѣ, въ министерствѣ юстиціи и во II-мъ отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи, въ настоящее время уже разрѣшенъ государственнымъ совѣтомъ тѣмъ, что полицейскихъ сотскихъ и десятскихъ за преступленіе по должности, предоставлено предавать суду губернскимъ правленіямъ, безъ испрашиванія на то разрѣшеній генералъ-губернаторовъ, а судиться въ первой степени суда они должны въ уѣздныхъ судахъ.

При разрѣшеніи корчемныхъ дѣлъ, а именно: о недозволенномъ провозѣ вина, присутственныя мѣста весьма часто затруднялись въ примѣненіи закона, а именно, сомнѣніе было въ томъ: *слѣдуетъ ли примѣнять статьи уложенія о наказаніяхъ или §§ положенія 1849 года объ акцизѣ съ хлѣбнаго вина.*

Недоумѣніе это было встрѣчаемо и въ департаментахъ правительствующаго сената, но окончательно разрѣшено лишь по опредѣленію 2 отдѣленія 5 департамента сената, утвержденному государственнымъ совѣтомъ 19 октября 1859 года.

Въ иркутскомъ губернскомъ совѣтѣ былъ возбужденъ законодательный вопросъ о томъ, *какимъ именно порядкомъ должны быть судимы члены конкурсныхъ управленій* за безпорядки по званію кураторовъ, т. е. слѣдственнымъ ли порядкомъ, или же обыкновеннымъ.

Правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ соображенія по сему предмету, окончательно пришелъ къ тому заключенію, что вопросъ этотъ разрѣшается прямымъ смысломъ законовъ, по которымъ конкурсныя управленія считаются до окончанія дѣлъ своихъ присутственными мѣстами, а слѣдовательно и члены оныхъ должны быть судимы за упущенія и безпорядки, по званію кураторовъ, слѣдственнымъ порядкомъ, но въ устраненіе подобныхъ недоразумѣній въ другихъ мѣстахъ, призналъ нужнымъ поставить въ извѣстность о таковомъ разрѣшеніи возбужденнаго иркутскимъ губернскимъ совѣтомъ вопроса, всѣ подлежащія присутственныя мѣста.

Курляндское губернское правленіе, при исполненіи Высочайше утвержденныхъ 5 ноября 1851 и 23 ноября 1853 г. мнѣній государственнаго совѣта, возбудило нѣсколько вопросовъ, касающихся порядка слѣдованія семействъ за людьми податнаго званія, ссылаемыми въ Сибирь изъ арестантскихъ ротъ.

Вопросы эти слѣдующіе:

а.) Обязаны ли слѣдовать за мужьями и родителями, ссылаемыми въ Сибирь, ихъ жены и малолѣтныя дѣти мужескаго пола до 5, а женскаго до 10 лѣтъ, или могутъ они слѣдовать за ними только тогда, когда общество или помѣщикъ ихъ уволятъ или они сами того пожелаютъ.

б.) Обязаны ли слѣдовать мужья невинные за женами преступницами, или могутъ они слѣдовать, если сами пожелаютъ?

в.) Обязаны ли дѣти старше 5 и 10 лѣтъ слѣдовать за родителями преступниками, если получатъ увольненіе общества или помѣщика, или могутъ они слѣдовать только тогда, когда получатъ увольненіе и сами пожелаютъ?

г.) Могутъ ли дѣти 16 лѣтъ отъ роду, слѣдовать за родителями, если того пожелаютъ и получатъ увольненіе?

и д.) Какъ поступать съ дѣтьми, коихъ родители не слѣдуютъ другъ за другомъ, а остаются на прежнемъ мѣстѣ жительства, должны ли или могутъ слѣдовать за ссыльными отцомъ или матерью?

Всѣ эти вопросы, по тщательномъ оныхъ разсмотрѣніи, внесены въ законодательномъ порядкѣ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Въ Западной Сибири былъ возбужденъ вопросъ о томъ: на основаніи ли устава о ссыльныхъ или общихъ законовъ слѣдуетъ судить сосланныхъ въ Сибирь по прежнимъ законамъ на поселеніе, безъ лишенія правъ состоянія, и сенатомъ, въ разрѣшеніе сего признано, что по силѣ 797 ст. уст. о ссыльныхъ, въ коей означены тѣ, которые должны судиться по сему уставу и въ коей вышеозначенныхъ лицъ не встрѣчается, они подлежатъ сужденію по общимъ нынѣ дѣйствующимъ уголовнымъ законамъ.

Вслѣдствіе встрѣченнаго въ московскомъ губернскомъ правленіи затрудненія, до разсмотрѣнія правительствующаго сената дошелъ вопросъ о томъ: должны ли жены арестантовъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь, въ замѣнъ содержанія въ арестантскихъ ротахъ, слѣдовать за мужьями.

Правительствующій сенатъ нашелъ, что по смыслу дѣйствующихъ законовъ, жены этихъ арестантовъ слѣдуютъ за мужьями только въ случаѣ ихъ собственнаго желанія на то, а бракъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться расторгнутымъ.

Гродненское губернское правленіе возбудило вопросъ о томъ, кто долженъ быть презусомъ въ военносудныхъ коммисіяхъ, составленныхъ изъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, и изъ какого числа членовъ должны состоять подобныя коммисіи.

По разсмотрѣніи сего вопроса въ законодательномъ порядкѣ, государственный совѣтъ Высочайше утвержденнымъ 7 декабря 1859 года мнѣніемъ положилъ: постановить въ дополненіе подлежащихъ статей, что установляемыя ими сложныя военно-судныя коммисіи, исключая особыхъ случаевъ, въ за-

конѣ указанныхъ, составляются не менѣе какъ изъ трехъ членовъ, изъ коихъ старшій по чину занимаетъ мѣсто презуса.

Независимо отъ занятій, по законодательнымъ предметамъ, министерство юстиціи, повѣряя дѣйствія подчиненныхъ ему мѣстъ и лицъ по уголовнымъ дѣламъ и принимая мѣры къ точному исполненію существующихъ правилъ и къ единообразному разрѣшенію встрѣченныхъ сомнѣній, давало циркулярныя предписанія оберъ-прокурорамъ правительствующаго сената, губернскимъ прокурорамъ, уѣзднымъ стряпчимъ и судебнымъ мѣстамъ.

г.) *По Межевой части.*

Въ маѣ 1859 года состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о дополненіи нѣкоторыхъ статей свода межевыхъ законовъ и о предоставленіи управляющему межевымъ корпусомъ сообразить положеніе о задѣльной платѣ межевымъ чинамъ за полевыя и чертежныя работы, въ сводѣ межевыхъ законовъ находящіяся, съ проэктами по сему предмету 1844 и 1847 годовъ и съ новыми предположеніями, для западныхъ и малороссійскихъ губерній составленными, и соображенія свои по сему дѣлу внесть въ свое время на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Согласно сей Высочайшей волѣ, управляющимъ межевымъ корпусомъ было немедленно приступлено къ означеннымъ работамъ, и предположенія по онымъ находятся въ настоящее время на разсмотрѣніи управляющаго межевымъ корпусомъ.

Въ семъ же году Высочайше ассигнована особая ежегодная сумма для воспитанія дѣтей недостаточныхъ чиновниковъ межеваго управленія; при константиновскомъ межевомъ институтѣ учреждена должность врача, введены нѣкоторыя улучшенія по школѣ межевыхъ топографовъ и уравнено содержаніе лицъ, занимающихъ должности въ межевыхъ учебныхъ заведеніяхъ, съ соотвѣтственными должностями военно-учебныхъ заведеній.

Кромѣ того, для изученія административно-учебнаго порядка въ лучшихъ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и для образованія профессоровъ по нѣкоторымъ спеціальнымъ наукамъ, по Высочайшему повелѣнію, отправлены за границу инспекторъ классовъ константиновскаго межеваго института и нѣсколько межевыхъ офицеровъ.

Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета гг. министровъ къ воспитанникамъ школы межевыхъ топографовъ примѣнены правила, изложенныя въ §§ 64 и 73 прилож. къ ст. 26 т. х св. зак. меж., изд. 1857 г., въ коихъ говорится о выдачѣ на обмундированіе выпускаемымъ изъ константиновскаго межеваго института денежнаго вспомоществованія, съ отнесеніемъ сего расхода на остаточныя межевыя суммы.

Главнѣйшія постановленія по межевой части, состоявшіяся въ истекшемъ году въ законодательномъ порядкѣ, были слѣдующія:

Вслѣдствіе отношенія генералъ-губернатора Восточной Сибири, въ сибирскомъ комитетѣ состоялось Высочайше утвержденное положеніе, коимъ опредѣлено: остатки отъ неполнаго комплекта межевыхъ чиновъ губернскаго вѣдомства въ Западной и Восточной Сибири, распредѣлять также, какъ и остатки по другимъ вѣдомствамъ, на точномъ основаніи примѣч. 7-го къ Высочайше утвержденному 6 декабря 1856 г. штату сибирскихъ управленій.

Въ апрѣлѣ состоялось Высочайшее повелѣніе о введеніи въ губернскихъ правленіяхъ новаго порядка дѣлопроизводства по сбору и расходованію межевой задѣльной платы.

По случаю уменьшенія числа производящихся въ херсонской посреднической коммисіи дѣлъ, предположено оную коммисію закрыть.

Дѣятельность межевыхъ чиновъ заключалась въ занятіяхъ. 1) по генеральному межеванію; 2) по спеціальному межеванію и 3) по особымъ геодезическимъ работамъ.

Генерально обмежеванныхъ губерній къ 1 января 1860 года было 34, а именно: астраханская, витебская, владимір-

ская, вологодская, воронежская, вятская, екатеринославская, казанская, калужская, костромская, курская, могилевская, московская, нижегородская, новгородская, оренбургская, орловская, олонецкая, псковская, пензенская, пермская, самарская, с.-петербургская, саратовская, смоленская, симбирская, таврическая, тамбовская, тверская, тульская, харьковская, херсонская и ярославская.

Въ 1859 году, изъ поименованныхъ губерній, по состоявшимся рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ и указамъ межевой канцеляріи и правительствующаго сената, произведены межевыя дѣйствія по нѣкоторымъ дачамъ въ слѣдующихъ губерніяхъ: 1) владимірской, 2) вологодской, 3) воронежской, 4) екатеринославской, 5) казанской, 6) калужской, 7) костромской, 8) курской, 9) московской, 10) оренбургской, 11) орловской, 12) псковской, 13) таврической, 14) с.-петербургской, 15) пермской, 16) тамбовской, 17) тверской, 18) тульской, 19) харьковской и 20) херсонской.

Затѣмъ, производилось генеральное межеваніе въ шенкурскомъ уѣздѣ архангельской губерніи и именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату, повелѣно открыть таковое же генеральное межеваніе въ губерніяхъ полтавской и черниговской, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ приложенномъ при ономъ указѣ положеніи.

Кромѣ того, продолжается переписка о производствѣ генеральнаго межеванія въ бессарабской области и приняты мѣры къ скорѣйшему составленію правилъ для размежеванія губерній западныхъ.

Составленіе правилъ для генеральнаго размежеванія бессарабской области останавливается за неокончаніемъ мѣстныхъ изысканій, производимыхъ по распоряженію управляющаго межевымъ корпусомъ.

Правила для генеральнаго размежеванія губерній: виленской, волынской, гродненской, кіевской, ковенской, минской, подольской, и необмежеванныхъ уѣздовъ могилевской и витебской, первоначально проэктированы были межевымъ департа-

ментомъ сената, потомъ разсмотрѣны особою, составленною при министерствѣ юстиціи изъ чиновниковъ онаго и губернскихъ землемѣровъ, коммисіею. Послѣ сего, по собраніи нужныхъ свѣдѣній на мѣстѣ, чрезъ особо командированнаго чиновника, министерствомъ юстиціи признано было необходимымъ: дѣлу о составленіи правилъ межеванія западныхъ губерній дать то направленіе, по которому производилось составленіе положенія о размежеваніи малороссіи.

Вслѣдствіе сего испрошено Высочайшее повелѣніе, на основаніи коего открытъ комитетъ для опредѣленія главныхъ началъ размежеванія западныхъ губерній. Комитетъ этотъ образованъ подъ предсѣдательствомъ помощника управляющаго межевымъ корпусомъ, изъ управляющихъ палатами государственныхъ имуществъ западныхъ губерній, опытнѣйшихъ и наиболѣе знакомыхъ съ мѣстными условіями края помѣщиковъ, (2-хъ изъ каждой губерніи), губернскихъ землемѣровъ и чиновника отъ межеваго вѣдомства.

Составленныя такимъ образомъ главныя начала размежеванія западнаго края, въ теченіи лѣта настоящаго 1860 года будутъ подвергнуты въ одномъ или нѣсколькихъ уѣздахъ западныхъ губерній опыту на самомъ мѣстѣ, а потомъ на основаніи опыта приступлено будетъ къ составленію самаго положенія.

Спеціальное межеваніе, открытое въ 1836 г. и въ настоящее время обнявшее 29 генерально-обмежеванныхъ губерній, къ началу 1860 года представляетъ слѣдующія данныя:

1) Обнаружено общаго чрезполоснаго владѣнія дачь 78,174, десятинъ 56.934,676.—2) Изъ того числа согласовано къ размежеванію дачь 72.301, десятинъ 46.219,165.— Изъ согласованныхъ: а) Окончательно размежевано дачь 59,810, дасятинъ 37.640,788, (въ томъ числѣ промѣненныя и оставленныя въ общемъ владѣніи).—б) Подлежатъ къ размежеванію дачь 12,491, десятинъ 8.578,377.—3) Осталось къ соглашенію дачь 5,873, десятинъ 10.715,511.—в) За споромъ и по несогласію владѣльцевъ на размежеваніе, дѣла представ-

лены на разсмотрѣніе въ посредническія коммисіи по 1,590, дачамъ о 2.244,338 десятинахъ земли.

Дачи, оставшіяся къ соглашенію, представляютъ оному большія препятствія по запутанности и дробности владѣнія и по затруднительности уравненія хозяйственныхъ выгодъ. Межеваніе согласованныхъ дачь замедляется по случаю отдаленныхъ переѣздовъ и разнымъ другимъ причинамъ, отъ межеваго вѣдомства не зависящимъ.

Геодизическія работы на востокъ отъ московскаго меридіана производились въ губерніяхъ: симбирской и нижегородской.

Въ первой: снято и повѣрено пространство 22,610 квадр. верстъ. Сверхъ сего, въ снятыхъ дачахъ, для составленія экономическихъ примѣчаній, собраны статистическія свѣдѣнія.

Во второй: измѣрено большихъ и почтовыхъ дорогъ по протяженію 4,476 верстъ.

Кромѣ того, продолжалось составленіе экономическихъ описаній на губерніи: рязанскую, тамбовскую, владимірскую, ярославскую и симбирскую и составлялись атласы и карты на губерніи рязанскую и тамбовскую.

Межевыхъ чиновъ въ минувшемъ году состояло: въ межевомъ корпусѣ 463 и въ губернскомъ вѣдомствѣ 783.

Въ 1859 году изъ межеваго корпуса командировано было межевыхъ партій:

1) Для исполненія дѣлъ генеральнаго межеванія и указовъ 46, въ нихъ 109 чиновъ.—2) Для спеціальнаго межеванія 61, въ нихъ 128 чиновъ.—3) Для сего же межеванія землемѣровъ губернскаго вѣдомства 98, въ нихъ 132 чиновъ.—

Въ 29-ти губерніяхъ для полюбовнаго межеванія состояло 175 посредниковъ.

Въ межевыхъ учебныхъ заведеніяхъ въ минувшемъ году находилось:

1) Въ константиновскомъ межевомъ институтѣ 277.

2) — Московскомъ сиротскомъ домѣ 108.

3) — Школѣ межевыхъ топографовъ 227.

Изъ нихъ выпущено на службу 33.

Сверхъ сего, для приготовленія межевыхъ чиновъ и опредѣленія ихъ на службу въ губернскія чертежныя, при уѣздныхъ училищахъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, на счетъ дворянства тѣхъ губерній, существовали дополнительные классы землемѣрія.

II. ЦИРКУЛЯРЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

Циркуляръ г. управляющаго министерствомъ юстиціи губернскимъ, областнымъ и инымъ мѣстъ прокурорамъ отъ 8 іюня 1861 г. о содѣйствіи статистическимъ комитетамъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ просило министерство юстиціи сдѣлать зависящее распоряженіе объ оказаніи лицами вѣдомства министерства юстиціи, въ губерніяхъ, гдѣ это окажется нужнымъ, просвѣщеннаго содѣйствія въ доставленіи мѣстнымъ статистическимъ комитетамъ необходимыхъ имъ числовыхъ данныхъ и другихъ свѣдѣній и въ облегченіи повѣрки этихъ свѣдѣній, гдѣ будетъ возможно, по подлиннымъ источникамъ.

Имѣя въ виду, что 11 пунктомъ Высочайше утвержденнаго новаго положенія о губернскихъ и областныхъ статистическихъ комитетахъ предоставлено симъ комитетамъ приглашать въ засѣданія, въ случаѣ надобности, представителей вѣдомства министерства юстиціи, которые могутъ сообщить полезныя свѣдѣнія о состояніи губерніи или области, поручаю вамъ о содержаніи ходатайства министерства внутреннихъ дѣлъ поставить въ извѣстность всѣ присутственныя мѣста, губернскія и уѣздныя вѣдомства министерства юстиціи, для надлежащаго съ ихъ стороны, въ потребномъ случаѣ, исполненія.

ОТДѢЛЪ III.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПЕРЕМѢНЫ ВЪ ЛИЧНОМЪ СОСТАВѢ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

Приказы по мин. юст. мая 27 и 29, іюня 2, 16, 17 и 19. №№ 15—20.

1) ПО ДЕПАРТАМЕНТУ МИНИСТЕРСТВА.

Назначенъ: столоначальникъ коллежскій ассесоръ *Раевскій*—старшимъ столоначальникомъ (30 мая 1861 г.).

2) ПО 1-МУ ДЕПАРТАМЕНТУ СЕНАТА.

Назначены: оберъ секретарь статскій совѣтникъ *Вельдбрехтъ*—чиновникомъ за оберъ прокурорскій столъ (11 мая

1861 г.) и секретарь коллежскій ассесоръ *Ратьковъ-Рожновъ*— оберъ-секретаремъ (13 мая 1861 г.).

3) по 2-му департаменту.

Назначенъ: секретарь надворный совѣтникъ *Кандауровъ*— старшимъ секретаремъ (25 мая 1861 г.).

4) по 1-му отдѣленію 3-го департамента.

Назначены: коллежскіе секретари: секретари экспедицій, при 1-мъ отдѣленіи 3-го департамента учрежденныхъ: временной—*Пеклюдовъ* и ликвидаціонной *Шклярскій*— секретарями: первый—1-го отдѣленія 3-го департамента, а послѣдній— временной экспедиціи, при семъ отдѣленіи и департаментѣ учрежденной. Секретарь, титулярный совѣтникъ *Опацевичъ*— секретаремъ временной экспедиціи, при семъ отдѣленіи и департаментѣ учрежденной. Секретарь означенной экспедиціи, коллежскій секретарь *Шклярскій*—секретаремъ 1-го отдѣленія 3-го департамента.

5) по 2-му отдѣленію 3-го департамента.

Назначенъ: начальникъ отдѣленія департамента министерства юстиціи статскій совѣтникъ *Фонъ-Эссенъ*—чиновникомъ за оберъ-прокурорскій столъ, сверхъ комплекта, съ оставленіемъ при исправленіи занимаемой имъ нынѣ должности (14 іюня 1861 г.).

6) по 4-му департаменту.

Назначенъ: правитель канцеляріи министерства коллежскій

совѣтникъ, въ званіи камеръ-юнкера двора его императорскаго величества *Сущовъ*—чиновникомъ за оберъ-прокурорскій столъ, сверхъ комплекта, съ оставленіемъ при исполненіи занимаемой имъ нынѣ должности (14 іюня 1861 года).

7) по канцеляріи общаго собранія 1-хъ 3-хъ департаментовъ и департамента герольдіи.

Назначенъ: старшій помощникъ секретаря коллежскій секретарь *Логиновъ*—секретаремъ (30 мая 1861 г.).

Уволенъ отъ службы по прошенію: секретарь коллежскій ассесоръ *Охременко* (30 мая 1861 г.).

8) по губернскимъ учрежденіямъ.

Назначены: товарищъ предсѣдателя екатеринославской палаты уголовнаго суда коллежскій ассесоръ *Граве*—тамошнимъ губернскимъ прокуроромъ (26 апрѣля 1861 года), состоящій въ штатѣ ставропольской казенной палаты, надворный совѣтникъ *Лехнеръ*—войсковымъ прокуроромъ кубанскаго казачьяго войска (7 іюня 1861 г.) и совѣтникъ иркутскаго губернскаго суда коллежскій ассесоръ *Миловецкій*—якутскимъ областнымъ прокуроромъ (26 мая 1861 г.).

Уволенъ отъ должности: исправляющій должность томскаго губернскаго прокурора коллежскій ассесоръ *Корбецкій*, съ причисленіемъ къ департаменту министерства юстиціи (21 апрѣля 1861 г.); товарищъ предсѣдателя орловской палаты гражданскаго суда надворный совѣтникъ *Казицинъ* съ причисленіемъ къ департаменту министерства юстиціи (25 мая 1861 года).

Уволенъ отъ службы по прошенію: якутскій областный прокуроръ надворный совѣтникъ Филиповъ (26 мая 1861 года).

Дозволено носить мундиръ въ отставкѣ: исправляющему должность товарища предсѣдателя волынской палаты гражданскаго суда надворному совѣтнику *Иванову.*

Умершій исключенъ изъ списковъ: товарищъ предсѣдателя псковской палаты уголовнаго суда статскій совѣтникъ *Антоновъ.*

II.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

О СУДѢ КРЕСТЬЯНЪ,

ВЫШЕДШИХЪ ИЗЪ КРѢПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ.

Лѣтопись русскихъ законовъ записала въ послѣднее время на своихъ страницахъ памятникъ, безспорно замѣчательнѣйшій въ кругу законодательныхъ мѣръ современной Европы,—положеніе о крестьянахъ 19-го февраля 1861 года. Громадное значеніе этого акта въ исторической жизни русскаго народа понятно всѣмъ тѣмъ, у кого нужда и невѣжество не отняли способности возвышаться мыслію надъ личными интересами настоящей минуты и мелочными заботами близоруко понимаемой повседневности, и кому больше или меньше знакома привычка искать въ историческомъ созерцаніи практическихъ совѣтовъ и сокровищъ духовнаго просвѣщенія. Положеніе о крестьянахъ 19-го февраля 1861 года охватило собою всю внутреннюю жизнь Россіи, и

составляетъ событіе, которое по достоинству оцѣнивается и въ Европѣ и въ нашей отечественной журналистикѣ. Исходная точка и вся сущность этого замѣчательнаго акта заключается въ опредѣленіи правъ и обязанностей земледѣльцевъ, бывшихъ прежде крѣпостными, и землевладѣльцевъ, прежнихъ ихъ господъ, слѣдовательно онъ всецѣло принадлежитъ юридической сферѣ, хотя совершенный имъ радикальный переворотъ въ области права не можетъ остаться безъ многознаменательнаго и рѣшительнаго вліянія на всѣ стороны внутренней жизни нашего общества.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи освобожденіе русскихъ крестьянъ составляетъ фактъ, на который обращены взоры, полные любопытства и выраженія благороднаго сочувствія къ интересамъ человѣчества представителей всѣхъ отраслей политическихъ наукъ и всѣхъ образованныхъ людей какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи.

Но принадлежа собственно къ сферѣ юридической, положеніе о крестьянахъ 19 февраля вызываетъ, прежде всего, труды по части юридической техники, тѣ сочиненія и статьи, которыя бы имѣли своею задачею сгруппировать отдѣльныя постановленія этого законодательнаго памятника по основаніямъ заключающагося въ нихъ различія и сходства, привести все разнообразіе содержанія ихъ къ простѣйшимъ, по возможности, опредѣленіямъ развитыхъ въ положеніи началъ, облегчить, такимъ образомъ, путь уразумѣнія новаго закона, и доставить ему удобство легкости и вѣрности примѣненія.

Богатство знаній историческихъ и теоретическихъ, усвоенная хорошимъ юридическимъ образованіемъ способность выводить изъ данныхъ опредѣленій ближайшія и дальнѣйшія логическія слѣдствія и умѣніе взяться за дѣло составляютъ достоинство труда, которымъ, какъ всегда вообще, такъ и въ настоящемъ случаѣ искупается его количество, и потому желательно бы было явленіе одного, или, покрайней мѣрѣ весьма немногихъ сочиненій о положеніи 19-го февраля, которыя вполнѣ отвѣчая указанной нами выше задачѣ, сдѣлали бы не

нужнымъ большое множество удачныхъ и неудачныхъ опытовъ юридическаго изученія новаго закона. Но по всей вѣроятности, подобныя сочиненія не явятся слишкомъ скоро; научная разработка юридическаго матеріала, представляемаго положеніемъ 19-го февраля, можно полагать, найдетъ свой органъ, наравнѣ съ другими общественными вопросами, въ нашей журналистикѣ, въ тѣхъ болѣе или менѣе отрывочныхъ, болѣе или менѣе удачныхъ статьяхъ и замѣткахъ нашихъ періодическихъ изданій, которыя будутъ являться то какъ плодъ усидчиваго, до нѣкоторой степени, изученія предмета въ тиши кабинета, то какъ разнообразные отзывы на тѣ явленія въ кругу примѣненія новаго закона, въ которыхъ обозначилась та, или другая сторона его содержанія.

Глядя съ этой точки зрѣнія на отношеніе русской журналистики вообще и юридическихъ журналовъ въ особенности къ положенію о крестьянахъ 19-го февраля 1861 года, мы позволяемъ себѣ считать не лишнимъ въ повременномъ изданіи нашъ слабый очеркъ нѣкоторой части постановленій новаго закона, и избираемъ для нашего обозрѣнія предметъ, наиболѣе соотвѣтствующій направленію журнала: укрѣпленіе и судебное возстановленіе правъ (juridiction volontaire et contentieuse).

До изданія положенія 19-го февраля, всѣ сословія въ государствѣ, кромѣ помѣщичьихъ крестьянъ, считались свободными; всѣ они находились въ непосредственномъ отношеніи къ государственной власти, и подчинялись начальствамъ, поставляемымъ этою властію, или избираемымъ ими самими. Помѣщичьи крестьяне составляли, въ этомъ отношеніи, исключеніе: названіе крѣпостныхъ выражало собою юридическую противуположность понятія свободныхъ состояній; носившіе это названіе стояли какъ бы заслоненные отъ правительства другимъ сословіемъ. Различіе это меж-

ду крѣпостными и свободными выражалось внѣшнимъ образомъ въ кодификаціи нашихъ законовъ тѣмъ, что їх т. св. зак. въ своемъ изложеніи постановленій, касающихся крѣпостныхъ людей, трактуя объ установленіи и прекращеніи крѣпостнаго состоянія, о правахъ дворянства по владѣнію крѣпостными и обязанностяхъ сихъ послѣднихъ къ ихъ владѣльцамъ, не вводитъ въ особую рубрику правъ помѣщичьихъ крестьянъ, хотя личнымъ и по имуществу правамъ всѣхъ другихъ сословій въ немъ посвящены цѣлыя главы и отдѣленія. На основаніи положенія 19-го февраля помѣщичьи крестьяне, въ юридическомъ отношеніи, причислены къ одному разряду со всѣми другими свободными сословіями. Изложенію ихъ правъ личныхъ, по состоянію и по имуществамъ посвящены въ общемъ положеніи о крестьянахъ двѣ главы Новоосвобожденные по новому закону, имѣютъ право пріобрѣтать въ собственность недвижимыя и движимыя имущества и отчуждать оныя съ соблюденіемъ общихъ узаконеній, установленныхъ для свободныхъ сельскихъ обывателей, могутъ входить во всякіе закономъ дозволенные договоры, обязательства и подряды, имѣютъ право охранять и отыскивать свои права, вчинать иски и тяжбы лично и чрезъ повѣренныхъ. По дѣламъ хозяйственнымъ вышедшіе изъ крѣпостной зависимости крестьяне соединяются въ сельскія общества, представляемыя сельскимъ сходомъ и избираемымъ ими старостою, а для ближайшаго управленія и суда—въ волости, которыя представляются волостнымъ сходомъ, волостнымъ правленіемъ съ стоящимъ во главѣ его волостнымъ старшиною и волостнымъ судомъ.

Для составленія волостнаго суда избирается ежегодно волостнымъ сходомъ отъ четырехъ до двѣнадцати очередныхъ судей, которые, для отправленія своей обязанности, должны собираться чрезъ каждыя двѣ недѣли, по возможности и удобству, по воскресеніямъ, съ соблюденіемъ установленной между ними очереди, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы присутствіе суда состояло не менѣе, какъ изъ трехъ судей. Волостный судъ

рѣшитъ окончательно: всѣ споры и тяжбы собственно между крестьянами, цѣною до ста рублей включительно, какъ о недвижимомъ и движимомъ имуществахъ въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, такъ и по всѣмъ родамъ обязательствъ. Но если тяжба касается недвижимаго имущества, пріобрѣтеннаго крестьянами въ собственность внѣ надѣла, а также если участвуютъ въ тяжбѣ лица другихъ состояній, то, по требованію одной изъ сторонъ, дѣло подлежитъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ. Впрочемъ окончательному рѣшенію волостнаго суда могутъ подлежать всѣ, безъ ограниченія цѣною иска, между крестьянами споры и тяжбы, которые сами тяжущіеся стороны ему предоставятъ. Такимъ же точно образомъ могутъ быть предоставляемы, по желанію тяжущихся сторонъ, окончательному рѣшенію волостнаго суда споры и тяжбы, въ которыхъ кромѣ крестьянъ, участвуютъ и посторонніе лица. Рѣшенія третейскаго суда, записанныя въ имѣющуюся при волостномъ правленіи книгу считаются окончательными.

Дѣла о маловажныхъ проступкахъ крестьянъ подлежатъ волостному суду, когда они совершены въ предѣлахъ самой волости противъ лицъ, принадлежащихъ къ тому же состоянію, и безъ участія лицъ другихъ состояній, а также, когда означенные проступки не находятся въ связи съ уголовными преступленіями. Лица другихъ состояній, противъ коихъ совершены крестьянами проступки, могутъ отыскивать слѣдующаго имъ удовлетворенія и въ волостномъ судѣ и въ общихъ учрежденіяхъ. Пространство власти волостнаго суда въ назначеніи наказаній опредѣляется тѣмъ, что судъ этотъ можетъ приговаривать виновныхъ: къ общественнымъ работамъ-до шести дней, или къ денежному взысканію-до трехъ рублей, или аресту до семи дней, или, наконецъ, лицъ, отъ тѣлеснаго наказанія неизъятыхъ,—къ наказанію розгами до 20 ударовъ. Изъятіе же отъ тѣлеснаго наказанія установляется положеніемъ для престарѣлыхъ крестьянъ, достигшихъ шестидесятилѣтняго возраста, для должностныхъ лицъ, и для крестьянъ, окончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, земледѣльческихъ и рав-

ныхъ съ ними, или высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. При опредѣленіи мѣры наказаній за маловажные преступленія и проступки, впредь до изданія общаго сельскаго судебнаго устава, волостные суды, а также волостные старшины и сельскіе старосты примѣняются къ правиламъ, установленнымъ по сему предмету въ сельскомъ судебномъ уставѣ для государственныхъ крестьянъ. Всѣ дѣла въ волостномъ судѣ производятся словесно. Волостной старшина и староста не должны вмѣшиваться въ производство волостнаго суда, и не присутствуютъ при обсужденіи дѣлъ. Судьи, по выслушаніи тяжущихся сторонъ, стараются склонить ихъ къ примиренію. Но если тяжущіяся стороны не пойдутъ на мировую сдѣлку, то судъ рѣшитъ дѣло, либо на основаніи заявленныхъ въ волостномъ правленіи сдѣлокъ и обязательствъ, если таковыя были заключены между спорящими сторонами, либо при отсутствіи таковыхъ сдѣлокъ, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту.

Независимо отъ волостнаго суда, рѣшающаго дѣла между самими крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, и тѣми изъ постороннихъ лицъ, участвующими въ дѣлахъ съ крестьянами, которыя добровольно къ нему обращаются, учрежденъ по положенію судъ мировыхъ посредниковъ. Разбирательству его подлежатъ: во первыхъ, споры, жалобы и недоразумѣнія между помѣщиками и временно обязанными крестьянами, или дворовыми людьми, возникающіе изъ обязательныхъ ихъ отношеній, а также жалобы крестьянъ и обществъ на волостные сходы и на сельскія и волостныя должностныя лица, и во вторыхъ нѣкоторыя судебно-полицейскія дѣла-безъ ограниченія компетенціи мироваго посредника одною сферою отношеній крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости и помѣщиковъ, какъ то: споры по найму землевладѣльцами вообще людей въ разныя работы, въ услуженіе и въ хозяйственныя должности (въ томъ числѣ управляющихъ); по отдачѣ въ наемъ земель; по потравамъ полей, луговъ и другихъ угодій, и по порубкамъ во владѣльческихъ лѣсахъ. Въ дѣлахъ

между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами о причиненіи убытковъ, посредникъ присуждаетъ потерпѣвшему убытокъ вознагражденіе и налагаетъ на виновныхъ штрафъ. Виновныхъ должностныхъ лицъ сельскаго и волостнаго управленій, за маловажные проступки по должностямъ, онъ присуждаетъ къ замѣчаніямъ, выговорамъ, денежному штрафу до пяти руб. и аресту до 7 дней. Сельскаго старосту присуждаетъ къ временному удаленію или же окончательному отрѣшенію отъ должности, а волостнаго старшину къ временному удаленію отъ должности. По дѣламъ судебно - полицейскимъ всѣхъ сословій, предоставленнымъ вѣдомству мироваго посредника, онъ постановляетъ окончательныя рѣшенія по тѣмъ изъ нихъ, въ коихъ цѣна иска не превышаетъ тридцати рублей По дѣламъ же о проступкахъ онъ присуждаетъ лицъ всѣхъ сословій либо къ имущественному вознагражденію, сообразно причиненному ущербу, либо къ денежному взысканію до пяти рублей; а лицъ податнаго сословія—къ общественнымъ работамъ до шести дней, или аресту до семи дней, либо къ наказанію розгами до двадцати ударовъ. Кромѣ дѣлъ нами исчисленныхъ, мировой посредникъ можетъ принять къ своему разсмотрѣнію всякій споръ и искъ гражданскій, если обѣ спорящія стороны будутъ просить его о рѣшеніи ихъ дѣла по совѣсти. Просьбы приносятся мировому посреднику словесныя и письменныя; производство дѣлъ—словесное и допускающее присутствіе постороннихъ лицъ. Отправленіе правосудія мировымъ посредникомъ не пріурочено къ одному постоянному мѣсту, но позволено ему разбирать дѣла, какъ въ мѣстѣ своего жительства, такъ и въ другихъ селеніяхъ своего участка, по его усмотрѣнію.

Вторую инстанцію мироваго суда составляетъ уѣздный мировый съѣздъ, въ который во 1-хъ поступаютъ жалобы на рѣшенія мировыхъ посредниковъ по такимъ, возникающимъ изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязательными крестьянами, спорамъ и недоразумѣніямъ, которые превосходятъ компетенцію мировыхъ

посредниковъ и во 2-хъ отъ нихъ зависитъ разрѣшеніе передаваемыхъ отъ мировыхъ посредниковъ жалобъ на волостные сходы и на волостныхъ должностныхъ лицъ. Жалобы на рѣшенія мировыхъ посредниковъ приносятся уѣздному съѣзду въ тридцатидневный срокъ со времени объявленія рѣшенія, а по рѣшеніямъ, постановленнымъ въ отсутствіи отвѣтчика, съ того времени, когда приступлено къ исполненію такого рѣшенія. Жалобы эти пишутся на простой бумагѣ и о вступленіи ихъ, а равно о времени, назначенномъ для разбора дѣла въ присутствіи мироваго съѣзда, извѣщаются спорящіе, для того, чтобы могли присутствовать, вмѣстѣ съ своими свидѣтелями, при производствѣ дѣла, если сами этого пожелаютъ, или непремѣнно явились бы, когда уѣздный съѣздъ находитъ присутствіе ихъ необходимымъ. Разборъ дѣла производится, примѣняясь къ порядку, установленному для суда мировыхъ посредниковъ.

Для охранительныхъ дѣйствій по укрѣпленію правъ установленъ положеніемъ слѣдующій порядокъ: укрѣпленіе правъ, касающихся всего общества, производится посредствомъ приговоровъ сельскихъ волостныхъ сходовъ, записываемыхъ въ установленныя для сего книги. На рѣшенія волостнаго схода приносятся жалобы мировому посреднику для передачи на разрѣшеніе мироваго съѣзда. Для частныхъ дѣлъ имѣется при волостномъ правленіи книга сдѣлокъ и договоровъ, въ которую вносятся, по желанію договаривающихся сторонъ, всякаго рода сдѣлки и обязательства (на сумму не свыше трехъ сотъ рублей), заключенныя крестьянами, какъ между собою, такъ равно съ помѣщикомъ или посторонними лицами,—когда такія сдѣлки и обязательства словесно объявлены въ присутствіи не менѣе двухъ свидѣтелей и подписаны обѣими договаривающимися сторонами. Записи, внесенныя въ книгу, а равно выдаваемыя съ нихъ засвидѣтельствованныя копіи имѣютъ, въ случаѣ спора, силу судебнаго доказательства, если признаются дѣйствительными (неподложными).

Добровольныя соглашенія между помѣщиками и крестьянами по предметамъ, относящимся до поземельнаго надѣла, до отбыванія повинности, до перенесенія усадьбъ, оцѣнки ихъ, выкупа усадьбъ и поземельныхъ угодій, и т. п. свидѣтельствуются посредникомъ, который приглашаетъ для этого постороннихъ добросовѣстныхъ въ числѣ отъ трехъ до шести человѣкъ. Всѣ засвидѣтельствованныя такимъ порядкомъ сдѣлки оспариванію подлежать не могутъ. Посредникъ также свидѣтельствуетъ акты объ увольненіи дворовыхъ людей отъ обязательныхъ отношеній, какъ съ ихъ согласія, такъ и по желанію помѣщика, безъ предварительнаго съ ними соглашенія. Равнымъ образомъ, мировой посредникъ свидѣтельствуетъ довѣренности въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне, какъ отдѣльно, такъ и отъ всего общества, уполномочиваютъ, на ходатайство по ихъ дѣламъ, помѣщиковъ, на земляхъ коихъ они водворены.

Судебное управленіе, въ томъ видѣ, какъ оно установлено положеніемъ 19-го февраля, есть послѣдствіе отмѣны крѣпостнаго права владѣльцевъ на крестьянъ, водворенныхъ въ ихъ имѣніяхъ, или, говоря иначе, есть результатъ освобожденія крѣпостныхъ людей, уничтоженія тѣхъ привилегій дворянства, въ силу которыхъ помѣщичьи крестьяне были сословіемъ, стоявшимъ внѣ общаго закона, и представляли собою аномалію въ ряду крестьянъ разныхъ наименованій всѣхъ свободныхъ состояній. На основаніи дѣйствовавшихъ прежде постановленій, въ лицѣ помѣщика сосредоточивалась власть хозяйственная по употребленію труда своихъ крестьянъ для разнаго рода работъ, административная по взысканію податей, поставкѣ рекрутъ и по исполненію натуральныхъ повинностей, полицейская съ правомъ принятія различныхъ мѣръ, сообразныхъ съ видами сохраненія порядка и развитія благосостоянія крестьянъ, и наконецъ судебная, которою пользовались помѣщики то какъ рѣшители гражданскихъ споровъ между принадлежащими имъ крестьянами и по претензіямъ къ симъ послѣднимъ постороннихъ лицъ, то какъ каратели преступленій и проступковъ своихъ крѣпостныхъ. Съ уничтоженіемъ крѣ-

постнаго права помѣщиковъ, исчисленные нами виды власти, составлявшіе содержаніе его, должны были воплотиться въ другихъ органахъ. Такими представляются, по положенію 19-го февраля, сельскіе сходы съ сельскими старостами, которымъ поручены хозяйственныя дѣла обществъ, волостные сходы съ волостными правленіями, завѣдывающіе дѣлами управленія, и пользующіеся, такъ же какъ и сельскія учрежденія, различными видами полицейской власти; органъ судебной власти— волостный судъ, мировые посредники и уѣздные мировые съѣзды обязанные контролемъ надъ дѣйствіями подчиненныхъ имъ сословныхъ управленій и отправляющіе судъ въ предѣлахъ, назначенныхъ положеніемъ.

Смотря съ этой точки зрѣнія на судебное управленіе крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, т. е. видя въ немъ слѣдствіе уничтоженія судебной власти помѣщиковъ, мы приходимъ къ вопросу,—въ чемъ состояла судебная власть помѣщиковъ, и въ полномъ ли содержаніи своемъ она перешла къ вновь учрежденнымъ органамъ судебнаго управленія? Право вотчинниковъ и помѣщиковъ, составившихъ въ послѣдствіи изъ себя одно сословіе дворянъ-землевладѣльцевъ, судить своихъ крестьянъ существовало нѣсколько столѣтій. По историческимъ памятникамъ нашего прошедшаго, во все время государственной жизни русскаго народа, оно осуществлялось землевладѣльцами то какъ фактъ, не требовавшій никакого законнаго подтвержденія, то какъ привилегія отдѣльнаго лица или сословія, признанная законодательствомъ. Въ періодъ до уложенія изъ владѣльческаго суда обыкновенно исключались губныя дѣла; но иногда изъ нихъ подлежали общему суду только нѣкоторыя преступленія, напр., душегубство и разбой съ поличнымъ; по всѣмъ другимъ дѣламъ расправа принадлежала вотчинникамъ и помѣщикамъ, которые обыкновенно поручали ее прикащикамъ, а сами принимали жалобы на сихъ послѣднихъ. Мѣсто прикащиковъ, въ имѣніяхъ богатыхъ людей, заступали приказы, которымъ были подчинены непосредственные начальники селъ и деревень. Иногда управленіе владѣль-

ческихъ имѣній были земскимъ выборнымъ, зависѣвшимъ отъ земскихъ судей, старостъ и цѣловальниковъ. Иски постороннихъ лицъ на крестьянахъ предъявлялись противъ ихъ господина обыкновеннымъ судамъ; но бывали случаи, что жалобы подавались и самому господину. Если онъ былъ освобожденъ отъ общей мѣстной подсудности, то судилъ дѣла своихъ крестьянъ съ посторонними людьми въ смежномъ судѣ съ намѣстникомъ и волостелемъ (*).

Уложеніе, распространяясь вообще очень мало о судѣ и расправѣ вотчинниковъ и помѣщиковъ между крѣпостными людьми, опредѣлительно высказалось только объ изъятіи отъ подсудности помѣщику разбойныхъ и убійственныхъ дѣлъ. Оно грозитъ владѣльцу отнятіемъ помѣстья и правежемъ двойнаго иска за убійство своего человѣка, который, по поимкѣ въ разбоѣ, долженъ быть представленъ въ губу (XXI. 79). По св. зак. изд. 1857 г. взаимные споры и иски крѣпостныхъ людей между собою разбирались и судились владѣльцами ихъ окончательно. По дѣламъ уголовнымъ тѣ изъ проступковъ и преступленій, которые не подвергаютъ виновныхъ лишенію всѣхъ правъ состоянія, когда они учинены противъ помѣщика или его семейства, подлежали расправѣ самаго владѣльца или управляющаго имѣніемъ. Когда же проступки и преступленія учинены крестьянами и дворовыми людьми противъ постороннихъ лицъ, то дѣла о томъ могли подлежать расправѣ помѣщика или управляющаго въ такомъ лишь случаѣ, если самъ обиженный будетъ сего просить. Помѣщики могли подвергать крестьянъ наказанію розгами до 40 или палками до 15 ударовъ, или же аресту отъ 1 до 7 дней, и въ случаяхъ особенно важныхъ до 2 мѣсяцевъ. Сверхъ того помѣщики могли отдавать крестьянъ въ смирительный домъ (до 3 мѣс.), арестантскія роты (до 6 мѣс.), сдавать въ рекруты и представлять въ распоряженіе пра-

(*) Исторія судебныхъ инстанцій и гражданскаго судопроизводства Дмитріева стр. 101 и 116.

вительства (ст. IX т. св. з. 1050, 1052, 1055, и 1056). О судебной власти помѣщиковъ въ разрѣшеніи гражданскихъ споровъ крестьянъ по претензіямъ къ нимъ постороннихъ лицъ нѣтъ никакихъ прямыхъ предписаній ни въ древнемъ русскомъ законодательствѣ, ни въ сводѣ законовъ, котораго постановленія, касающіяся помѣщичьихъ крестьянъ, также обратились уже въ исторію. Впрочемъ совершенно понятно, что de facto помѣщики пользовались, въ этомъ отношеніи, почти безпредѣльною властію, такъ какъ земля, на которой сидѣли крестьяне и ихъ животы считались собственностію помѣщиковъ, когда за неявившихся владѣльцевъ по вызову суда, брали ихъ крестьянъ и держали въ приказѣ, пока вызываемые объявятся, и когда присужденныя съ помѣщиковъ взысканія правились прежде всего на ихъ людяхъ и крестьянахъ (улож. гл. X. 139, 141, 239, 261, 262, 264).

Приведенныя нами опредѣленія русскихъ положительныхъ законовъ показываютъ, что при всей неполнотѣ постановленій ихъ о судебной власти помѣщиковъ. она была обширна, ограничивалась въ сферѣ уголовныхъ правонарушеній предоставленіемъ нѣкоторыхъ видовъ преступленій вѣдомству общихъ судебныхъ мѣстъ и содержаніемъ своимъ далеко превосходила гражданскую и уголовную компетенцію волостнаго суда и мироваго посредника. Крѣпостное право съ судебною властію помѣщиковъ, въ такихъ размѣрахъ, захватывало собою почти всю сферу личныхъ и имущественныхъ отношеній крестьянъ и находило свою рѣшительную санкцію въ запрещеніи крестьянамъ приносить жалобы и доносы на ихъ владѣльцевъ, кромѣ нѣкоторыхъ весьма немногихъ случаевъ, указанныхъ въ законахъ. Хотя русское законодательство въ своихъ постановленіяхъ о крѣпостныхъ людяхъ не доходило до признанія рабства и никогда не высказывало, подобно римскому, того начала, что крестьянинъ, пріобрѣтая для себя, пріобрѣтаетъ своему господину; но всякое пріобрѣтеніе крѣпостнымъ человѣкомъ вещныхъ и обязательственныхъ правъ, а равно защита ихъ на судѣ были поставлены, по нашимъ законамъ, въ зависимости

отъ воли владѣльца. Дозволеніе послѣдняго требовалось при покупкѣ крестьянами недвижимой собственности, было необходимымъ условіемъ дѣйствительности принятаго на себя крестьяниномъ обязательства, и безъ него крѣпостные люди не имѣли права становиться на судѣ своимъ лицомъ (ст. 1119 XI т. св. зак. изд. 1857 г. и указъ 3 марта 1848 г. (22042) п. 2 по П. Соб.) Впрочемъ, кстати можно замѣтить, что наши законы, чуждые вообще теоретической опредѣленности и догматической полноты, многое предоставляютъ практикѣ, утвердившемуся въ ней обычаю и ея здравому соображенію. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, судебная практика, не держалась, сколько намъ извѣстно, начала безусловной неспособности крестьянина защищать свое или чужое дѣло безъ дозволенія помѣщика. Имѣя, напротивъ, въ виду, что въ законахъ о судопроизводствѣ отсутствіе дозволенія владѣльца не показано въ числѣ причинъ, по которымъ прошенія возвращаются съ надписью, ни въ постановленіяхъ объ укрѣпленіи правъ вообще и въ особенности оно не отнесено къ необходимымъ и обыкновеннымъ условіямъ, помѣщаемымъ въ актахъ, судебныя мѣста находились въ затрудненіи отказывать крестьянамъ, которые обращались къ нимъ по своимъ дѣламъ, безъ представленія удостовѣреній о согласіи помѣщиковъ, или являлись истцами и отвѣтчиками на основаніи довѣренностей, данныхъ имъ безъ участія помѣщиковъ. Такимъ образомъ, отсутствіемъ дозволенія владѣльца, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаяхъ, противная сторона могла воспользоваться только какъ основаніемъ для эксцепціи, но если она имъ не пользовалась, то дѣло шло своимъ порядкомъ.

Отмѣною крѣпостнаго права, или права помѣщика на лицо принадлежащаго ему крѣпостнаго уничтожились сами собою стѣсненія властію помѣщика способности крестьянина пріобрѣтать права и защищать ихъ на судѣ. Послѣдній сдѣлался лицомъ правоспособнымъ, и подведенъ въ юридическомъ отношеніи, подъ одну законную норму со всѣми людьми, свободныхъ сословій. Пользуясь, наравнѣ съ послѣдними, свободою въ своей индивидуальной сферѣ, крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, сами

составляютъ особое сословіе, подлѣ другихъ низшихъ податныхъ сословій, и имѣя свои сословные органы для управленія и суда, подчиняются руководству и прямому дѣйствію представителей государственной власти. Потому судебная власть съ полною компетенціею рѣшить всѣ гражданскіе споры и наказывать всѣ возможные роды преступленій не могла быть предоставлена сословнымъ судебнымъ учрежденіямъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, какъ она не была предоставлена привилегированному сословію дворянъ помѣщиковъ и какъ не пользуются ею судебные органы всѣхъ другихъ свободныхъ состояній. Сословный органъ судебной власти, по самому существу понятія, долженъ быть ограниченъ въ своей компетенціи, и полнота судебной власти составляетъ принадлежность только общихъ учрежденій государственнаго правосудія.

Уничтожая крѣпостное право, можно было передать судебнымъ учрежденіямъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, столько власти, сколько принадлежало ея помѣщикамъ или меньше, но никакъ не больше. Ея передано меньше и это есть слѣдствіе историческихъ и умозрительныхъ причинъ, оказавшихъ свое вліяніе на наше законодательство при составленіи положенія 19 февраля.

Всѣ свободныя сословія, по многознаменательному выраженію нашего древняго законодательства, употребленному въ одномъ изъ журналовъ редакціонной коммисіи, непосредственно *тянутъ* къ живому средоточію государственнаго устройства, олицетворяющему собою единство русской земли и единство правящей его верховной власти, и подчиняются начальствамъ или постановленнымъ надъ ними тою же властію, или избраннымъ ими самими, а въ дѣлахъ общихъ для нѣсколькихъ сословій, коллегіальнымъ учрежденіямъ, составленнымъ на началѣ общаго сословнаго представительства. Въ такихъ отношеніяхъ къ государственной власти, что касается суда, находятся государственные крестьяне, которыхъ сельскія и волостныя расправы рѣшатъ на высшей ступени гражданскіе споры и

тяжбы до 15 руб., а по дѣламъ уголовнымъ присуждаютъ къ наказаніямъ, заключающимся въ денежныхъ взысканіяхъ отъ 25 коп. до 1 руб., работахъ отъ 1-го до 6-ти дней, арестѣ до 3-хъ дней и наказаніи розгами отъ 10 до 30 ударовъ, а имущественное вознагражденіе за потери, причиненныя проступкомъ, не выше 30 руб. Судебныя учрежденія городскихъ сословій, магистраты и ратуши, составляемыя изъ лицъ, опредѣляемыхъ по избранію гражданъ, пользуются правомъ постановлять окончательныя рѣшенія по дѣламъ гражданскимъ до 30 руб. и по дѣламъ уголовнымъ о—маловажныхъ проступкахъ; все же то, что превышаетъ ихъ довольно ограниченную компетенцію восходитъ на ревизію общихъ судебныхъ мѣстъ. Вотъ опредѣленія дѣйствующихъ въ Россіи законовъ о судебной компетенціи нашихъ сословныхъ учрежденій, и они то представляли собою историческое основаніе для нашего законодательства при устройствѣ управленія помѣщичьихъ крестьянъ, возведенныхъ положеніемъ 19-го февраля въ число свободныхъ податныхъ сословій.

Но одни историческія основанія рѣдко бываютъ достаточны для изобрѣтенія закона, удовлетворяющаго потребностямъ настоящаго и соотвѣтствующаго высшимъ соображеніямъ законовъ прогрессивнаго развитія человѣческихъ обществъ. Это въ особенности слѣдуетъ сказать о положеніи 19-го февраля, въ каждой строкѣ котораго можно читать присутствіе мысли законодателя, просвященной опытомъ политическихъ наукъ западной Европы и тѣми открытіями въ области мысли, въ которыхъ выразилось самопознаніе новаго, на поприщѣ цивилизаціи русскаго народа. Такимъ образомъ, при составленіи положенія о крестьянахъ не была забыта наука судоустройства съ ея современнымъ взглядомъ на судъ какъ на учрежденіе съ компетенціею, распространяющеюся равномѣрно на всѣ классы населенія.

Германскія среднія вѣка, говоритъ Блунтшли, цѣнившія прежде всего во всѣхъ дѣлахъ сословныя отношенія, держа-

лись того правила, что каждый долженъ быть судимъ предъ своими товарищами. На этомъ основаніи князя судили въ древнихъ имперскихъ судахъ только князья, вассала въ ленныхъ дѣлахъ его товарищи вассалы, свободнаго людина (Leute) его товарищи по сословію; горожанинъ могъ быть обжалованъ только въ своемъ городскомъ судѣ, и даже крѣпостные крестьяне были вообще судимы въ фогтейскихъ и надворныхъ судахъ, въ которыхъ чинили разбирательство ихъ товарищи крестьяне. Новѣйшее право отвергло сословную изолированность и распространило какъ коренныя начала уголовнаго и гражданскаго права, такъ вмѣстѣ и судебную компетенцію на всѣ классы населенія.

Сообразно съ этимъ, въ собраніи матеріаловъ редакціонныхъ коммисій для составленія положенія о крестьянахъ, мы встрѣчаемъ заявленную членами губернскихъ комитетовъ мысль о томъ, что, съ упраздненіемъ крѣпостной зависимости, нѣтъ надобности удерживать разъединеніе сельскихъ обывателей подчиненіемъ ихъ различнымъ вѣдомствамъ, и что какъ интересы дворянства находятся въ неразрывной связи съ интересами другихъ сельскихъ обывателей, то хозяйственно распорядительное управленіе должно быть общее; равнымъ образомъ желательно учрежденіе общаго для всѣхъ сословій суда.

Редакціонная коммисія, въ отвѣтъ на это соображеніе губернскихъ комитетовъ, съ своей стороны выразила, что немедленное преобразованіе мѣстнаго управленія и административное сліяніе крестьянъ всѣхъ вѣдомствъ, по чрезвычайной многосложности, по обширности требуемыхъ такою реформою законодательныхъ трудовъ, не упоминая о другихъ причинахъ значительно бы отдалило рѣшеніе крестьянскаго вопроса, между тѣмъ извѣстно, что правительствомъ уже учреждена особая коммисія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которая занимается составленіемъ проэкта преобразованія губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Какъ бы дальнѣйшее развитіе этой высказанной редакціонною коммисіею мысли составляетъ: 1-е примѣчаніе въ 102 ст. общаго положенія о крестьянахъ, въ

которой говорится, что впредь до изданія общаго сельскаго судебнаго устава, волостные суды, а также волостные старшины и сельскіе старосты, при опредѣленіи мѣры наказаній за маловажные преступленія и проступки, должны примѣняться къ правиламъ, установленнымъ по сему предмету въ сельскомъ судебномъ уставѣ для государственныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, наше законодательство, раздѣляя принятую въ европейскихъ теоріяхъ права и оправданную историческими преданіями отдаленной русской и общеславянской древности мысль о необходимости учрежденія общаго для всѣхъ сословій суда, въ исполненіи ея руководится тѣми соображеніями благоразумной постепенности, которыя оно находитъ въ преданіяхъ политическаго опыта и серьезномъ наблюденіи современной намъ дѣйствительности. Позволяемъ при этомъ сказать отъ себя, что законодательство, имѣя передъ собою два сословія, одно матеріально обезпеченное, обладающее нравственнымъ богатствомъ духовнаго просвѣщенія, и сильное воспоминаніями только наканунѣ уничтоженныхъ привилегій, и другое лишенное до сихъ поръ гражданскихъ правъ, бѣдное въ вещественномъ и умственномъ отношеніяхъ, находились бы въ большомъ затрудненіи не дать, при установленіи общихъ учрежденій, перевѣса представителямъ котораго нибудь изъ двухъ сословій, будутъ ли они опредѣляемы къ должностямъ избраніемъ своихъ согражданъ, или по назначенію отъ правительства. Если принять при этомъ во вниманіе поставленное законодательствомъ задачею земледѣльческой реформы имущественное обезпеченіе крестьянъ посредствомъ выкупа земли у помѣщиковъ и установленныя, въ этихъ видахъ, срочно обязательныя отношенія для лицъ, пользующихся землею безъ выкупа, то нельзя не согласиться, что уравновѣсить, при такихъ условіяхъ, представительство интересовъ обоихъ сословій въ новыхъ общихъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ составляетъ дѣло весьма трудныхъ, слишкомъ разнообразныхъ и серьёзныхъ соображеній законодателя.

Положеніе о крестьянахъ 19-го февраля, устранивъ отъ себя развитіе мысли объ устройствѣ учрежденій для управленія и суда, общихъ всѣмъ сословіямъ, ограничилось примѣненіемъ сельскаго судебнаго устава государственныхъ крестьянъ къ условіямъ, представляющимся въ новой средѣ его дѣйствія, между крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, и исправленіемъ отдѣльныхъ положеній этого устава, сообразнымъ съ успѣхами усвоенія, въ послѣднее время, нашимъ обществамъ научныхъ понятій. Заслуга въ этомъ отношеніи положенія 19-го февраля, какъ мы дальше увидимъ, очень велика. Независимо отъ волостныхъ судовъ, какъ сословныхъ крестьянскихъ учрежденій, по положенію о крестьянахъ 19-го февраля, установленъ судъ мировыхъ посредниковъ съ властію, распространяющеюся въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ на дѣла крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (по жалобамъ на сельскія и волостныя учрежденія), на дѣла крестьянъ съ помѣщиками и на извѣстный родъ дѣлъ лицъ всѣхъ сословій. Исторія законодательныхъ работъ, относящихся до этого послѣдняго учрежденія, какъ видно изъ матеріаловъ, изданныхъ редакціонными коммисіями, такова: въ состоящей при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коммисіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ составленъ былъ проэктъ положенія о мировыхъ посредникахъ и уѣздныхъ мировыхъ присутствіяхъ, который, по Высочайшему повелѣнію, былъ препровожденъ въ редакціонныя коммисіи, для соглашенія съ общимъ устройствомъ сельскихъ обществъ и для внесенія, вмѣстѣ съ прочими работами, въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу. При разсмотрѣніи этого проэкта, въ редакціонныхъ коммисіяхъ возбужденъ былъ вопросъ: необходимо ли установить особыя учрежденія для разбора дѣлъ, которыя возникнутъ изъ новыхъ отношеній между помѣщиками и выходящими изъ крѣпостной зависимости крестьянами, или же не лучше ли передать сіи дѣла общимъ мировымъ судамъ, которые предполагается образовать для разбора споровъ и проступковъ лицъ всѣхъ сословій и вѣдомствъ? По

упраздненіи крѣпостной зависимости крестьянъ, сказано въ докладѣ административнаго отдѣленія, неизбѣжно возникнутъ между ними и помѣщиками разныя недоумѣнія и споры, которые немедленно потребуютъ скораго разрѣшенія. Поэтому, предстоитъ крайняя необходимость образовать немедленно новыя для сего мѣстныя учрежденія, какъ для разбора сихъ споровъ, такъ и для нѣкоторыхъ дѣлъ распорядительныхъ. Конечно, всего было бы желательнѣе слить эти учрежденія съ предполагаемымъ образованіемъ общихъ мировыхъ судовъ для всѣхъ сословій и вѣдомствъ, но какъ введеніе такихъ судовъ, соединенное съ преобразованіемъ всего судопроизводства и разныхъ частей администраціи, можетъ быть еще отложено на неопредѣленное время, то съ обнародованіемъ новаго о крестьянахъ положенія, должны быть немедленно и неожидая общаго преобразованія судоустройства, образованы для разбора дѣлъ, которыя возникнутъ изъ новыхъ ихъ отношеній къ землевладѣльцамъ, особыя учрежденія, подъ названіемъ мировыхъ посредниковъ и присутствій. Къ этимъ дѣламъ слѣдуетъ присовокупить всѣ дѣла помѣщиковъ съ крестьянами по условіямъ о вольномъ наймѣ земли и рабочихъ, и въ тоже время можно распространить это постановленіе, сказавъ, что разбору мировыхъ учрежденій подлежатъ всѣ вообще споры по найму землевладѣльцами людей въ разныя деревенскія работы и въ услуженіе, также по отдачѣ въ наемъ земельныхъ угодій, равно и дѣла по потравамъ, лѣснымъ порубкамъ и т. п.; изъ такихъ мировыхъ посредниковъ, полагало административное отдѣленіе, можетъ въ послѣдствіи, путемъ какъ бы историческимъ, сложиться болѣе полное и совершенное учрежденіе общихъ мировыхъ судей, для коего, быть можетъ, въ настоящее время еще недостаточно подготовлена почва. Начало, здѣсь изложенное принято, какъ мы видѣли въ положеніи о крестьянахъ 19-го февраля и выражено въ опредѣленіяхъ его о предметахъ вѣдомства мировыхъ посредниковъ и мировыхъ уѣздныхъ съѣздовъ. Такимъ образовъ мировые посредники—учрежденіе, вызванное необходимостію судебнаго

органа для разрѣшенія дѣлъ между помѣщиками и крестьянами, которые будутъ возникать при новыхъ ихъ отношеніяхъ, носитъ въ себѣ выраженіе новаго взгляда на устройство судебнаго управленія и является какъ бы камнемъ, положеннымъ въ углу зданія судебныхъ учрежденій, общихъ для всѣхъ сословій.

Въ устройствѣ волостнаго суда, по положенію о крестьянахъ 19-го февраля обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія его стороны: новый законъ принявъ за правило, что присутствіе суда должно состоять не менѣе, какъ изъ трехъ судей, не требуетъ непремѣннаго и постояннаго присутствованія въ волостномъ судѣ всѣхъ избранныхъ, но позволяетъ волостнымъ сходамъ избирать отъ четырехъ до двѣнадцати судей, съ тѣмъ чтобы одни изъ нихъ (неболѣе половины) выбывали, и за тѣмъ выбывшіе замѣщались другими избранными судьями, по очереди, напередъ опредѣленной. Такой порядокъ составленія присутствія суда имѣетъ на своей сторонѣ большія выгоды. Не требуя отъ избранныхъ судей постоянныхъ занятій по отправленію должности, онъ облегчаетъ для нихъ, по возможности, служебный трудъ, и оставляя имъ значительную долю свободы въ частной дѣятельности, предотвращаетъ имущественныя потери, которыя могли бы имѣть мѣсто при постоянномъ составѣ присутствія, не смотря даже и на то, что волостный судъ собирается не очень часто, именно чрезъ каждыя двѣ недѣли. Это условіе, служащее къ облегченію служебнаго труда волостныхъ судей, позволяетъ надѣяться, что избираемые, благодаря ему, съ бо̀льшею охотою будутъ принимать на себя судейское званіе; законодательство, такою заботою о частныхъ интересахъ волостныхъ судей, въ глазахъ нашихъ, имѣетъ въ виду избѣжать опаснаго равнодушія крестьянъ къ общественному дѣлу, которое, при другихъ условіяхъ, по замѣчанію, неоднократно выраженному въ нашей литературѣ, было причиною упадка городской службы въ судебныхъ и хозяйственно-распорядительныхъ учрежденіяхъ. Судебная компетенція волостныхъ расправъ вѣдомства госу-

дарственныхъ имуществъ ограниченная спорами и тяжбами на сумму до 15 рублей, возвышена положеніемъ 19-го февраля для крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, до 100 руб. включительно. Кромѣ того, кругъ вѣдомства судебныхъ расправъ государственныхъ крестьянъ ограниченъ предоставленіемъ общимъ судебнымъ мѣстамъ споровъ, которые имѣютъ основаніемъ къ разрѣшенію крѣпостные акты и другіе документы, совершенные или засвидѣтельствованные въ присутственныхъ мѣстахъ, или же явленные у нотаріусовъ и маклеровъ. Допустивши такое ограниченіе судебной власти расправъ государственныхъ крестьянъ, законъ положительно высказываетъ, что въ сельской расправѣ разбираются споры государственныхъ крестьянъ, когда они происходятъ изъ словесныхъ договоровъ или условій по покупкѣ, продажѣ, наймѣ и тому подобнымъ сдѣлкамъ. Но раздѣленіе дѣлъ, въ судопроизводственномъ отношеніи, на крѣпостныя и некрѣпостныя представляется шаткимъ и вообще не выдерживаетъ критики. Нѣтъ никакой возможности положить на практикѣ какую либо грань между тѣми и другими дѣлами, если допуская такое раздѣленіе, мы захотимъ видѣть въ немъ не одну форму, а правило, путемъ котораго судебныя учрежденія должны достигать справедливости въ данномъ случаѣ. Анализъ судьи въ каждомъ, сколько нибудь сложномъ дѣлѣ открываетъ обстоятельства: главныя, второстепенныя (акцессуарныя) и такія, которыя хотя находятся въ связи съ предметомъ спора, но не могутъ имѣть никакого вліянія на существо рѣшенія. Письменные документы могутъ быть представляемы по каждому изъ этихъ трехъ родовъ обстоятельствъ,—и если всякое дѣло, въ которомъ имѣются такіе документы должно считать крѣпостнымъ, безъ различія указанныхъ нами выше родовъ обстоятельствъ, къ которымъ они относятся, то очень трудно положить грань между дѣлами крѣпостными и некрѣпостными, и едва ли, въ этомъ случаѣ, мы будемъ въ состояніи найти такія дѣла, которыхъ при всей немногосложности ихъ обстоятельствъ, нельзя бы было сдѣлать крѣпостными

посредствомъ представленія документа, имѣющаго какую нибудь съ ними связь.

Раздѣленіе дѣлъ на крѣпостныя и некрѣпостныя, какъ чуждое какой либо существенной черты въ юридическомъ отношеніи, не можетъ служить раціональнымъ основаніемъ къ распредѣленію предметовъ вѣдомства между сословными и общими судами. Всякое основаніе, какое захотимъ мы придать исключенію изъ подсудности сословныхъ учрежденій маловажныхъ дѣлъ, основанныхъ на нотаріальныхъ актахъ, будетъ какимъ то внѣшнимъ, а не вытекающимъ изъ самой сущности вещей, и изъ тѣхъ началъ, которыя приняты въ теоріяхъ судоустройства и судопроизводства и пользуются санкціей положительныхъ законодательствъ. Подобное исключеніе изъ вѣдомства сословныхъ судовъ всегда будетъ напоминать намъ то извѣстное въ исторіи французскаго законодательства явленіе,—что во время существованія въ этой странѣ сеньёріальныхъ судовъ, должностныя лица, облеченныя судебною властію отъ короля, требовали къ своему суду всѣ дѣла, возникавшія на основаніи актовъ, которые были засвидѣтельствованы постановленными отъ короля нотаріусами, въ чемъ очень рельефно высказывалась мысль ограничить кругъ вѣдомства сеньёріальныхъ судовъ, мысль очень вѣрная въ политическомъ отношеніи, но не подкрѣпленная никакими юридическими или процессуальными основаніями (*).

Въ положеніи о крестьянахъ 19-го февраля предоставлена волостнымъ правленіямъ довольно обширная власть по засвидѣтельствованію актовъ, и въ немъ нѣтъ постановленія о подчиненіи вѣдомству общихъ судебныхъ мѣстъ дѣлъ, которыя имѣютъ основаніемъ къ разрѣшенію крѣпостные акты и другіе документы, совершенные или засвидѣтельствованные въ присутственныхъ мѣстахъ, у маклеровъ и нотаріусовъ. Да и странно было бы требовать въ общія судебныя мѣста дѣ-

(*) Essai historique sur l'organisation judiciare. Pardessus. 1851 г.

ла, основанныя на актахъ, засвидѣтельствованныхъ у маклеровъ и нотаріусовъ, тогда какъ волостнымъ правленіямъ позволено утверждать сдѣлки до 300 р. сер., а акты, записанные у маклеровъ и нотаріусовъ, могутъ быть гораздо меньше этой суммы. При такомъ условіи, опредѣленіе вѣдомства волостныхъ судовъ по положенію 19-го февраля получило бо́льшую степень правильности въ юридическомъ отношеніи. Суды эти, учреждаемые на новомъ основаніи распредѣленія дѣлъ между сословными и общими органами, получаютъ болѣе широкій кругъ самостоятельной дѣятельности. Вообще говоря, законодательство наше, отдѣляя довольно обширный, какъ мы видѣли, кругъ вѣдомства сословнымъ крестьянскимъ судамъ, расчитываетъ на экономическое преуспѣяніе нашихъ селъ, и, предвидя быстрое развитіе богатства съ неизбѣжною при этомъ относительною сложностію юридическихъ отношеній крестьянъ, находитъ невозможнымъ ограничить вѣдомство волостныхъ судовъ, по гражданскимъ дѣламъ, одними спорами, происходящими изъ словесныхъ договоровъ.

Въ системѣ уголовныхъ наказаній важнымъ шагомъ положенія 19-го февраля представляется распространенное имъ на довольно значительное число лицъ изъ сословія крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, изъятіе отъ тѣлеснаго наказанія. Наконецъ положеніе о крестьянахъ 19-го февраля предоставляетъ волостнымъ судамъ, при отсутствіи заявленныхъ въ волостномъ правленіи сдѣлокъ и обязательствъ, рѣшать дѣла на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ. Право крестьянскихъ судовъ рѣшать гражданскіе споры на основаніи обычая, хотя и не было положительно высказано въ сельскомъ судебномъ уставѣ государственныхъ крестьянъ, но оно разумѣлось само собою по духу законодательства, и по всей вѣроятности, сельскія и волостныя расправы въ разрѣшеніи маловажныхъ споровъ, основанныхъ на словесныхъ договорахъ, руководствовались только однимъ обычаемъ. Теперь же это правило получило, въ отношеніи къ волостнымъ судамъ кресть-

янъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, санкцію законодательной власти. Нѣтъ надобности говорить о томъ, какъ много обѣщаетъ этотъ законъ для науки права и для законодательства, передъ которыми откроются драгоцѣнные источники изученія обычнаго права и съ ними возможность многосторонняго и глубокаго обсужденія юридическаго воззрѣнія народа, его потребностей и желаній, и относительнаго достоинства всякихъ новыхъ мѣропріятій.

Какъ далеко пойдутъ въ своемъ развитіи волостные суды крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; какъ съумѣютъ они пользоваться дарованною имъ закономъ самостоятельностію, и въ какой мѣрѣ рѣшенія ихъ будутъ популярны, при видимомъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, недостаткѣ образованія въ массѣ крестьянъ, и при затруднительности удостоивать, въ волости, заключающей въ себѣ отъ 300 до 2 т. душъ, избранія въ волостные судьи людей болѣе или менѣе просвѣщенныхъ, трудно сказать теперь что нибудь рѣшительное, какъ трудно вообще угадывать будущее. Впрочемъ исторія крестьянскихъ судовъ въ Россіи уже и теперь можетъ записать отрадный фактъ, сообщенный членомъ калужскаго комитета княземъ Оболенскимъ. «Мнѣ извѣстно, пишетъ князь Оболенскій, что въ калужской губерніи, во многихъ мѣстностяхъ, существуетъ судъ стариковъ и, между прочимъ, въ большомъ торговомъ селѣ Полотняномъ—Заводѣ, онъ получилъ такое значеніе, что не только крестьяне изъ окольныхъ селеній приходятъ туда на разбирательство, но купцы, мѣщане и сами помѣщики—владѣльцы обращаются къ тамошнимъ судьямъ, для разбирательства по своимъ дѣламъ».

Обращаясь засимъ къ охранительнымъ дѣйствіямъ по укрѣпленію правъ, мы не можемъ не замѣтить того важнаго преимущества положенія о крестьянахъ 19-го февраля, которое оно имѣетъ передъ постановленіями объ управленіи государственными крестьянами, въ отношеніи порядка составленія мірскихъ приговоровъ и разсмотрѣнія приносимыхъ на нихъ

жалобъ. По учрежденію объ управленіи государственными имуществами, приговоры сельскихъ обществъ, въ бо́льшей части случаевъ, должны быть представляемы на утвержденіе волостныхъ правленій и палаты государственныхъ имуществъ. Положеніе же 19-го февраля постановляетъ, въ какихъ случаяхъ большинство составляется изъ половины, и въ какихъ изъ двухъ третей голосовъ, участвующихъ въ сельскомъ и волостномъ сходахъ, объявляетъ законными всѣ тѣ приговоры, которые, при исполненіи этого условія, относятся исключительно до предметовъ вѣдомства схода, и затѣмъ не требуетъ никакого представленія такихъ приговоровъ высшему учрежденію. Относительно жалобъ на рѣшенія волостныхъ сходовъ оно постановляетъ, что жалобы эти приносятся мировому посреднику, для передачи на разрѣшеніе мироваго съѣзда. Право мировыхъ съѣздовъ постановлять окончательныя рѣшенія по жалобамъ на приговоры волостныхъ сходовъ, при быстротѣ публичнаго и устнаго въ нихъ судопроизводства, чрезвычайно важно. По управленію государственными имуществами очень часто возникаютъ жалобы на составленіе немногими лицами приговоровъ, подписанныхъ за неграмотныхъ членовъ сельскаго схода, безъ ихъ согласія. При большомъ числѣ доказанныхъ по такимъ жалобамъ подлоговъ, очевидно, что неграмотные поселяне не всегда умѣютъ противиться вліянію сильныхъ въ ихъ кругу лицъ, которыя пользуются подписями неосмотрительныхъ, для того, чтобы снять съ себя отвѣтственность главныхъ виновниковъ подлога. По самому существу дѣла, крайне необходимо, чтобы жалобы на отступленія отъ установленнаго порядка въ составленіи и утвержденіи приговоровъ обществъ получали возможно скорое разрѣшеніе. Между тѣмъ, разсмотрѣніе этихъ жалобъ въ палатахъ государственныхъ имуществъ обращается часто въ очень длинный и запутанный процессъ. Палата, какъ инстанція, утверждающая мирскіе приговоры, нерѣдко находится въ положеніи власти, которой приходится рѣшать собственное дѣло, что не можетъ не имѣть не-

благопріятнаго вліянія на интерессы обществъ и отдѣльныхъ лицъ, связанные съ разсмотрѣніемъ такихъ жалобъ. Если по дѣлу усматривается умышленная или неосторожная вина должностныхъ лицъ по составленію и утвержденію приговора, то палата, часто ничего не постановляя о силѣ его и способѣ основанія, дѣлаетъ распоряженіе о произведеніи слѣдствія, которымъ должны опредѣлиться какъ недостатки приговора, такъ и виновность лицъ, обвиняемыхъ въ нарушеніи закона. При такомъ направленіи дѣла, заинтересованныя лица, оставаясь въ продолжительномъ ожиданіи рѣшенія о силѣ приговора, должны нести большія потери. Эти неудобства не могутъ имѣть мѣста относительно жалобъ на приговоры волостныхъ сходовъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, такъ какъ подобныя жалобы приносятся уѣзднымъ мировымъ съѣздамъ черезъ мировыхъ посредниковъ, которые не связаны обязанностію предварительнаго утвержденія приговоровъ обществъ, и имѣютъ возможность непосредственно и скоро дѣлать удостовѣренія по обстоятельствамъ, подавшимъ поводъ къ жалобамъ.

Положеніе о крестьянахъ, дозволивъ волостнымъ правленіямъ утверждать сдѣлки частныхъ лицъ на сумму до 300 руб., выразилось объ актахъ, такимъ порядкомъ засвидѣтельствованныхъ, что, въ случаѣ спора, они имѣютъ силу судебнаго доказательства, если признаются дѣйствительными (неподложными) Это послѣднее постановленіе имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ исторіи укрѣпленія правъ по русскому законодательству. До сихъ поръ всякій споръ останавливалъ взысканіе по акту, писанному на дому, и право взыскивать назначенную по договору сумму, если нѣтъ спора о подложности, составляло въ нашемъ законодательствѣ привилегію актовъ, засвидѣтельствованныхъ у крѣпостныхъ дѣлъ, у маклеровъ и нотаріусовъ.

Такой порядокъ укрѣпленія правъ, по замѣчанію, неоднократно выраженному въ нашей періодической литературѣ, имѣлъ

неблагопріятное вліяніе на промышленность, и мало предохранялъ отъ убытковъ тѣхъ изъ промышленниковъ, которые, покупая продукты въ селахъ изъ первыхъ рукъ, встрѣчали затрудненія, или просто не хотѣли позаботиться вписывать заключаемыя ими сдѣлки въ крѣпостныя и маклерскія книги, ограничиваясь однимъ написаніемъ росписокъ на дому.

Помянутое нами преимущество актовъ, засвидѣтельствованныхъ у крѣпостныхъ дѣлъ, маклерами и нотаріусами и распространенное теперь на сдѣлки, записанныя въ книгахъ волостныхъ правленій, образовалось въ русскомъ законодательствѣ историческимъ путемъ и не оправдывается теоріею права, которая смотритъ на сдѣлки частныхъ лицъ, какъ на актъ добровольнаго соглашенія сторонъ, имѣющій для нихъ силу судебнаго рѣшенія, и допускаетъ вмѣшательство общественной власти въ эту индивидуальную сферу частныхъ лицъ только въ видахъ административныхъ и полицейскихъ, для наблюденія за правильнымъ поступленіемъ слѣдующихъ съ актовъ сборовъ въ казну, и для споспѣшествованія благосостоянію общества поддержаніемъ кредита гласностію перехода болѣе важныхъ правъ. Но законодательствомъ Петра Великаго для всѣхъ актовъ вообще былъ введенъ крѣпостный порядокъ совершенія, причемъ было принято за правило, что всѣ акты, безъ исключенія, должны писаться у крѣпостныхъ дѣлъ, и что тѣмъ изъ нихъ, которые не явлены къ запискѣ и не оплачены пошлинами, не слѣдуетъ вѣрить. Съ тѣхъ поръ начинается въ нашемъ законодательствѣ рядъ исключеній, который тянется чрезъ все прошлое столѣтіе, продолжается въ настоящемъ столѣтіи, и приводитъ наше законодательство объ укрѣпленіи правъ на имущество къ существующимъ теперь тремъ видамъ актовъ: крѣпостнымъ, явочнымъ и домашнимъ, которые, въ значеніи, присвоенномъ имъ сводомъ законовъ, пишутся на дому, и должны быть являемы для записки въ книгахъ маклеровъ и нотаріусовъ. Эти три рода актовъ признаются формальными, безспорными обязательствами, и взысканіе по нимъ производится полицейскимъ или исполнительнымъ по-

рядкомъ, если нѣтъ спора о ихъ подложности. Распространеніе положеніемъ о крестьянахъ 19-го февраля этого преимущества на акты, записанные въ книги волостныхъ правленій составляетъ новый, весьма важный шагъ въ томъ движеніи нашего законодательства объ укрѣпленіи правъ, которое началось со времени Петра Великаго.

А. ПЕСТРЖЕЦКІЙ.

О ЛИЦАХЪ,

ЗАЧАТЫХЪ ВЪ ОДНОМЪ И РОЖДЕННЫХЪ ВЪ ДРУГОМЪ БРАКѢ.

Рожденіе, начало самостоятельнаго бытія человѣка, составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и начальный моментъ его юридической жизни; со времени рожденія только является физическая личность. И самый моментъ, время рожденія часто оказываетъ существенное вліяніе на права физическаго лица: часто—родиться сегодня или родиться завтра не все равно для его юридической сферы. Одинъ день, даже одинъ часъ могутъ произвести большой переворотъ въ правахъ лица, переворотъ, клонящійся въ его пользу или во вредъ его. Вотъ почему точное опредѣленіе времени *рожденія* всегда признавалось весьма важнымъ для правъ лица.

И не только самое рожденіе, но и самое *зачатіе*, время этого зачатія, бываетъ также въ высшей степени вліятельнымъ на юридическое положеніе человѣка. Для правъ его не все равно, быть-ли зачатымъ въ то или другое время, подъ тѣми

или другими обстоятельствами, подъ тѣми или другими условіями. Хотя только со времени акта рожденія, съ отдѣленіемъ отъ чрева матери, человѣкъ вступаетъ въ общество людей и только этотъ актъ признается началомъ правоспособности лица; тѣмъ не менѣе и моментъ зачатія обращаетъ на себя вниманіе многихъ законодательствъ, въ томъ числѣ и нашего. При опредѣленіи правъ физическаго лица принимается въ соображеніе время пребыванія его въ утробѣ матери, хотя наше законодательство,—по мнѣнію пр. Мейера (*), съ которымъ и мы вполнѣ соглашаемся,—не признаетъ за зародышемъ никакихъ правъ. Вотъ въ этомъ смыслѣ, по отношенію къ нашему законодательству, должно понимать выраженія римскаго права, что зачатое дитя считается какъ бы рожденнымъ: Qui in utero est pro nato habetur, quoties de eo agitur и nasciturus jam pro nato habetur, si de ejus commodis res agitur.

Вліяніе на права физическаго лица времени рожденія и времени зачатія и опредѣленіе этого времени возбуждаетъ нерѣдко много весьма интересныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ важно и для науки права и въ приложеніи къ дѣйствительной жизни. Притомъ, разрѣшеніе такихъ вопросовъ часто представляется, повидимому, очень легкимъ, простымъ; на самомъ же дѣлѣ бываютъ такіе случаи, гдѣ вопросы эти болѣе затруднительны, нежели какъ кажется на первый разъ. Затрудненіе это иногда еще болѣе увеличивается по отношенію къ русскому праву, получившему особое, самостоятельное историческое развитіе.

Къ числу такихъ вопросовъ, безспорно, принадлежитъ одинъ изъ тѣхъ, какіе предложены покойнымъ профессоромъ казанскаго университета, Д. И. Мейеромъ, въ его лекціи, напечатанной въ настоящей книжкѣ журнала министерства юсти-

(*) См. Русское гражданское право, С.п.б. 1861 г., § 13 стр. 77.—Ср. *Блосфельда*, о правахъ утробныхъ и новорожденныхъ младенцевъ, § 1—7.

ціи (*),—именно вопросъ о томъ, къ какому браку должно быть причислено лицо, зачатое въ одномъ бракѣ, а рожденное въ другомъ. «По нашему законодательству,—говоритъ Мейеръ,—дитя можетъ быть признано законнымъ, хотя бы оно родилось и по прекращеніи брака. Бракъ прекращается, напримѣръ, смертію мужа; оказывается, что жена овдовѣла беременною: такое дитя, которое родилось въ теченіи извѣстнаго срока по смерти мужа, считается законнымъ. Съ другой стороны, законодательство опредѣляетъ, что когда бы ни родилось дитя по совершеніи брака, хотя бы и задолго до наступленія нормальнаго срока, оно все-таки считается законнымъ. Напримѣръ, бракъ совершился сегодня, а чрезъ нѣсколько дней жена разрѣшается отъ бремени; когда нѣтъ спора со стороны мужа, дитя считается законнорожденнымъ. Положимъ, что бракъ прекратился смертію мужа, что чрезъ нѣсколько недѣль вдова вступаетъ въ новый бракъ, и въ этомъ новомъ бракѣ рождается дитя до срока нормальнаго для беременности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ въ предѣлахъ срока, въ теченіи котораго дитя, рожденное по смерти мужа, считается законнымъ. Возникаетъ вопросъ: къ которому браку должно быть отнесено это дитя—къ первому-ли, прекратившемуся смертью мужа, или ко второму, въ которомъ всякое дитя считается законнымъ, коль скоро совершился бракъ, хотя бы и до нормальнаго срока»? Объ этомъ вопросѣ мы рѣшились высказать нѣсколько замѣчаній, въ особенности потому, что онъ встрѣчался и въ нашей жизни и былъ предметомъ обсужденія судебныхъ мѣстъ. Доказательствомъ служитъ дѣло, напечатанное въ апрѣльской книжкѣ журнала министерства юстиціи за истекшій годъ. Извлеченіе изъ рѣшенія по этому дѣлу мы представимъ въ концѣ настоящей нашей статьи.

Очевидно, что въ разрѣшеніи разсматриваемаго нами вопроса главную, существенную роль играютъ *законные сроки*,

(*) См. смѣсь.

т. е. сроки, установленные какъ нашимъ, такъ и другими законодательствами, въ теченіи которыхъ рожденное дитя считается законнымъ,—съ юридической точки. Сроки же эти основаны на наблюденіяхъ, произведенныхъ медицинскою наукою, относительно *преждевременныхъ* и *запоздалыхъ родовъ*. Обыкновенный срокъ беременности 9 мѣсяцевъ или лучше 9 мѣсячныхъ періодовъ, такъ какъ роды обыкновенно происходятъ, повидимому, въ тотъ день, въ который слѣдовало бы показаться въ 9-й разъ мѣсячному отдѣленію, считая со времени зачатія. Но, какъ и вездѣ, природа и здѣсь отступаетъ отъ своихъ законовъ: всѣмъ и каждому извѣстно, что роды могутъ наступить и ранѣе 9-ти мѣсячнаго срока и что въ другихъ случаяхъ беременность продолжается дольше этого срока. Различныя болѣзни, нравственныя впечатлѣнія, приличія и стѣсненія общественной жизни и тысячи другихъ причинъ могутъ ускорить роды или даже вызвать ихъ. Точно также многія обстоятельства могутъ быть причиною запоздалыхъ родовъ. Въ медицинскихъ сочиненіяхъ есть много примѣровъ необыкновенныхъ преждевременныхъ родовъ; такъ, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, Фортуніо Лицети родился на половинѣ пятаго мѣсяца и, тѣмъ не менѣе, прожилъ почти до 80 лѣтъ; съ другой стороны, есть такіе случаи въ медицинскихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ беременность кончилась разрѣшеніемъ на двѣнадцатомъ и даже тринадцатомъ мѣсяцѣ (*). Такимъ примѣрамъ, впрочемъ, сами медики не вѣрятъ. Но по достовѣрнымъ наблюденіямъ извѣстно, что часто родились дѣти живыми и способными къ жизни на 7 мѣсяцѣ и что даже остались въ живыхъ младенцы, родившіеся въ теченіи 6 мѣсяца, что, съ другой стороны, беременность можетъ продолжаться значительно долѣе обыкновеннаго срока,

(*) Свѣдѣнія эти заимствованы нами, равно и нѣкоторыя другія, чисто медицинскія, изъ руководства къ судебной медицинѣ проф. Бріана, переводъ которой появился у насъ въ прошломъ году, при Биб. медиц. наукъ М. Хана. См.: О преждевременныхъ и запоздалыхъ родахъ, стр.—143—149.

въ особенности беременность мужскимъ плодомъ: Бріанъ, въ своемъ руководствѣ къ судебной медицинѣ, отвергая незаслуживающія довѣрія случаи долговременной беременности, въ тоже самое время спрашиваетъ, слѣдуетъ-ли сомнѣваться въ случаяхъ, сообщенныхъ врачемъ Фодере, жена котораго родила два раза на второй половинѣ одинадцатаго мѣсяца. Но какъ бы то ни было, опредѣленныхъ, положительныхъ крайнихъ сроковъ беременности медицина не даетъ и дать не можетъ.

Между тѣмъ опредѣленіе, и опредѣленіе точное, сроковъ беременности весьма важно для науки права. Съ этими сроками связаны права на законное происхожденіе лица; законное или незаконное происхожденіе опредѣляетъ положеніе человѣка въ обществѣ и семействѣ, касается его чести, его добраго имени; съ происхожденіемъ связаны многія и нѣкоторыя весьма важныя преимущества гражданскія. Случаи же преждевременныхъ и запоздалыхъ родовъ въ жизни дѣйствительной бываютъ весьма часты и нерѣдко служатъ поводомъ жаркихъ споровъ и судебныхъ процессовъ. Потому положительныя законодательства никоимъ образомъ не могли ограничиться сроками неопредѣленными, какіе даетъ медицина; имъ нужно было на чемъ-нибудь опредѣленномъ остановиться, дать норму. Отсюда и происхожденіе *законныхъ сроковъ*. Въ опредѣленіи крайнихъ сроковъ законодательства руководствуются указаніями опыта, не устраняющими возможности случаевъ, которые выходятъ за предѣлы этихъ сроковъ. Отсюда можетъ произойти то, что дитя, зачатое въ бракѣ, по ранѣе или позже нѣсколько законныхъ сроковъ, будетъ признано незаконнымъ. Но такова уже судьба всякихъ законныхъ сроковъ, что съ ними соединяется возможность неправды по отношенію къ отдѣльнымъ, болѣе или менѣе рѣдкимъ случаямъ (*), ибо природа никогда не подчиняетъ себя опредѣленнымъ рамкамъ. Разнообразное назначеніе сроковъ относительно періода бере-

(*) См. Мейеръ, стр. 85.

менности въ различныхъ положительныхъ законодательствахъ (хотя эти сроки и весьма близко подходятъ другъ къ другу) прямо указываетъ на то, что послѣднія въ этомъ случаѣ колеблются въ выборѣ.

Грекоримское законодательство самымъ раннимъ срокомъ рожденія дитяти, вполнѣ образованнаго, принимаетъ *шесть мѣсяцевъ*, самымъ позднимъ—*десять*, почему законными дѣтьми супруговъ признаетъ только дѣтей, рожденныхъ не прежде шести мѣсяцевъ по заключеніи брака, и не позже десяти по прекращеніи его. Источники грекоримскаго законодательства, входящіе въ составъ нашихъ кормчихъ книгъ, не упоминаютъ объ этихъ срокахъ. Равнымъ образомъ ни въ уложеніи Царя Алексѣя, ни въ послѣдующихъ постановленіяхъ (высочайшихъ указахъ, состоявшихся по частнымъ дѣламъ въ царствованія Екатерины II, Александра I и Николая I) не находимъ упоминаній объ этихъ срокахъ. Въ сводѣ законовъ перваго изданія, въ 89 статьѣ зак. гражд., постановлено: «Всѣ дѣти рожденныя въ законномъ бракѣ, признаются законными, хотя бы они родились: 1) по естественному порядку слишкомъ рано отъ совершенія брака, если только родители не отрицали законности ихъ рожденія; 2) по смерти отца, если только между днемъ ихъ рожденія и днемъ смерти отца *не прошло времени болѣе того, сколько обыкновенно проходитъ между днемъ зачатія и днемъ рожденія младенца*». Таже статья вошла и во второе изданіе свода законовъ гражданскихъ (ст. 121) (*).

По дѣйствующимъ нашимъ законамъ: «всѣ дѣти, рожденныя въ законномъ бракѣ, признаются законными, хотя бы они родились: 1) по естественному порядку *слишкомъ рано* отъ совершенія брака, если только отецъ не отрицалъ законности ихъ рожденія; 2) по прекращеніи или расторженіи брака, если только между днемъ рожденія и днемъ смерти отца или расторженія брака прошло *не болѣе трехъ сотъ шести*

(*) См. Неволина. исторія росс. гражд. зак., т. I. стр. 313—316.

дней» (свод. зак. гражд.. изд. 1857 г., т. х. ч. 1-й, ст. 119). «Для лица, рожденнаго въ супружествѣ, но слишкомъ по обыкновенному естественному порядку рано, т. е. *прежде ста восьмидесяти дней* послѣ совершенія бракосочетанія, доказательствомъ, что отецъ его не отрицалъ законности его рожденія, признаются показанія или письма отца или удостовѣреніе, что онъ обращался съ нимъ какъ съ своимъ сыномъ или дочерью, и посему заботился о его содержаніи и воспитаніи, и что сіе лицо всегда пользовалось безпрекословно именемъ фамиліи того, кого оно именуетъ своимъ отцомъ (ст. 125). «Законность младенца, родившагося при существованіи законнаго брака, оспаривать въ правѣ только мужъ его матери, и не иначе, какъ доказавъ, что онъ, по отсутствію, не могъ во все время, къ коему должно отнести зачатіе сего младенца, и именно въ продолженіи трехъ сотъ шести дней предъ его рожденіемъ, имѣть съ своею женою супружескаго сожитія». . .' (ст. 127). «Законность лица, рожденнаго по истеченіи трехъ сотъ шести дней послѣ прекращенія брака смертію мужа, или послѣ расторженія сего брака установленнымъ на то порядкомъ, могутъ оспаривать всѣ тѣ, коихъ права личныя или по имуществу были бы нарушены чрезъ признаніе его законнымъ, но не позднѣе какъ чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ рожденія сего младенца» (ст. 131). Такимъ образомъ, наше законодательство крайними сроками принимаетъ 306 и 180 дней. Нужно замѣтить, что дѣйствующіе наши законы въ этомъ отношеніи близко подходятъ къ дѣйствующимъ законамъ французскимъ. Въ Code Napoléon (tit. VII, ch. 1) находимъ слѣдующія узаконенія: дитя, зачатое во время супружества, имѣетъ право считать отцомъ мужа своей матери Не смотря на то послѣдній можетъ не признать его, если докажетъ, что въ теченіи времени, протекшаго отъ *трехъ сотаго до ста восмидесяти втораго* дня до рожденія этого младенца, онъ не могъ или вслѣдствіе отлучки, или другихъ обстоятельствъ, имѣть сношенія съ супругою (art 312). Дитя, рожденное до 182 дня, со дня заключенія брака, не можетъ быть отвергнуто супру-

гомъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если онъ зналъ о беременности до вступленія въ бракъ; 2) если онъ присутствовалъ при составленіи свидѣтельства о рожденіи и подписалъ это свидѣтельство или же отказался отъ подписи единственно по безграмотности; 3) если дитя объявлено неспособнымъ къ жизни (art 314). Законное происхожденіе младенца, рожденнаго спустя 300 дней по прекращеніи брака, *можетъ быть оспариваемо*. Значитъ, французское законодательство, вмѣсто 306 дней, назначаетъ только 300, а вмѣсто 180—182. И съ этимъ законодательствомъ по настоящему предмету совпадаютъ совершенно постановленія законодательствъ обѣихъ Сицилій, Сардиніи, кантона Вартланда (canton de Vaud). Въ австрійскомъ кодексѣ находимъ такое постановленіе (art. 133), что предполагаются законными дѣти, рожденныя въ теченіи *седьмаго мѣсяца* по совершеніи брака, и въ теченіи *десятаго мѣсяца* по прекращеніи брака. Незаконныя дѣти не пользуются тѣми же правами, какъ дѣти законныя. Существуетъ законное предположеніе о незаконности рожденія, даже въ отношеніи дѣтей замужней женщины, когда они родились или послѣ или прежде законнаго срока, установленнаго выше. Очевидно, что австрійскіе законы, сравнительно съ другими, отзываются какою-то суровостію. Въ баварскомъ кодексѣ (art. 2) установлено, что дѣти, рожденныя прежде 182-го дня по совершешеніи брака и послѣ 302-го дня по прекращеніи брака, признаются незаконными.

Стало быть законодательства опредѣляютъ такіе сроки, какіе, по ихъ усмотрѣнію, можно считать болѣе близкими и справедливыми; и притомъ не всѣ законодательства опредѣляютъ эти сроки количествомъ дней, но и мѣсяцами. Трудно рѣшить, что справедливѣе, назначеніе-ли сроковъ болѣе крайнихъ, или же болѣе близкихъ къ нормальному термину беременности. Въ первомъ случаѣ могутъ пострадать интересы постороннихъ лицъ, напр., когда, при существованіи законнаго брака и законныхъ дѣтей, рождаются дѣти незаконныя; въ послѣднемъ интересы самихъ рождающихся. Какъ бы то ни было, дѣло законодательствъ

не въ рѣшеніи вопроса съ физіологической точки зрѣнія, вопроса, о которомъ столько разнорѣчивыхъ мнѣній въ самой медицинѣ. Ихъ дѣло—уничтожить источникъ запутанныхъ и часто скандалезныхъ тяжбъ, которыя возникаютъ по поводу преждевременныхъ и запоздалыхъ родовъ, указавъ судьямъ положительныя правила для рѣшенія недоумѣній и предотвратить такимъ образомъ на будущее время произволъ судебныхъ рѣшеній и разногласія приговоровъ.

«Такимъ образомъ,—говоритъ Бріанъ (*), для признанія законности дитяти достаточно, если онъ родился не ранѣе ста восьмидесятаго дня и, наоборотъ, не позднѣе трехсотаго (у насъ триста шестаго) со дня прекращенія брака (послѣдній день не включается въ расчетъ, таково по крайней мѣрѣ общепринятое мнѣніе). Но постоянно ли обязательно предположеніе, выраженное въ приведенныхъ статьяхъ закона, и распространяется ли обязанность судьи сличеніемъ факта съ закономъ и поставленъ ли онъ въ безусловную необходимость, убѣдившись изъ сравненія показаній, т. е. свидѣтельства о смерти мужа и свидѣтельства о рожденіи дитяти, что послѣднее родилось внѣ положеннаго срока, признать его незаконнымъ? Такъ, повидимому, понимаютъ этотъ вопросъ законовѣды и судьи. Правда, законъ не говоритъ, что дитя, рожденное по прошествіи трехсотъ дней, безусловно незаконно (*). Онъ ограничился только указаніемъ, что его законность *можетъ быть оспариваема*; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы рѣшеніе вопроса было предоставлено усмотрѣнію судей. Законъ указалъ только этими словами, что законность рожденія подлежитъ сомнѣнію единственно при спорѣ, объявленномъ со стороны лицъ, имѣющихъ на то право, и что дитя, пользующееся правами законнорожденнаго, продолжаетъ пользоваться

(*) Руков. къ суд. мед. стр. 147—148.

(*) Въ баварскомъ и австрійскомъ кодексахъ, какъ мы видѣли, законъ выражаетъ это положительно.

ими до тѣхъ поръ, пока никто не оспариваетъ его правъ, но въ противномъ случаѣ необходимо ихъ лишается. Между тѣмъ лиможскій судъ, отвергнувъ рѣшеніе бурганевскаго трибунала, утвердилъ въ полномъ присутствіи 18 іюня 1840 года приговоръ, несогласный съ вышеприведеннымъ толкованіемъ: «Выраженіе: *можетъ быть оспариваемо*, приведенное въ art. 315, не только даетъ наслѣдникамъ право оспаривать законность происхожденія, но въ то же время предоставляетъ дитяти возможность отстаивать свои права и доказать неопровержимыми данными, что беременность его матери продолжалась долѣе 300 (306) дней, вслѣдствіе уклоненія отъ естественнаго порядка, такъ какъ возможность подобнаго уклоненія понынѣ ничѣмъ не опровергнута положительно, и что запоздалое его рожденіе должно быть приписано исключительному случаю, игрѣ природы,—обстоятельствамъ, которыя не должны лишать его правъ, принадлежащихъ ему по справедливости».

Замѣтимъ, что мы не находимъ противорѣчія въ этихъ толкованіяхъ закона, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ нашему законодательству. Дитя, рожденное внѣ законныхъ сроковъ, въ случаѣ предъявленнаго спора, должно быть признано незаконнымъ; но это не отнимаетъ у него *никогда* права доказывать свою законность и между прочимъ доказывать, что беременность матери могла продолжаться долѣе 306 дней, (св. зак. гражд., т. х, ч. 1-й ст. 126).

Изъ всего предъидущаго изложенія нашего видно, что какъ въ отечественномъ, такъ и въ иностранныхъ законодательствахъ всѣ постановленія касаются собственно признанія дѣтей законными или незаконными, при существованіи извѣстныхъ обстоятельствъ; съ этою же самою цѣлью назначены законодательствами и крайніе законные сроки беременности. Но ни въ нашемъ законодательствѣ, ни во французскомъ, весьма близкомъ къ нашему по своимъ постановленіямъ о дѣтяхъ законныхъ и незаконныхъ, ни въ другихъ законодательствахъ мы не находимъ положительнаго раздѣленія того вопроса, который

мы имѣемъ здѣсь въ виду,—вопроса о принадлежности лица, зачатаго въ одномъ бракѣ, а рожденнаго въ другомъ. Это вопросъ въ дѣйствительности весьма спорный и весьма щекотливый; а въ подобныхъ спорныхъ вопросахъ положительныя узаконенія вообще не могутъ разсчитывать на твердое юридическое основаніе, такъ-какъ это основаніе не рѣдко можетъ поколебаться отъ одного какого-нибудь обстоятельства, факта, случая, повидимому совершенно неважнаго, незначущаго, въ сущности же измѣняющаго, можетъ быть окончательно, естественный или предъусмотрѣнный закономъ порядокъ вещей.

Прежде всего, ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ забывать того обстоятельства, что положительныя опредѣленія законодательства о спорахъ касательно законности или незаконности рожденія лицъ суть не болѣе, какъ только условныя предположенія, возведенныя въ законъ не столько по соображеніямъ чисто-юридическимъ, сколько по соображеніямъ нравственнымъ или религіознымъ и даже общественнымъ. Возьмемъ, для примѣра, хотя тотъ законъ, что всѣ дѣти, рожденныя въ законномъ бракѣ, признаются законными, хотя бы они родились по естественному порядку слишкомъ рано послѣ совершенія брака, если только родители (или правильнѣе отецъ) не отрицали законности ихъ рожденія. Очевидно, что здѣсь фактъ совершенія брака только прикрываетъ или можетъ прикрывать собою незаконность зачатія и, слѣдовательно, рожденія; незаконное, по естественному порядку рожденія, дитя признается законнымъ въ видахъ огражденія святости брака, въ видахъ устраненія соблазнительныхъ процессовъ, слѣдовательно, въ видахъ огражденія общественной нравственности и непарушимости семейнаго спокойствія и счастія. Здѣсь уваженіе къ нравственности и семейному благополучію беретъ перевѣсъ надъ чистыми юридическими воззрѣніями, надъ строгостью юридическихъ выводовъ. Положительный законъ, по различнымъ соображеніямъ, не входящимъ въ область права, считаетъ нужнымъ отвергнуть строгое правило римской теоріи fiat justitia, pereat mundus.

Повторяемъ, не должно забывать при разсмотрѣніи нашего положительнаго законодательства (которое мы имѣемъ преимущественно въ виду) того обстоятельства, что оно, давая свои опредѣленія о дѣтяхъ, рожденныхъ, по естественному порядку, или слишкомъ рано или слишкомъ поздно, обращало главнымъ образомъ и даже исключительно вниманіе свое на незаконность рожденія, желая прикрыть своими опредѣленіями нареканія относительно такого рожденія. Въ дѣйствительности же бываютъ случаи и такого рода, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть рѣчи о незаконности рожденія, т. е. гдѣ законность рожденія несомнѣнна, а весь вопросъ состоитъ только въ томъ, къ какому браку должно быть причислено дитя. И рѣшеніе такого вопроса можетъ быть въ высшей степени важнымъ для лица: для него можетъ быть не все равно—быть-ли причисленнымъ къ тому или же къ другому браку. Представимъ примѣръ.

Беременная вдова, чрезъ нѣсколько времени по смерти перваго мужа, вступаетъ во второй бракъ и разрѣшается отъ бремени. О незаконности рожденія тутъ рѣчи быть не можетъ (*). Но формальности, требуемыя закономъ, могутъ сложиться такимъ образомъ, что новорожденный, на основаніи ихъ, долженъ быть, согласно съ существующими узаконеніями, признанъ принадлежащимъ не къ первому, а ко второму браку. Новорожденный записанъ въ метрическія книги принадлежащимъ ко второму браку, во всѣхъ актахъ считается рожденнымъ отъ втораго брака, пользуется правами состоянія втораго мужа его матери, по смерти втораго мужа своей матери долженъ наслѣдовать въ его имѣніи и проч.; съ другой стороны, онъ лишается имени прежняго отца, не наслѣдуетъ ему и его роду и т. п. И все это можетъ случиться единственно отъ того, что его мать и новый ея супругъ не приняли или

(*) Французскіе законы прямо отнимаютъ у отца право оспаривать законность рожденія дитяти, какъ скоро онъ зналъ о беременности до вступленія въ бракъ (Cod. Nap. art. 314).

не хотѣли принять во вниманіе всѣхъ послѣдствій, какія имѣютъ произойти отъ признанія ими новорожденнаго общимъ своимъ дитятей. Невнимательность, несообразительность, невѣдѣніе законовъ здѣсь могутъ играть существенную роль; тутъ можетъ быть даже и недобросовѣстность. Супруги, положимъ, знаютъ достовѣрно, что новорожденный есть законное дитя отъ перваго брака его матери и все таки пріобщаютъ его ко второму браку, можетъ быть просто по ошибкѣ даже. А между тѣмъ и положеніе новорожденнаго въ обществѣ, и сфера его правъ, и вся его будущность измѣняются. Это измѣненіе легко можетъ быть существенно вреднымъ для него. Напримѣръ, первый мужъ матери былъ дворянинъ, наслѣдникъ богатаго имѣнія; второй лицо податнаго состоянія, не изъятый отъ наказаній тѣлесныхъ, безъ значенія, безъ прошедшаго, безъ будущности, безъ матеріальныхъ средствъ. Легко представить, какая громадная разница для новорожденнаго, причислить ли его къ первому, или же ко второму браку! Признать его принадлежащимъ ко второму браку значитъ лишить правъ дворянскаго сословія, права на наслѣдованіе настоящему своему отцу или его родственникамъ, лишить его имени, признать подлежащимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, обязаннымъ нести подушныя подати и другія повинности, подлежащимъ рекрутству. И лицо лишается законныхъ правъ своихъ, пріобрѣтенныхъ рожденіемъ, единственно вслѣдствіе соблюденія тѣхъ, а не другихъ формальностей, вслѣдствіе незнанія, ошибки, простоты или невѣжества своей матери и втораго ея мужа. Положительный законъ, благопріятный для тѣхъ лицъ, которыя могли бы быть признаны незаконными, для этого лица становится закономъ тягостнымъ, несправедливымъ. Судьба человѣка такимъ образомъ нерѣдко поставляется въ зависимость отъ обстоятельствъ самыхъ ничтожныхъ, отъ однихъ формальностей. И невольно рождается сомнѣніе относительно справедливости существующихъ законодательныхъ опредѣленій, какъ скоро ихъ хотятъ примѣнять къ такимъ обстоятельствамъ, которыя подходятъ подъ нихъ только по формальностямъ, по случайности. Невольно рож-

дается желаніе, чтобы законъ иначе взглянулъ на предметъ, опредѣлилъ и другую сторону его яснѣе и выразительнѣе. Пробѣлъ требуетъ восполненія.

И наши, и иностранные законы говорятъ только отдѣльно о позднемъ рожденіи лица внѣ брака или о слишкомъ раннемъ рожденіи его во время существованія брака. Но законодательства не комбинируютъ этихъ случаевъ, не предъусматриваютъ такой комбинаціи обстоятельствъ. Намъ кажется однако, что при существованіи такой комбинаціи въ бо́льшей части случаевъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ положительно, безъ отношенія къ формальностямъ. Такъ, положимъ, что существовали два брака: дитя могло быть зачато, по естественнымъ законамъ, въ первомъ бракѣ, а родилось уже при существованіи втораго брака. Къ какому браку принадлежитъ такое лицо? Если никто не доказалъ положительно, что оно не могло быть зачато въ первомъ бракѣ, то, естественно, что оно и причислено должно быть къ первому браку. Причислять же его ко второму браку нѣтъ ни малѣйшаго основанія; это было бы противно и справедливости, и духу самаго законодательства, противно даже здравому смыслу. Пусть дитя записано въ метрикахъ принадлежащимъ ко второму браку, пусть оно по другимъ актамъ, при жизни втораго мужа его матери, считалось его сыномъ или дочерью—все это ничего не значитъ: формальности должны уступить здѣсь мѣсто правдѣ, здѣсь одинъ только законъ примѣнимъ: дитя, рожденное, по прекращеніи брака, въ теченіи опредѣленнаго числа дней, признается законнорожденнымъ и, стало быть, принадлежащимъ къ первому браку. Другому закону здѣсь нѣтъ мѣста: онъ не примѣнимъ, да и не за чѣмъ его примѣнять. Дитя, признаваемое по закону принадлежащимъ къ первому браку, можетъ-ли, въ то же самое время быть признано принадлежащимъ ко второму браку, на основаніи другаго, *исключительнаго* закона? Очевидно нѣтъ, безъ нарушенія здравой логики, безъ отступленія отъ смысла, безъ оскорбленія основаній справедливости, наконецъ безъ нарушенія самаго закона, какъ скоро нѣтъ рузумныхъ причинъ отступать

отъ этого закона. Примѣненіемъ втораго закона значило бы только сперва признать дитя законнымъ, потомъ заподозрить его не законнорожденнымъ, и уже на основаніи *исключительно благосклоннаго* закона, не относящагося къ нему, опять признать законнымъ. Кто закономъ признается несомнѣнно законнорожденнымъ, того нечего уже признавать законнымъ на основаніи особаго закона, на основаніи *предположенія* (praesumptio) о его законности. Такое *предположеніе*, такое *quasi* даже оскорбительно для лица, какъ явно несправедливое. Если лицо родится хотя и по прекращеніи брака, но по закону должно быть признано законнорожденнымъ, то какое же можетъ имѣть вліяніе на его права вступленіе матери его въ новый бракъ, въ періодъ беременности? Ровно никакого. Другое дѣло, если бы могло настоять сомнѣніе въ законности лица по происхожденію отъ перваго брака: только тутъ благопріятный законъ, дозволяющій, подъ извѣстными условіями, признать его какъ бы зачатымъ во второмъ бракѣ, долженъ получить свое дѣйствіе. Только въ такихъ исключительно рѣдкихъ примѣрахъ, когда лицо по рожденію можетъ быть отнесено и къ прежнему и къ новому браку, (напримѣръ, дитя родилось до истеченія 306 дней по прекращеніи перваго брака, но послѣ 180 дней послѣ заключенія втораго брака), въ случаѣ спора и судебнаго разбирательства, рѣшеніе вопроса затруднительно.

По нашему мнѣнію, въ томъ случаѣ, если лицо, по времени зачатія своего, должно было быть причисленнымъ къ первому браку, но, по какимъ либо обстоятельствамъ или по какимъ либо соображеніямъ признано принадлежащимъ ко второму браку, такое лицо всегда должно удерживать за собою право доказывать противное, если оно считаетъ это нужнымъ для себя, полезнымъ для сферы своихъ правъ. Это мнѣніе нисколько не противорѣчитъ и дѣйствующимъ нашимъ законамъ (х. т. ч. I зак. гражд., ст. 126). Но, съ другой стороны, ему одному и должно только принадлежать такое право; всѣ же остальныя лица могутъ имѣть такое право только въ тѣхъ предѣлахъ, какъ это допускаютъ существующіе теперь законы о

дѣтяхъ законныхъ и незаконныхъ. Мы выше замѣтили уже, какія въ высшей степени невыгодныя для лица послѣдствія могутъ проистекать отъ неправильнаго признанія принадлежащимъ его къ тому, а не другому браку. А съ другой стороны, вслѣдствіе той же самой неправильности могутъ наступить совершенно противоположныя послѣдствія, въ высшей степени благопріятныя для лица. Естественно, по минованіи условій для предъявленія спора относительно принадлежности лица къ тому или другому браку, лицо, поставленное въ благопріятныя обстоятельства, должно пользоваться этими обстоятельствами, всѣми тѣми правами, какія отсюда рождаются, развѣ бы само лицо, по чему-либо, захотѣло доискиваться противоположнаго. Напримѣръ, собственно лицо должно принадлежать къ первому браку и по этому браку считаться лицомъ податнаго состоянія; но оно причислено ко второму браку и считается дворяниномъ. И если лицо само желаетъ и имѣетъ основанія доказать свою принадлежность къ первому, а не ко второму браку, можетъ-ли быть отказано ему въ этомъ правѣ? Думаемъ, что нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, трудно дать общія правила на подобные случаи. Въ каждомъ отдѣльномъ такомъ случаѣ можетъ представиться много затрудненій для разрѣшенія спора. Семейные интересы, интересы имущественные и т. п. могутъ вліять на запутанность дѣла.

Чтобы нагляднѣе представить разрѣшеніе вопроса, укажемъ еще на слѣдующій случай. Между прекращеніемъ перваго брака и заключеніемъ втораго не прошло болѣе 306 дней, maximum'а, назначеннаго нашимъ законодательствомъ для ношенія младенца въ утробѣ матери и для признанія его законнымъ даже и тогда, когда такое число дней (но не болѣе) протекло отъ прекращенія перваго брака. Положимъ, по истеченіи 305 дней отъ прекращенія перваго брака рождается дитя, и день рожденія есть второй день втораго брака. Къ какому браку должно быть отнесено дитя—къ первому или второму? *Кажется*, не можетъ настоять сомнѣнія въ рѣшеніи вопроса: дитя по естественнымъ законамъ могло родиться отъ перваго

брака (случаи бывали); но чтобы дитя могло родиться въ 24 часа, это физическая невозможность;, хотя можетъ быть и такъ, что дитя было плодомъ втораго брака, плодомъ зачатымъ послѣ, прекращенія перваго брака, но прежде заключенія втораго. Но во всякомъ случаѣ болѣе законныхъ предположеній въ пользу перваго положенія, чѣмъ въ пользу втораго. При этомъ случаѣ можетъ представиться еще такое интересное стеченіе фактовъ. Дитя зачато по предположенію въ первомъ бракѣ, но рождается уже по заключеніи втораго брака. Дитя это, какъ и слѣдовало ожидать, отнесено къ первому браку и при томъ соблюдены всѣ обычныя формальности. До истеченія узаконеннаго срока (три мѣсяца) по рожденіи дитяти, наслѣдники перваго мужа его матери начинаютъ искъ о незаконности новорожденнаго и доказываютъ свой искъ. т. е. они доказываютъ только, что по такимъ-то обстоятельствамъ новорожденный не могъ быть зачатъ отъ перваго мужа его матери. Спрашивается: слѣдуетъ-ли въ такомъ случаѣ признать дитя безусловно незаконнорожденнымъ, или же на него можетъ распространиться дѣйствіе того закона, что всѣ дѣти, рожденныя въ бракѣ, хотя бы по естественному порядку и слишкомъ рано, считаются законными, предполагая, что оба супруга втораго брака желаютъ и просятъ того? Трудно согласиться здѣсь на положительный отвѣтъ; вопросъ этотъ, кажется, сводится скорѣе къ вопросу объ усыновленіи.

Далѣе, въ представленномъ нами предъидущемъ случаѣ, чѣмъ меньше будетъ разстояніе между концемъ перваго и началомъ другаго брака, тѣмъ болѣе является вѣроятія, что новорожденное дитя должно быть отнесено именно къ первому браку и тѣмъ невѣроятнѣе становится принадлежность ко второму браку. Только споръ о законности рожденія можетъ поколебать эту вѣроятность и измѣнить общее правило.

Мы высказали только личное наше мнѣніе, можетъ быть и не вполнѣ вѣрное, тѣмъ болѣе, что мы признаемъ и á priori труднымъ разрѣшеніе вопроса относительно исключительнаго

случая, когда дитя можетъ равно принадлежать какъ первому мужу при запоздалыхъ родахъ, такъ и второму при преждевременномъ разрѣшеніи матери. Для примѣра, представимъ теперь два рѣшенія этого случая, взятые одно изъ французской юридической практики, а другое изъ русской.

«Гражданскій судъ департамента Сены рѣшилъ 10 августа 1838 года, что дитя, рожденное въ 280 день по смерти перваго мужа его матери, не должно необходимо считаться плодомъ перваго брака, а такъ-какъ законъ позволяетъ вдовѣ до истеченія этихъ десяти мѣсяцевъ вступить въ супружество, то въ случаяхъ, если младенецъ родился въ такой срокъ, когда по положенію закона онъ можетъ также считаться плодомъ втораго брака, судьямъ предоставляется рѣшить, къ которому изъ нихъ отнести его. Но 13 іюля 1839 г., по представленіи аппеляціи, судъ измѣнилъ этотъ приговоръ, а 23 ноября 1842 г. онъ былъ совершенно уничтоженъ кассаціоннымъ судомъ и орлеанскій судъ, которому передано было дѣло, 10 августа 1843 г., постановилъ, что ст. 315 кодекса распространяется только на дѣтей, которыя пользуются правомъ законнорожденныхъ, хотя и родились по истеченіи 300 дней послѣ прекращенія брака, что этотъ законъ однакожъ не безусловно обязателемъ, потому что рѣшенія суда безпрестанно отъ него уклоняются въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается дитяти втораго брака, заключеннаго въ продолженіи первыхъ десяти мѣсяцевъ вдовства матери, когда оно родилось въ продолженіи 300 дней по смерти перваго мужа, именно не ранѣе 180 дней послѣ смерти». (Affaire Henry; см. Gazette des trib., 10 авг. 1838, 13 и 14 іюля 1839, 1 и 12 дек. 1842 и 18 авг. 1843; ср. Бріана, суд. мед. стр. 148). Этотъ взглядъ французскихъ судебныхъ мѣстъ, какъ видно, близко подходитъ къ высказанному нами.

Совершенно на иныхъ основаніяхъ рѣшено то дѣло изъ русской судебной практики, о которомъ мы упомянули въ началѣ нашей замѣтки. Это дѣло—*о правахъ наслѣдства* (а не

о законности или незаконности рожденія) малолѣтнаго сына вдовы коллежскаго ассесора С-вой, Николая, на имѣніе гвардіи капитана Николая А-ва. Оно было изъ общаго собранія московскихъ департаментовъ правительствующаго сената, за разногласіемъ, внесено въ государственный совѣтъ. Хотя обстоятельства, послужившія основаніемъ этого дѣла, и самое мнѣніе государственнаго совѣта по этому предмету, уже извѣстны читателямъ журнала министерства юстиціи, тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ вкратцѣ изложить ихъ и здѣсь.

Провинціальный секретарь Николай А—въ вступилъ 5 февраля 1837 года въ бракъ со вдовою капитана В—ва (*). 14 мая того же года, т. е. чрезъ три мѣсяца и 9 дней послѣ этого брака, (т. е. менѣе далеко 180 дней), родился младенецъ, который въ метрической книгѣ записанъ сыномъ А—выхъ. Эта выписка изъ метрической книги помѣщена и въ свидѣтельствѣ, выданномъ 31 іюля 1840 года изъ с. петербургской духовной консисторіи. Сверхъ того, въ аттестатѣ Николая А—ва и въ формулярномъ его спискѣ показано, что онъ женатъ и имѣетъ сына Николая. 13 іюня 1841 г. Николай А—въ, умеръ, и только 29 ноября 1843 года *отецъ его*, гвардіи капитанъ А—въ, *предъявилъ, что именующійся внукомъ его долженъ быть признанъ В—мъ, а не А—вымъ.*

Изъ этихъ послѣднихъ словъ очевидно, что дѣдомъ былъ возбужденъ споръ не о *законности* или *незаконности рожденія* его внука, а только о *принадлежности его не къ той фамиліи*, къ которой онъ былъ причисленъ по документамъ,— споръ о происхожденіи его не отъ втораго, а отъ перваго брака. Конечно, оба эти вопроса, какъ вопросъ о принадлежности къ тому или другому семейству, о происхожденіи отъ того или другаго брака, такъ и вопросъ о законности рожденія, весьма тѣсно связаны между собою, часто разрѣшеніе ихъ можетъ сливаться; но, съ другой стороны, нѣтъ никакого сомнѣ-

(*) Къ сожалѣнію, не означено, когда именно умеръ В—въ.

нія, что оба вопроса могутъ существовать и отдѣльно, могутъ требовать каждый особаго разрѣшенія. И притомъ много значитъ, разумѣется, какъ поставлять эти вопросы, т. е. который считать главнымъ при разрѣшеніи и который побочнымъ, второстепеннымъ, зависящимъ отъ другаго; такимъ образомъ, самое разрѣшеніе много будетъ зависѣть отъ поставленія этихъ вопросовъ (*). Въ настоящемъ дѣлѣ главнымъ вопросомъ долженъ быть признанъ, конечно, вопросъ о происхожденіи лица отъ того или другаго брака, а не вопросъ о законности или незаконности рожденія. Противъ законности рожденія здѣсь никто и не споритъ: гвардіи капитанъ А—въ предъявилъ только, что именующійся внукомъ его долженъ быть признанъ В—ымъ, а не А—вымъ. Но въ государственномъ совѣтѣ поставленъ былъ во главѣ разрѣшенія спора именно первый вопросъ, вслѣдствіе чего и самое рѣшеніе естественно должно было получить особый оттѣнокъ, согласный съ постановленнымъ на первомъ планѣ вопросомъ о законности рожденія. Такое, повидимому, неправильное постановленіе вопроса, при разрѣшеніи спора, объясняется, безъ всякаго сомнѣнія, тѣмъ, что государственный совѣтъ имѣлъ въ виду разсмотрѣть вопросъ единственно на основаніи дѣйствующихъ законовъ, а дѣйствующіе наши законы, подходящіе сюда (равно какъ и постановленія иностранныхъ законодательствъ), говорятъ только о законности рожденія («о дѣтяхъ законныхъ и незаконныхъ»).

Принимая въ соображеніе обстоятельства дѣла, государственный совѣтъ нашелъ, что они доказываютъ несомнѣнно: во первыхъ, что рожденный 4 мая 1837 г. Александрою Филиповою С—вою сынъ былъ провинціальнымъ секретаремъ А—вымъ признанъ и оглашенъ законнымъ его сыномъ въ разныхъ актахъ, и что это признаніе не было имъ опровергаемо до самой смерти, т. е. въ продолженіи четырехъ слишкомъ лѣтъ со времени рожденія его сына; во вторыхъ, что противъ этого

(*) О значеніи этихъ вопросовъ упоминается и у Бріана—стр. 149.

признанія и оглашенія при жизни провинціальнаго секретаря Николая А—ва не было ни со стороны родныхъ его, ни отъ постороннихъ никакаго спора; и въ третьихъ, что споръ по сему возникъ только по прошествіи двухъ слишкомъ лѣтъ послѣ смерти отца того лица, о которомъ идетъ дѣло. Потому, основываясь на дѣйствовавшихъ до 1850 года законахъ (*), государственный совѣтъ пришолъ къ заключенію, что такъ какъ Николай А—въ рожденнаго въ законномъ бракѣ его, хотя по естественному порядку слишкомъ рано, сына Николая признавалъ и оглашалъ законнымъ своимъ сыномъ, то послѣдній, по буквальному смыслу 1 пункта 12 ст. х т., и долженъ быть признаваемъ законнымъ его сыномъ «Заключеніе сіе,—сказано, между прочимъ, въ мнѣніи государственнаго совѣта, —на буквѣ закона основанное, представляется, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно согласнымъ съ общимъ духомъ нашего законодательства, ограждающаго спокойствіе и честь семействъ отъ вчинанія соблазнительныхъ тяжбъ. Въ сихъ видахъ, со святостію брачныхъ узъ сообразныхъ, законы предоставили право спора противъ законности рожденія дѣтей только при жизни родителей. Въ источникахъ законодательства нашего находится сенатскій указъ 13 мая 1831 г., по силѣ коего, чтобы: «не подавать на будущее время силы опаснымъ примѣрамъ опровергать законное рожденіе дѣтей по смерти ихъ родителей», рожденные во второмъ бракѣ младенцы, одинъ чрезъ 5 мѣсяцевъ, а другой чрезъ два мѣсяца послѣ брака, признаны дѣтьми тѣхъ отцовъ, имена коихъ носили они во все время жизни сихъ послѣднихъ. Позднѣйшимъ закономъ 6 февраля 1850 года, который, впрочемъ, . . . повелѣно примѣнять только къ дѣламъ, могущимъ возникнуть послѣ его изданія, право спора противъ законности рожденія предоставлено только одному отцу, а въ случаѣ его смерти его наслѣдникамъ, но лишь въ такомъ случаѣ, ког-

(*) X т. свод. зак. гражд., изд. 1842 г., кн. 1, ст. 121 п. 1. 122 п. 1 и примѣчаніе къ послѣдней статьѣ.

да онъ прежде смерти не объявилъ, что признаетъ сего младенца законнымъ. Впрочемъ, наслѣдники, подъ опасеніемъ потери сего права, обязаны, во первыхъ, начать такой искъ не позднѣе, какъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, считая со дня смерти мужа матери младенца, будто бы незаконнорожденнаго, или же со дня рожденія сего младенца, если онъ родился послѣ смерти мужа матери; во вторыхъ, доказывать, что ему, (т. е. мужу) вовсе не было извѣстно существованіе сего младенца, или по крайней мѣрѣ, что онъ узналъ о томъ лишь не задолго до смерти своей и не могъ успѣть объявить споръ противъ законности его рожденія. При столь положительномъ постановленіи, которое изображено въ ст. 130 т. х ч. 1-й свод. зак. гражд., и вполнѣ согласно съ духомъ общаго о союзѣ брачномъ и законности дѣтей законодательства, не можетъ быть повода заключеніе о признаніи Николая сыномъ В—ва основывать на исчисленіи рожденія его отъ времени зачатія до смерти отца его. Подобное исчисленіе было бы во многихъ случаяхъ если не совершенно невозможно, то по крайней мѣрѣ основано на догадкахъ, которыя въ дѣлѣ судебномъ не должны быть допускаемы. Впрочемъ, здѣсь и сіе исчисленіе не повело бы къ какому-либо положительному убѣжденію. Рожденный женою А—ва младенецъ могъ, конечно, *по естественному порядку* быть зачатъ въ утробѣ матери при жизни ея перваго мужа, но, будучи рожденъ чрезъ семь съ половиною мѣсяцевъ послѣ его смерти, онъ могъ точно также и по тому жъ естественному порядку быть зачатъ уже по смерти перваго мужа и отъ А—ва, въ незаконной, но однакожъ не прелюбодѣйной связи его со вдовою В—ваго. Принимая все это въ соображеніе, и признавая, кромѣ того, необходимымъ поддержать силу законовъ, имѣющихъ цѣлью охраненіе спокойствія семействъ и устраненіе, по возможности, дѣлъ соблазнительныхъ, государственный совѣтъ отвергнулъ споръ о рожденіи Николая А—ва отъ провинціальнаго секретаря А—ва, какъ предъявленный въ противность законамъ.

Въ настоящемъ дѣлѣ и законы, и обстоятельства и формальности расположились такимъ образомъ, что нельзя не согласиться съ мнѣніемъ государственнаго совѣта. Но нужно и то замѣтить, что не всѣ же обстоятельства и не всѣ законы на сторонѣ этого рѣшенія; они берутъ только перевѣсъ надъ тѣми обстоятельствами и законами, которые говорятъ въ пользу противоположнаго мнѣнія, но которые въ настоящемъ случаѣ представляются болѣе слабыми, нежели первые. Мы уже сказали, что въ настоящемъ дѣлѣ вовсе не было спора о законности или незаконости рожденія лица, а напротивъ того предъявленъ былъ только споръ о происхожденіи его отъ того или другаго брака. Поставляя такимъ образомъ вопросъ, необходимымъ является прибѣгать къ исчисленію сроковъ беременности. При такомъ поставленіи вопроса весьма много значенія утрачиваютъ всѣ тѣ формальности, какими обстановили законодательства процессы о дѣтяхъ законныхъ и незаконныхъ. Замѣчанія, какія бы можно было сдѣлать относительно этого, были бо́льшею частію высказаны уже въ предъидущемъ изложеніи.

Въ заключеніе замѣтимъ, что у насъ метрическія книги служатъ главнымъ документомъ, подтверждающимъ законность рожденія и обезпечивающимъ тѣмъ права новорожденнаго. Но эти документы не вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію. Въ этомъ отношеніи, кажется, лучше тотъ порядокъ, какой принятъ во Франціи. По законамъ этой страны рожденіе дитяти должно быть объявлено въ теченіи первыхъ трехъ сутокъ послѣ родовъ мѣстному гражданскому начальству, которому дитя должно быть представлено. Рожденіе должно быть объявлено отцомъ или, за неимѣніемъ отца, докторами медицины или хирургіи, повивальными бабками, и чиновниками медицинской полиціи, или другими лицами, присутствовавшими при родахъ; если же мать родила не у себя дома, то тѣмъ лицомъ, у котораго она родила. Въ свидѣтельствѣ о рожденіи должны быть показаны день, часъ и мѣсто рожденія, полъ дитяти, имя и фамилія, занятіе и мѣсто жительства отца

и матери (Cod. Nap. art. 55, 56, 57). Протоколъ, составленный по этому случаю гражданскимъ чиновникомъ, замѣняетъ собою свидѣтельство о рожденіи. Этотъ порядокъ и удобнѣе и проще нашего, и притомъ вѣрнѣе достигаетъ своего назначенія, въ чемъ читатели убѣдятся при чтеніи рѣшенія по гражданскому дѣлу, напечатаннаго въ настоящей книгѣ журнала. Кромѣ того, этотъ порядокъ служитъ весьма вѣрнымъ источникомъ для собиранія положительныхъ статистическихъ свѣдѣній. У насъ до сихъ поръ приходится довольствоваться только приблизительными данными, относительно движенія народонаселенія, и потому желательно было бы, чтобы на этотъ предметъ было обращено вниманіе правительства.

П. МУЛЛОВЪ.

ОБЪ ОСКОРБЛЕНІИ ЧЕСТИ

УМЕРШИХЪ ЛИЦЪ.

Изъ Миттермайера.

Важный вопросъ, связывающій уголовное законодательство съ семейными отношеніями, вопросъ о томъ, могутъ ли, и при какихъ условіяхъ, наслѣдники начинать искъ за клевету и оскорбленіе чести ихъ умершихъ родственниковъ, пріобрѣлъ въ новѣйшее время большое значеніе. Для разрѣшенія этого вопроса имѣется богатый матеріалъ. Онъ обсуждался недавно въ законодательныхъ собраніяхъ двухъ государствъ.

Въ Баваріи правительство, въ предложенномъ палатамъ проектѣ, полагало, что уголовныя наказанія за клевету и оскорбленіе примѣнимы и тогда, когда подобное оскорбленіе совершено въ отношеніи умершаго, и что наслѣдники или родственники послѣдняго въ первой или второй степени имѣютъ право на искъ. Въ засѣданіи комитета второй палаты докладчикъ, соглашаясь принять эту статью, предлагалъ однако, чтобы искъ могъ быть начинаемъ только супругами, родителями, братьями и сестрами. Изъ членовъ комитета нѣкоторые были совершенно противъ такого постановленія, основываясь на томъ, что умершій не можетъ болѣе быть субъектомъ права, и что сужденіе о немъ должно быть совершенно свободнымъ, въ видахъ существованія исторіи. Между тѣмъ другой

членъ выразилъ, что слѣдуетъ собственно дѣлать различіе между дѣйствіями, относящимися до общественной жизни, и поэтому принадлежащими исторіи, и дѣйствіями частными, и что сужденіе о первыхъ должно быть свободно. Третій членъ говорилъ, что оскорбленіе умершаго только тогда можетъ быть вмѣнено въ преступленіе, когда касается въ то же время и живыхъ.

При собраніи мнѣній число голосовъ раздѣлилось поровну; рѣшеніемъ предсѣдателя, который присоединился къ голосамъ, поданнымъ противъ права наслѣдниковъ на искъ, постановленіе это было отвергнуто. Въ 1860 году въ пересмотрѣнномъ и вновь предложенномъ палатамъ проектѣ уголовныя наказанія за клевету и оскорбленія чести назначались и тогда, когда оскорбленіе направлено противъ умершаго, съ тѣмъ однакоже, чтобы право иска было предоставлено только супругамъ, родителямъ, братьямъ и сестрамъ.

Въ бельгійской палатѣ депутатовъ происходили въ 1859—1860 г. подробныя пренія объ этомъ предметѣ.

Въ превосходной запискѣ, изложенной Гаусомъ, профессоромъ въ Гентѣ, коммисія развивала ту мысль, что по code pénal (дѣйствующему въ Бельгіи) оскорбленіе умершаго, когда оно не затрогиваетъ живыхъ членовъ семейства, не можетъ быть предметомъ наказанія, потому что въ статьѣ кодекса о клеветѣ ничего не говорится о томъ, чтобы чрезъ слова умершій могъ подвергаться или судебному преслѣдованію, или ненависти и презрѣнію согражданъ. Коммисія объясняетъ, что хотя относительно оскорбленій умершаго въ code pénal есть пробѣлъ, и что въ постановленіяхъ о наказаніяхъ нельзя основываться на аналогіи, но тѣмъ не менѣе оскорбленіе памяти лица, которое болѣе не можетъ защищаться, есть малодушіе и низость и потому законодателю должно быть вмѣнено въ обязанность пополненіе этаго пробѣла и измѣненіе статьи de la calomnie въ code pénal. Въ коммисіи второй палаты депутатовъ былъ также возбужденъ этотъ вопросъ и указано на рѣшеніе, послѣдовавшее въ 1827 году въ брюссельскомъ аппеляціонномъ судѣ, по которому оскорбленіе, учи-

пенное умершему, признано основаніемъ уголовнаго преслѣдованія только тогда, когда оно вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и на наслѣдниковъ умершаго и касается ихъ собственной чести. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ засѣданій одинъ депутатъ отстаивалъ это правило, но большинство требовало, чтобы вообще былъ дозволенъ искъ за клевету противъ умершихъ. Въ засѣданіи палаты (1860 г.) одинъ изъ членовъ выразилъ слѣдующее мнѣніе: 1) нельзя руководиться въ этомъ случаѣ внушеніями чувства, 2) хотя уваженіе къ покойникамъ вполнѣ основательно, но вопросъ состоитъ въ томъ, гдѣ кончается право семейства и начинается сфера исторіи. Далѣе онъ говорилъ, что судебная практика во Франціи не представляетъ однообразія въ этомъ отношеніи и что кассаціонный судъ только иногда на слабыхъ основаніяхъ допускалъ подобные иски; наконецъ, что законодатель долженъ былъ выразиться ясно и точно опредѣлить: «право иска за клевету противъ умершаго принадлежитъ исключительно супругу, родственникамъ первой степени по прямой линіи и родственникамъ второй степени по боковой линіи». Другой членъ дѣлалъ различіе между дѣйствіями, относящимися до политической жизни умершаго и дѣйствіями его частной жизни, и находилъ, что сужденіе о первыхъ должно быть совершенно свободнымъ. Онъ замѣтилъ при этомъ, что коммисія придала слишкомъ обширное значеніе слову considération въ опредѣленіи клеветы, потому что на этомъ основаніи можно было бы причислить къ клеветѣ и порицаніе тѣхъ поступковъ, которые указываютъ только на способности, умъ и дарованія извѣстнаго лица.

Изъ этихъ преній, отличавшихся многими важными практическими замѣчаніями, видно, что члены раздѣляли убѣжденіе о невмѣняемости преступленій клеветы противъ умершаго на основаніи существующаго въ code опредѣленія о клеветѣ, но признавали необходимымъ изданіе новаго закона, который бы допускалъ уголовный искъ, такъ какъ честь семейства драгоцѣнная вещь. Было признано въ то же время необходимымъ обеспечить интересы свободнаго историческаго изслѣдо-

ванія и, во всякомъ случаѣ, ограничить права уголовнаго иска. При этомъ справедливо было замѣчено, что лучшіе законы и опредѣленія ни къ чему не служатъ, если ихъ примѣняютъ плохіе судьи, а потому самымъ лучшимъ орудіемъ защиты были бы присяжные. Коммисія еще предложила новое опредѣленіе клеветы, но противъ этого возстали, говоря, что клеветой должно считаться не только *похищеніе* (rauben) уваженія, но и ослабленіе онаго. Въ продолженіи преній одинъ членъ порицалъ въ проектѣ слишкомъ замѣтное нѣмецкое стремленіе (tendance germanique); на это докладчикъ очень дѣльно возразилъ, что коммисія старается почерпать все хорошее отвсюду, гдѣ только его находитъ; объяснивъ между прочимъ, что Германіи принадлежатъ самыя замѣчательныя сочиненія по уголовному праву и самые великіе криминалисты. Послѣ долгихъ преній проектъ коммисіи былъ наконецъ принятъ и законъ изложенъ слѣдующимъ образомъ: «Въ случаѣ клеветы, «направленной противъ лица умершаго, преслѣдованіе можетъ «имѣть мѣсто не иначе, какъ по жалобѣ оставшагося родственника, или восходящаго или нисходящаго до 3-ей степени, а, за неимѣніемъ таковаго, по жалобѣ одного изъ законныхъ наслѣдниковъ въ такой же степени».

Недавно во Франціи занимающій насъ вопросъ былъ предметомъ весьма интересныхъ судебныхъ преній. Среди великой борьбы, происходящей между церковью и государствомъ, возвысилъ свой голосъ епископъ орлеанскій Дюпанлу въ пользу интересовъ церкви. Газета «le constitutionnel», опровергая мнѣнія епископа, превозносила умѣренность и кротость предшественника Дюпанлу, епископа Руссо, жившаго 50 лѣтъ тому назадъ. Дюпанлу, для ослабленія репутаціи Руссо, сослался на многіе почерпнутые изъ архива факты, которые противорѣчили съ прославляемымъ благородствомъ характера Руссо, Племянница Руссо увидѣла въ этомъ оскорбленіе чести своего дяди и начала искъ противъ Дюпанлу.

15 марта 1860 г., въ императорскомъ судѣ въ Парижѣ происходили пренія по этому дѣлу; содержаніе ихъ осталось

неизвѣстнымъ, потому что, какъ сказано въ газетѣ «le droit», *законъ въ данномъ случаѣ не допускаетъ гласности.*

Въ опредѣленіи суда отъ 19-го марта, которымъ жалоба наслѣдниковъ Руссо отвергнута, изложены причины, по коимъ судъ призналъ, что французскіе законы не предоставляютъ наслѣдникамъ права начинать искъ за оскорбленіе чести ихъ умершихъ родственниковъ. Причины эти, на сколько они касаются разсматриваемаго нами вопроса, заключаются въ слѣдующемъ. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ рѣшеніе, что до закона 1819 г. оскорбленія чести умершаго не составляли преступленія; что при существованіи закона 1819 г., для преслѣдованія подобнаго рода преступленій, должно быть доказано, что законъ 1819 г. постановилъ подобное правило. Ни изъ текста закона, ни изъ происходившихъ при его изданіи преній нельзя заключить, что прежнее законодательство измѣнено, между тѣмъ какъ гораздо болѣе говоритъ въ пользу того, что въ 1819 г. не имѣлось въ виду вводить новыя положенія, а только разсмотрѣть существовавшіе законы, въ особенности въ отношеніи печати. Законъ опредѣляетъ клевету, какъ обвиненіе, когда подобный фактъ касается чести лица (personne). Выраженіе personne означаетъ только живыхъ. Судья не имѣетъ права пополнять пробѣлы въ законѣ, и если юристы выражаютъ сожалѣніе о томъ, что законъ не угрожаетъ наказаніемъ такому дѣйствію, какъ клеветѣ, часто очень тяжкой, противъ памяти умершаго, то при этомъ признаютъ, что для наказанія подобнаго преступленія требуется особый уголовный законъ. Если мудрое опредѣленіе 1819 г., по которому искъ можетъ начаться только по жалобѣ стороны, qui se pretendra lèsée, распространить и на оскорбленіе чести умершихъ, то необходимо должно было бы опредѣлить, какъ именно вести подобное дѣло, въ особенности же когда изъ двухъ наслѣдниковъ одинъ желаетъ преслѣдованія, а другой нѣтъ. Слѣдуетъ замѣтить также, что еслибы законодатель 1819 г. хотѣлъ подвести подъ уголовный законъ и оскорбленіе умершихъ, онъ, безъ сомнѣнія, принужденъ былъ бы оградить неотъемлемыя права историка, который въ интересахъ общества

не долженъ быть поставленъ въ такое положеніе, въ которомъ онъ не могъ бы произнести порицанія ни объ одномъ имени, не подвергаясь опасности уголовнаго преслѣдованія. А потому въ дѣлахъ такого рода французскіе суды до сихъ поръ постоянно обращали вниманіе на то, имѣло ли цѣлію поношеніе умершаго оскорбить честь наслѣдниковъ. Должно принять въ соображеніе еще то, что если наслѣдники Руссо и могли чрезъ обнародованіе документовъ, относящихся до частной жизни умершаго, считать себя оскорбленными въ своихъ семейныхъ чувствахъ, то тѣмъ не менѣе они должны сознаться, что эти сильныя вспышки политическихъ или религіозныхъ страстей, которыя, хотя и не могутъ быть оправданы,—ни въ какомъ случаѣ не были направлены лично противъ ихъ, наслѣдниковъ. На этихъ основаніяхъ судъ отвергнулъ ихъ искъ.

Это рѣшеніе, конечно, не могло не возбудить всеобщаго вниманія, потому что интересовало не только юристовъ, видѣвшихъ въ немъ рѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ права, но занимало и всѣ семейства, преимущественно же государственныхъ людей, сознававшихъ важность этого рѣшенія въ борьбѣ духовенства съ правительствомъ. Рѣшеніе это вызвало появленіе двухъ ученыхъ сочиненій, заслуживающихъ вниманія иностранныхъ юристовъ. Bertin, главный редакторъ газеты Le Droit, разсматривая рѣшеніе, говоритъ, что пристрастіе той или другой партіи въ политическихъ или религіозныхъ спорахъ имѣетъ вліяніе на рѣшеніе судомъ вопроса о правѣ. Статья Bertin преимущественно направлена противъ мнѣнія, что будто чрезъ дозволеніе иска за оскорбленіе умершихъ будутъ нарушены права исторіи. По его мнѣнію, историкъ можетъ свободно приводить факты, касающіеся умершаго, если только онъ честно идетъ къ цѣли, а тотъ, который и факты и даже документы вымышляетъ самъ и пишетъ единственно съ злою цѣлію очернить человѣка, не заслуживаетъ никакого покровительства. Bertin старается доказать, что французское законодательство защищаетъ память умершихъ статьями 957 и 1047 гражд. кодекса и статей

444 code d'instruction. Основываясь на этомъ, онъ находитъ необходимымъ признать, что, по мысли законодателя 1819 г., искъ наслѣдниковъ за оскорбленіе умершаго долженъ имѣть мѣсто, тѣмъ болѣе, что и право признаетъ наслѣдника представителемъ умершаго лица, и слово personne относитъ не къ однимъ живымъ.

Morin въ своемъ ученомъ сочиненіи о правѣ наслѣдниковъ на искъ за оскорбленіе чести родственниковъ, разсматриваетъ вопросъ съ безпристрастной точки зрѣнія и взвѣшиваетъ интересы обѣихъ сторонъ, т. е. права историка и чувство благочестія семейства. По словамъ Morin, необходимъ особенный уголовный законъ, который бы уполномочивалъ судью наказывать подобныя оскорбленія, для того, чтобы въ случаѣ трудности разрѣшенія этого вопроса, судья могъ основываться на положительномъ законѣ. Разсматривая вопросъ о томъ, подвергаются ли по французскимъ законамъ наказанію оскорбленія умершихъ, авторъ говоритъ, что изъ постановленія, запрещающаго подобныя оскорбленія противъ членовъ царствующей фамиліи, еще нельзя выводить заключенія, что поношенія умершихъ частныхъ лицъ также подлежатъ наказанію. Ни изъ закона, ни изъ преній при постановленіи этого закона не видно въ законодателѣ желанія подвергать наказанію оскорбленія, о которыхъ идетъ рѣчь. Morin предостерегаетъ противъ обращенія въ подобномъ случаѣ къ фикціямъ римскаго права о единствѣ наслѣдника съ лицомъ умершаго, а также руководиться прекрасными фразами о нравственности и благочестіи. Изъ того, что новѣйшее рѣшеніе отказало наслѣдникамъ Руссо въ уголовномъ искѣ, еще не слѣдуетъ, говоритъ Morin, чтобы имъ не принадлежало право гражданскаго иска.

Рѣшеніе по дѣлу наслѣдниковъ Руссо обратило на себя вниманіе въ высшихъ сферахъ. Министръ юстиціи и генералъ-прокуроръ Дюпенъ находили, что подобное разрѣшеніе вопроса о правѣ при борьбѣ правительства съ духовенствомъ можетъ повести къ различнаго рода затрудненіямъ. А потому, въ интересѣ закона, было повелѣно перенести настоящее дѣло

въ кассаціонный судъ. Министръ юстиціи выразился такъ: что принятое въ основаніе рѣшенія толкованіе закона не юридическое, потому что нельзя допустить, чтобы въ странѣ, гдѣ почитаніе домашнихъ преданій и уваженіе къ умершимъ составляютъ основанія общественной нравственности, дозволено было оскорбленіе умершаго. Въ засѣданіи кассаціоннаго суда докладчикъ Плугульмъ выразилъ ту мысль, что если даже въ законѣ 1819 г. умалчивается о такихъ случаяхъ, какъ настоящій, то на обязанности кассаціоннаго суда, который (какъ говорилъ ораторъ) не долженъ страшиться благодѣтельной смѣлости, (hardiesse salutaire,)-помочь непредусмотрительности законодателя и пополнить этотъ пробѣлъ въ законѣ. Если допустить, что коль скоро тѣло въ землѣ, а душа витаетъ въ высшихъ обителяхъ, гдѣ она не чувствительна къ страданіямъ и слишкомъ возвышенна для мщенія, то это значитъ не понимать нравственнаго духа закона. Коль скоро люди узнаютъ, что честь умершихъ болѣе не подлежитъ защитѣ, они сдѣлаются равнодушными къ чести. Такъ какъ законъ лишаетъ наслѣдника, который не отмщаетъ за оскорбленіе чести умершаго слѣдующей ему части, и даже ст. 444, 447 кодекса назначаетъ опекуна для возстановленія доброй памяти несправедливо обвиненнаго покойника, то этимъ не доказывается ли, что законодатель желалъ защитить честь умершихъ. Наслѣдникъ представляетъ умершаго (sustinet personam) и подаетъ жалобу за оскорбленную память (une mémoire offensée). Наслѣдники Руссо, какъ представители умершаго, имѣютъ право жаловаться; въ ихъ интересѣ, чтобы память умершаго, которая есть часть наслѣдства (patrimoine), оставалась неприкосновенною. Ораторъ, указывая на законъ, допускающій искъ того, кто почтетъ себя оскорбленнымъ (qui se prétendra lésée), распространяетъ этотъ законъ и на наслѣдниковъ, ссылаясь при этомъ на начало римскаго права о continuatio. Далѣе онъ говоритъ, что еслибы законодатель считалъ преступленіемъ только ту клевету, которая направлена противъ живыхъ, и подъ словомъ лицо (personne) разумѣлъ бы только живыхъ, то онъ такъ бы и выразился. Потомъ ораторъ раз-

бираетъ послѣдовавшія по настоящему вопросу рѣшенія французскихъ судовъ, которыя предоставляли право вчинать искъ за оскорбленія умершихъ; и старается доказать, что только такое толкованіе закона и соотвѣтствуетъ духу его.

Въ такомъ же смыслѣ генералъ-прокуроръ Дюпенъ развивалъ тотъ взглядъ, что въ законѣ 1819 г. несправедливо находятъ пробѣлъ относительно оскорбленій умершихъ; что въ сущности этотъ законъ защищаетъ память умершихъ. Доказательство этого мнѣнія Дюпенъ находитъ въ томъ, что по римскому праву наслѣдникъ представляетъ того, кому онъ наслѣдуетъ, и неприкосновенность чести отца составляетъ драгоцѣннѣйшую собственность сына. Дюпенъ раздѣляетъ также мнѣніе Плугульма о значеніи слова лицо (personne) и въ особенности старается доказать, что по французскимъ законамъ передача правъ (transmission) составляетъ общее правило, а исключенія точно обозначены въ ст. 336 уголовнаго кодекса и ст. 316 и 951 гражданскаго. Ораторъ указываетъ между прочимъ, что законъ вездѣ, (даже въ code de commerce ст. 613) защищаетъ память умершаго и въ томъ случаѣ, когда оскорбленіе вовсе не касается живыхъ. По мнѣнію Дюпена, интересы благороднаго и правдиваго историка нисколько не могутъ быть этимъ стѣснены.

24 Мая послѣдовало рѣшеніе кассаціоннаго суда, по которому, въ интересѣ закона, уничтожалось рѣшеніе императорскаго суда отъ 19 марта. Основанія этого рѣшенія-слѣдующія:

Законъ 1819 г. наказываетъ оскорбленія, касающіяся чести и уваженія обвиненнаго лица. Слово лицо (personne) относится одинаково къ живымъ и къ умершимъ. Основанія общественной нравственности и спокойствія гражданъ требуютъ не ограничиваться земнымъ существованіемъ: нарушенія этого принципа принесло бы много вреда и явно противорѣчило бы духу закона 1819 г. Въ статьяхъ 727 и 1047 code civil и въ ст. 447 code d'instruction именно защищается память умершихъ, а ст. 360 code pénal ограждаетъ неприкосновенность могилъ. Эта заботливость закона о памяти умершихъ была бы несовмѣстима съ

предполагаемымъ равнодушіемъ закона 1819 г. къ этому предмету. Молчаніе закона въ данномъ случаѣ не можетъ быть истолковываемо въ противорѣчіи съ духомъ и цѣлію закона. Каждый долженъ быть увѣренъ, что честь умершихъ родственниковъ защищается закономъ, что память умершаго принадлежитъ къ достоянію семейства, и наслѣдникъ, какъ представитель умершаго, имѣетъ право защищать все доставшееся ему по наслѣдству, будь то нравственная или матеріальная собственность. Слова: кто почтетъ себя оскорбленнымъ (qui se prétendra lésée) прилагаются и къ наслѣднику, такъ какъ послѣдній по римскому праву представляетъ лицо умершаго (sustinet personam defuncti) и слѣдовательно, оскорбленіе памяти умершаго оскорбляетъ и наслѣдника. Число наслѣдниковъ и ихъ разногласіе не можетъ нарушать право иска каждаго наслѣдника въ отдѣльности. Исторія этимъ нисколько не можетъ быть стѣснена, потому что судья обязанъ взвѣшивать добрый и злой умыселъ писателя и оцѣнивать цѣль приводимыхъ имъ свидѣтельствъ. Въ рѣшеніи же 19 марта ложно истолкованъ текстъ и искаженъ духъ закона.

Вышеизложенному рѣшенію кассаціоннаго суда противорѣчитъ публичное объясненіе знаменитаго 93 лѣтняго герцога Паскье. Герцогъ, ссылаясь на единогласное съ нимъ мнѣніе тогдашнаго (1819) великаго канцлера de Serre, говоритъ, что не только ни онъ, ни de Serre, которые проектировали законъ и защищали его въ палатѣ, но даже присутствовавшіе на преніяхъ, не думали слово personne распространять на умершихъ. «Умершіе», говоритъ Pasquier,—«души, «а не лица. Мы никогда не подозрѣвали, что нашъ законъ «послужитъ къ стѣсненію исторіи».

Прежде, чѣмъ мы станемъ разсматривать вопросъ, при какихъ обстоятельствахъ потомки могутъ начинать уголовный искъ за оскорбленіе умершаго предка, и въ особенности, на какихъ основаніяхъ подобный искъ допущенъ въ странѣ, законодательство которой не содержитъ въ себѣ уголовнаго преслѣдованія такихъ оскорбленій,—будетъ не лишнимъ просмо-

трѣть, какъ разрѣшается этотъ вопросъ въ законодательствахъ другихъ государствъ.

Что касается до странъ, въ которыхъ дѣйствуетъ общегерманское право, то въ нихъ наука и практика берутъ за основаніе римское право. Извѣстно, что судебная практика, принимая crimen sepulcri violati, защищаетъ неприкосновенность гробницъ и труповъ. Она также дозволяетъ наслѣднику искъ за оскорбленіе умершаго, и не только родственнику, но и лицу постороннему.

Неизвѣстно, руководились ли римляне въ своихъ постановленіяхъ относительно умершихъ, понятіемъ о защитѣ благочестія или такъ называемою посредственною обидою. Но не подлежитъ сомнѣнію, что нѣмецкое средневѣковое право предоставляло дѣтямъ преслѣдовать въ судѣ обиды, нанесенныя ихъ родителямъ. А нѣкоторые статуты свидѣтельствуютъ даже о томъ, что и наслѣдники могли защищать честь умершаго. Римское право, какъ въ другихъ европейскихъ странахъ, такъ и въ Германіи, имѣло вліяніе на постановленія о разсматриваемомъ нами вопросѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ различные законы доказываютъ, что не имѣлось ничего одинаковаго во взглядахъ, въ особенности же относительно основаній допущенія иска. Также и въ новыхъ ученыхъ сочиненіяхъ замѣчается различіе въ понятіи о правѣ наслѣдниковъ на защищеніе памяти умершаго родственника противъ оскорбленій. — Хотя они допускаютъ это право, но нѣкоторые предоставляютъ его, когда обида нанесена самому мертвому; другіе, когда—оскорблено уваженіе семейства къ умершему и когда чрезъ оскорбленіе умершаго страдаетъ право самихъ наслѣдниковъ. Нынѣ признается все болѣе и болѣе, что у насъ, непримѣнимо понятіе римскаго права о продолженіи личности завѣщателя въ наслѣдникѣ, по силѣ successio; и что если по римскому праву допускается гражданскій искъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы и уголовный также былъ дозволенъ.

Изъ нѣмецкихъ законодательствъ прошлаго столѣтія, прусское признаетъ право отмщенія обидъ, нанесенныхъ цѣлому семейству, единственно за членами этого семейства, а за наслѣдниками только въ томъ случаѣ, когда обида касается ихъ самихъ.

Изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ законодательствъ нѣкоторыя умалчиваютъ объ этомъ вопросѣ, а большая часть, допуская уголовное преслѣдованіе за оскорбленіе умершихъ, признаютъ однако необходимость ограниченія права родственниковъ въ этомъ случаѣ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ, въ отношеніи разсматриваемаго нами вопроса, положеніе права во Франціи. Такъ какъ во французскомъ законодательствѣ не заключается никакого опредѣленія по этому предмету, то, при молчаніи закона, слѣдуетъ обратиться къ судебной практикѣ. Въ этомъ случаѣ замѣчательно противорѣчіе между рѣшеніемъ парижскаго аппеляціоннаго суда и рѣшеніемъ кассаціоннаго суда. Если въ опредѣленіи высшаго суда вопросъ этотъ сначала и покажется рѣшеннымъ, то чѣмъ глубже станемъ вникать въ него, тѣмъ болѣе убѣдимся, что споръ еще далеко не конченъ. Если вообще уголовный кодексъ умалчиваетъ о нашемъ вопросѣ, то значитъ все зависитъ отъ того, какимъ образомъ законъ опредѣляетъ клевету и оскорбленіе чести. Это очень справедливо было замѣчено въ выше приведенныхъ преніяхъ бельгійской палаты, равно какъ и коммисіею при предложеніи проекта. По французскому кодексу клевета становится преступленіемъ въ такихъ фактахъ, которые подвергаютъ обвиненнаго уголовнымъ или исправительно полицейскимъ наказаніямъ, или заслуживаютъ ему ненависть и презрѣніе согражданъ. Ясно, что къ поименованной клеветѣ нельзя относить оскорбленія умершихъ, такъ какъ умершіе не могутъ ни подвергаться наказаніямъ, ни быть чувствительными къ ненависти и презрѣнію. Поэтому въ бельгійской палатѣ предложено было яснѣе опредѣлить понятіе о клеветѣ.

Разсматривая новѣйшее рѣшеніе французскаго кассаціоннаго суда и прослѣдивъ весь ходъ дѣла, невольно приходимъ

къ убѣжденію, что часто рѣшеніе судебнаго вопроса зависитъ отъ тѣхъ политическихъ или религіозныхъ споровъ, которые въ то время занимаютъ страну. Иногда министерство, прокуроры и судьи, всѣ по необходимости стараются избѣгнуть такого разрѣшенія вопроса, которое, хотя и было бы правильно, но могло бы поставить правительство въ неловкое положеніе. Въ приведенномъ нами дѣлѣ опасеніе министерства утвердить рѣшеніе аппеляціоннаго суда, не дозволявшаго, по закону, искъ за оскорбленіе умершихъ, очень понятно. При возгоравшейся борьбѣ духовенства съ министерствомъ, это рѣшеніе могло бы дать первому возможность произвольно и безнаказанно затрогивать память и дѣйствія его умершихъ предшественниковъ.

На сколько дѣйствовали подобныя побужденія въ данномъ случаѣ—мы не беремся рѣшить. Извѣстно только то, что коль скоро министерство желаетъ рѣшить вопросъ благопріятно для себя,—представители закона въ судѣ тотчасъ же отзываются на это желаніе и употребляютъ всѣ свои силы, все свое остроуміе, чтобы достигнуть цѣли.

По словамъ докладчика, кассаціонный судъ имѣетъ своимъ назначеніемъ восполнять пробѣлы законодательства, а потому докладчикъ допускаетъ то правило, по которому судья можетъ истолковывать законъ на основаніи такихъ соображеній, которыя могли бы побудить законодателя къ изданію его.

Указаніе на опасность безнаказанности такихъ дѣйствій, какія встрѣчаются въ настоящемъ случаѣ, и на чувства судьи и народа, не можетъ служить основой для пополненія судьею пробѣла въ законѣ.

Основанія послѣдняго приговора кассаціоннаго суда также не довольно убѣдительны. Если значеніе слова personne распространять и на умершихъ, то это опровергается самимъ употребленіемъ слова, которое не можетъ быть примѣнено ни къ тѣлу, ни къ душѣ умершаго. Если хотятъ вывести что нибудь изъ тѣхъ мѣстъ закона, гдѣ говорится о памяти умер-

шаго и о правѣ наслѣдниковъ на защищеніе этой памяти,—необходимо обратить вниманіе на то, что законодатель не во всѣхъ, а только въ *извѣстныхъ случаяхъ* (exceptio firmat regulum) защищаетъ память умершаго. Изъ того, что законъ дозволяетъ гражданскій искъ, не слѣдуетъ, что допускается и уголовный. Приведенная 727 ст. гражд. кодекса, по которой наслѣдникъ, не доносящій суду объ убійствѣ умершаго, признается недостойнымъ наслѣдства, объясняется: во 1-хъ римскимъ правомъ, которое руководило здѣсь французскаго законодателя, и во 2-хъ общественнымъ интересомъ, требующимъ преслѣдованія столь тяжкаго преступленія. Статья 1046 гражд. кодекса говоритъ также о тяжкой обидѣ, нанесенной памяти завѣщателя, une injure grave, faite á la mèmoire du testateur. Но эти статьи относятся только до гражданскаго иска объ уничтоженіи дара или завѣщанія за такія оскорбленія. Если статья 447 code d'instruc., въ случаѣ несправедливаго приговора, произнесеннаго надъ умершимъ, опредѣляетъ пересмотръ (révision) дѣла, то это постановленіе введено въ видахъ общественнаго интереса, потому что несправедливый приговоръ можетъ гибельно отозваться на потомкахъ обвиненнаго. Въ видахъ общественнаго же интереса защищаетъ 360 статья code pénal неприкосновенность могилъ. Непонятно, какимъ образомъ въ основаніе рѣшенія приведено римское воззрѣніе, возможное только у римлянъ, о продолженіи лица завѣщателя въ наслѣдникѣ. Страненъ также взглядъ на память умершаго, какъ на собственность семейства.

До сихъ поръ французское законодательство не признавало за наслѣдниками права иска за оскорбленія умершихъ, исключая слѣдующихъ случаевъ: 1) когда такое оскорбленіе направлено противъ члена царствующей фамиліи (на этотъ случай существовалъ особенный уголовный законъ); 2) когда оскорбленіе, нанесенное умершему, падаетъ и на наслѣдниковъ (commun á l'héritier et á la l'auteur); и 3) когда оно касается торговаго дома, которому принадлежалъ умершій. Если же гражданскій искъ допускался только въ извѣстныхъ случаяхъ (основ: на стат. 1384 code civil), то ясно, что на этомъ нельзя ос-

повывать право наслѣдниковъ и на уголовный искъ. Это толкованіе французскаго законодательства признано и въ Бельгіи, и въ Нидерландахъ, въ двухъ странахъ, гдѣ дѣйствуетъ французскій кодексъ.

Будетъ не лишено интереса бросить взглядъ на законодательства и нѣкоторыхъ другихъ государствъ и посмотрѣть, заключаются ли въ нихъ постановленія о занимающемъ насъ вопросѣ. Въ Италіи всѣ кодексы, за исключеніемъ австрійскаго и тосканскаго, умалчиваютъ объ этомъ предметѣ. Необходимо замѣтить, что недавно въ Италіи нашъ вопросъ былъ весьма хорошо разсмотрѣнъ г. Амброзоли. Англійское законодательство допускаетъ искъ за письменную обиду (libel), если въ основаніи ея лежитъ злой умыселъ очернить память умершаго, оскорбить потомковъ и подвергнуть его семейство презрѣнію и ненависти согражданъ. Такой же взглядъ лежитъ въ основаніи и сѣверо-американской судебной практики. Португальскій уголовный кодексъ 1857 д. дозволяетъ искъ за оскорбленіе или обиду, нанесенную восходящимъ и нисходящимъ родственникамъ, супругамъ, братьямъ или наслѣдникамъ умершаго. Изъ законодательствъ сѣверныхъ странъ только въ норвежскомъ упоминается о нашемъ вопросѣ, но съ тою особенностію, что оно назначаетъ извѣстную давность на право иска.

Когда разбираемъ вопросъ, слѣдуетъ ли и въ какой мѣрѣ предоставить наслѣдникамъ право иска за оскорбленія противъ умершаго, то сталкиваются два противуположныя взгляда: 1) обязанность, лежащая на законодателѣ удовлетворить нравственнымъ чувствамъ народа и его сознанію права; и защищать память умершаго противъ несправедливаго нападенія; и 2) общественный интересъ, требующій дарованія историку права приводить факты, даже если они оскорбляютъ память умершаго. Въ первомъ случаѣ законодатель, конечно, не долженъ основываться на понятіи римскаго права о представленіи лица умершаго наслѣдникомъ, ни на томъ взглядѣ, что умершій живетъ духовно и что честь его можетъ страдать столько же, какъ если бы онъ былъ живъ. Еще менѣе мо-

жетъ законодатель исходить изъ той мысли, что репутація умершаго есть духовное достояніе наслѣдника, точно также, какъ и предполагать, что каждое неуважительное слово противъ перваго есть посредственное оскорбленіе послѣднему. Всѣ подобныя фикціи лишены юридическаго основанія. Право чести—исключительно личное право, не переходящее на наслѣдниковъ; мертвый не чувствуетъ никакого оскорбленія своей чести и не можетъ испытывать никакого вреда отъ оскорбленія.

Но законодатель не можетъ также отрицать необходимости оградить память умершаго, потому что основаніе этого заключается въ нравственномъ чувствѣ всѣхъ добрыхъ людей и въ благоговѣніи, съ какимъ умершій почитается не только тѣми лицами, которыя при жизни его были съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ, но даже и посторонними, знавшими его. Это нравственное чувство возмущается, когда при погребеніи кто либо, среди всеобщей печали, начинаетъ грубо поносить умершаго, или насмѣхается, читая на кладбищѣ надпись на его памятникѣ. Точно также болѣзненно дѣйствуетъ на близкихъ, когда послѣ смерти лица, даже спустя долгое время, разсказываютъ факты, которые, хотя и справедливы, но могутъ лишить умершаго уваженія. Законодатель долженъ защищать память умершаго и потому также, что въ интересѣ потомковъ желать сохранить неприкосновеннымъ доброе имя своего умершаго родственника. Онъ тѣмъ болѣе обязанъ уважать то чувство, которое уязвляется клеветою дорогой намъ памяти, что безнаказанность подобныхъ оскорбленій легко можетъ повести къ частной мести. Какъ добрая слава, оставляемая умершимъ и воспоминаніе о его заслугахъ дѣйствуютъ благодѣтельно въ мнѣніи людей и на потомковъ его; точно также распространеніе фактовъ, которые, если справедливы, лишаютъ умершаго уваженія, бросаетъ въ глазахъ общества тѣнь на его потомковъ; въ особенности же если эти факты возбуждаютъ подозрѣніе и противъ живыхъ. Если съ одной стороны законодатель рѣшится, на этихъ основаніяхъ, защищать память умер-

шихъ, то съ другой онъ не можетъ не признать, что вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ общественнымъ интересомъ, не допускающимъ стѣсненія свободы историка. Нельзя отрицать того, что во многихъ случаяхъ невозможно обнародованіе постыдныхъ дѣяній тѣхъ лицъ, которые играютъ важную роль въ современномъ имъ обществѣ. Вліяніе этихъ лицъ препятствуетъ опубликованію такихъ низкихъ поступковъ, какъ напр., жестокостей, вымогательства, злоупотребленій власти и т. п. Только въ послѣдствіи, когда утихли страсти, возможна безпристрастная исторія. Обязанность историка именно въ томъ и состоитъ, чтобы правильно изображать дѣянія людей прошлаго времени; а потому и должны быть вполнѣ неограничены права его на строгое соблюденіе истины, такъ какъ иногда только по вѣрному изображенію характеровъ можно ясно обрисовать извѣстную эпоху. Исторіи принадлежитъ право произнесенія надъ умершими того египетскаго суда надъ мертвыми, который былъ невозможенъ при жизни людей. Историкъ представляетъ права исторіи, и только благодаря ему, потомство имѣетъ возможность вѣрно судить о прошедшемъ.— Если историкъ, описывая постыдныя дѣла государственныхъ людей и полководцевъ, долженъ будетъ каждую минуту опасаться подвергнуться судебному преслѣдованію со стороны потомковъ этихъ лицъ, тогда исторія будетъ совершенно невозможна.—Боязливый писатель станетъ тогда или проходить молчаніемъ тѣ дурныя дѣйствія, которыя именно и имѣли сильное вліяніе на эпоху дѣятелей, или такъ ловко высказывать свою мысль, что только жившимъ въ ту эпоху доступенъ будетъ истинный смыслъ его словъ; потомство же получитъ совершенно ложное понятіе о прошломъ времени. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ исторія потеряетъ свой благодѣтельный и наставительный характеръ.

Если въ приведенномъ нами процессѣ и приходимъ къ утѣшительному убѣжденію, что правдивый историкъ, приводящій достовѣрные факты, не можетъ ничего опасаться предъ закономъ, который преслѣдуетъ клевету объ умершихъ, то это

только самообольщеніе. Историкъ еще тѣмъ не обеспеченъ, что приводитъ вѣрные факты: онъ изъятъ отъ наказанія только въ томъ случаѣ, когда можетъ доказать справедливость приведенныхъ имъ фактовъ. А ученіе о доказательствахъ такъ стѣснительно во многихъ законодательствахъ, какъ напр., во Франціи и даже въ Пруссіи, что самый добросовѣстный историкъ не будетъ въ состояніи доказать передъ судомъ достовѣрность изложенныхъ имъ событій. Если не легко доказать истину чрезъ оффиціальные документы, то еще менѣе возможно доказательство чрезъ свидѣтелей, когда дѣло идетъ о лицахъ, жившихъ 60 или 70 лѣтъ до того времени. Возможны ли напр. свидѣтели о лицахъ, дѣйствовавшихъ во время французской революціи? Добросовѣстный историкъ будетъ почерпать доказательства своихъ свидѣтельствъ изъ источниковъ, которые удовлетворятъ историческаго критика, но не убѣдятъ судью. Историкъ почерпаетъ свѣдѣнія о данномъ фактѣ изъ письменныхъ памятниковъ, оставшихся отъ извѣстнаго времени, какъ то: изъ газетъ, писемъ, появившихся тогда книгъ; и на основаніи этихъ источниковъ пишетъ свою исторію. Часто даже историкъ основывается на разсказахъ достовѣрныхъ лицъ, бывшихъ очевидцами извѣстнаго событія, и, полагаясь на ихъ правдивость, приводитъ эти разсказы. Было бы опасно предоставить судьѣ рѣшеніе вопроса: переступилъ ли обвиняемый писатель границы строгой исторической критики? Судья спроситъ только: «соотвѣтствуетъ ли приведенное доказательство требованіямъ закона»? А потому въ большей части случаевъ авторъ, дѣйствовавшій вполнѣ добросовѣстно, будетъ признанъ виновнымъ.

Результатъ всѣхъ этихъ разсужденій заключается въ слѣдующемъ: законодатель долженъ оградить память умершихъ, но вмѣстѣ и ограничить права иска, чтобы тѣмъ сохранить неприкосновенною свободу историческихъ изслѣдованій.

I Изданное въ этомъ смыслѣ уголовное постановленіе не должно совпадать съ тѣмъ постановленіемъ, по которому вчинаніе уголовнаго иска предоставлено усмотрѣнію оскорбленна-

го. Не слѣдуетъ допускать предположенія, что возможна клевета или оскорбленіе чести въ отношеніи умершихъ, и уголовное наказаніе должно распространяться только на особое преступленіе: искаженіе добраго мнѣнія объ умершемъ такого рода дѣйствіями, которыя въ отношеніи живыхъ составляли бы преступленіе клеветы. Если же чрезъ то оскорбляется и самъ наслѣдникъ, то онъ можетъ самостоятельно отыскивать свое право.

II Упомянутый уголовный искъ долженъ быть дозволенъ только именно въ случаѣ клеветы, но не въ случаѣ (какъ то допускали до сихъ поръ нѣмецкія законодательства) оскорбленій чести. Законодатель можетъ принять основаніемъ запрещенія именно только злоумышленные, несправедливые отзывы, потому что такіе отзывы, если они остаются безнаказанными, вредятъ доброму имени потомковъ умершаго. Пятно, лежащее на памяти умершаго, всегда болѣе или менѣе отражается и на семействѣ его. Между тѣмъ какъ просто бранныя слова, суровыя сужденія, хотя и возбуждаютъ въ потомкахъ болѣзненное чувство, но не могутъ заслуживать наказанія, потому что какъ бы ни было жестоко порицаніе, оно есть не болѣе, какъ субъективное воззрѣніе порицателя на умершаго и, будучи мимолетнымъ словомъ, не можетъ оставлять слишкомъ продолжительнаго впечатлѣнія.

III Законъ также не долженъ требовать отъ обвинителя какъ напр., въ англійскомъ правѣ, доказательства злаго умысла. Подобное доказательство часто или затрудняло бы преслѣдователя, или опредѣленіе его было бы неточно и тогда рѣшеніе вполнѣ зависѣло бы отъ произвола судьи. Достаточно тѣхъ доказательствъ, которыя требуются при опредѣленіи преступленія клеветы.

IV Каждому обвиняемому должна быть предоставлена полная свобода доказать свою невинность, и даже безъ тѣхъ ограниченій, которыя въ нѣкоторыхъ законодательствахъ установлены относительно преступленій противъ прессы. На осно-

ваніи вышеизложенныхъ соображеній о трудностяхъ, которыя представляются при такомъ доказательствѣ историку, судья можетъ оправдать подсудимаго, если онъ убѣдится всѣми обстоятельствами дѣла, что обвиняемый дѣйствовалъ вполнѣ добросовѣстно

V Право иска необходимо ограничить извѣстными лицами, т. е. такими, которыя связаны съ умершимъ самыми священными семейными узами, и потому могутъ считаться представителями семейства, которые защищаютъ память умершаго изъ истиннаго уваженія къ этой памяти. Къ этому разряду принадлежатъ супруги, родственники по восходящей и нисходящей линіи, братья и сестры умершаго, конечно и въ томъ случаѣ, когда они и не наслѣдники послѣ него. Очень легко можетъ статься, что одинъ изъ выше названныхъ родственниковъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ (*) и не получитъ наслѣдства, но тѣмъ не менѣе питаетъ къ умершему глубочайшее почтеніе. Распространеніе права иска и на дальнѣйшихъ родственниковъ не должно быть допущено: иначе станутъ начинать искъ лица, которыя вовсе не были въ близкихъ отношеніяхъ къ умершему и вообще не имѣютъ большаго интереса въ сохраненіи доброй о немъ памяти. Если послѣ умершаго осталось нѣсколько наслѣдниковъ, то право иска можетъ быть предоставлено каждому родственнику отдѣльно, не стѣсняя его согласіемъ всѣхъ прочихъ наслѣдниковъ. Кромѣ того право иска не должно быть распространено на наслѣдниковъ по завѣщанію, потому что таковыми могутъ быть не только очень дальніе родственники, но даже лица совершенно посторонніе.

VI Было бы весьма полезно установить, по примѣру норвежскаго кодекса, извѣстный срокъ, по истеченіи котораго терялось бы право на искъ за подобныя оскорбленія. Если въ ка-

---

(*) *Примѣч.* Наприм., если все имѣніе умершаго пошло на уплату его долговъ.

комъ нибудь сочиненіи, появившемся лѣтъ 60 или 100 послѣ смерти, будетъ произнесено довольно строгое сужденіе объ умершемъ, то трудно предположить, чтобы, въ данномъ случаѣ, авторъ дѣйствовалъ изъ какого нибудь дурнаго побужденія, напримѣръ, подъ вліяніемъ мести и духа партіи и т. п. Дозволить искъ въ этомъ случаѣ—значило бы потворствовать излишней неумѣстной чувствительности.

Главное дѣло въ томъ, что если по истеченіи такого долгаго срока, авторъ долженъ отдавать отчетъ въ своихъ словахъ, то это ставитъ его въ высшей степени неловкое положеніе. Какъ можетъ обвиняемый привести доказательства выраженнаго имъ мнѣнія, когда уже прошло столько лѣтъ со времени извѣстнаго факта? Повторяемъ, было бы чрезвычайно полезно опредѣлить, что по истеченіи 30 или 20 лѣтъ (считая со дня смерти лица) искъ не допускается (*).

VII Если оскорбленіе нанесено еще при жизни умершаго, вопросъ о томъ, могутъ ли потомки по смерти его преслѣдовать это оскорбленіе, зависитъ отъ того, началъ ли умершій уголовный искъ за обиду или не началъ. Въ первомъ случаѣ вопросъ тотъ:—должны ли потомки продолжать начатый искъ? При этомъ представляется рѣшеніе въ пользу и да и нѣтъ. Съ одной стороны наслѣдникамъ слѣдовало бы продолжать искъ во 1-хъ когда оскорбленный, начавъ процессъ, этимъ самымъ доказалъ, что не хочетъ оставлять оскорбленіе безнаказаннымъ, во 2-хъ когда нѣтъ доказательствъ, что онъ желалъ взять назадъ свою жалобу; и наконецъ въ 3-хъ когда интересъ потомковъ заключается въ безукоризненности памяти умершаго. Но съ другой стороны нельзя не взять во вниманіе того, что право чести исключительно личное право, которое не можетъ переходить къ наслѣднику вмѣстѣ съ имуществомъ. Основанія перваго рода кажутся намъ болѣе уважительными; но законодатель долженъ упомянуть, что это право продолжать искъ уничтожается, если

(*) Въ Норвегіи существуетъ 10-лѣтній срокъ.

оскорбленный простилъ оскорбившему, или если потомки не продолжаютъ иска извѣстное время. Въ отношеніи же втораго случая есть много причинъ не дозволять потомкамъ никакого права иска. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ точки зрѣнія интереса потомковъ къ неприкосновенности памяти умершаго, законодатель имѣетъ основаніе признать за ними это право, однако съ опредѣленіемъ кратчайшаго срока для подачи жалобы; впрочемъ безъ тѣхъ различій, какъ напримѣръ, препятствовали ли умершему жаловаться обстоятельства, или зналъ ли онъ, что нибудь о клеветѣ.

VIII Если законодательство грозитъ наказаніемъ за оскорбленіе служебной чести, какъ за преступленіе противъ достоинства государственной должности, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что клевета, нанесенная умершему чиновнику и, при жизни его, составившая бы оскорбленіе служебной чести, можетъ быть преслѣдуема и послѣ смерти его. Законодатель, опредѣляя наказаніе за оскорбленіе служебной чести, имѣлъ въ виду единственно обеспеченіе *дѣятельности* должностнаго лица отъ препятствій, которыя возникли бы вслѣдствіе таковыхъ оскорбленій.

А. К.

ОТДѢЛЪ II.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

А. РУССКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ.

Дѣти, рожденныя въ законномъ бракѣ ихъ родителей, признаются законными, за исключеніемъ случая, когда будетъ доказано, что они рождены отъ прелюбодѣянія. Отреченіе отъ дитяти, рожденнаго женою въ законномъ бракѣ, зависитъ не отъ произвола мужа, а отъ предписанія закона, въ слѣдствіе предъявленнаго мужемъ установленнымъ порядкомъ и своевременно спора и доказаннаго имъ нарушенія женою супружеской вѣрности.

Въ концѣ 1842 г. флигель-адъютантъ полковникъ Демидовъ, находившійся въ Черниговѣ для наблюденія за производствомъ рекрутскаго набора, представилъ бывшему шефу корпуса жандармовъ графу Бенкендорфу записку о томъ, что умершій стародубскій помѣщикъ отставной генералъ-маіоръ Степанъ Ширай, по ненависти къ женѣ своей Ульянѣ, урожденной Бороздне, не призналъ младшаго ея сына Александра законнымъ и уничтожилъ въ метрическихъ книгахъ листы, въ которыхъ было записано рожденіе и крещеніе того младенца,

воспитаннаго въ послѣдствіи въ московскомъ ремесленномъ училищѣ подъ вымышленною фамиліею Заботина.

По всеподданнѣйшему докладу графомъ Бенкендорфомъ этой записки, государь императоръ, въ январѣ 1843 г. Высочайше повелѣть соизволилъ произвести о Заботинѣ формальное слѣдствіе черниговскому губернскому предводителю дворянства Ладомірскому, флигель-адъютанту Демидову и штабъ-офицеру корпуса жандармовъ полковнику Ливенцову.

Послѣ сего, 15 февраля 1843 г., черниговскій гражданскій губернаторъ препроводилъ къ слѣдователямъ полученную имъ отъ генералъ губернатора записку безъ года, мѣсяца и числа и никѣмъ неподписанную, въ началѣ которой сказано, что у умершихъ Шираевъ, кромѣ двухъ дочерей, наслѣдовавшихъ имѣніемъ отца и матери, было четверо сыновей. Изъ нихъ старшій, Михаилъ, умеръ въ 1831 г., второй и третій, Петръ и Константинъ, умерли въ младенчествѣ, послѣдній же Александръ живъ, но удаленъ отъ своего рода, лишенъ всѣхъ правъ и даже имени. Далѣе въ запискѣ этой, имѣющей видъ подметнаго письма, описывается исторія похожденій Александра Заботина и указываются на доказательства и свидѣтелей, которые могутъ подтвердить рожденіе сего послѣдняго отъ Ульяны Ширай и мужа ея Степана Ширая.

Обстоятельства, разкрытыя слѣдствіемъ, относились главнымъ образомъ до слѣдующихъ трехъ предметовъ.

1., Розысканія о доказываемыхъ подлогахъ въ метрическихъ книгахъ села Соловы за 1818 годъ.

2., Розысканія о рожденіи, воспитаніи и происхожденіи Александра Заботина; о взаимныхъ отношеніяхъ и характерѣ супруговъ Шираевъ.

3., Розысканія объ имѣніяхъ, принадлежавшихъ супругамъ Шираямъ, и актахъ ими совершенныхъ.

А) *Розысканія о доказываемыхъ подлогахъ въ метрическихъ книгахъ села Соловы за 1818 годъ.*

Къ слѣдствію представлены были четыре экземпляра метрическихъ книгъ села Соловы за 1818 годъ; изъ нихъ одинъ

принадлежитъ черниговской духовной консисторіи, другой стародубскому духовному правленію, третій, хранившійся при приходской церкви села Соловы, четвертый представленный титулярнымъ совѣтникомъ Заверухою.

По разсмотрѣніи консисторской метрической книги села Соловы за 1818 годъ, слѣдователи нашли: а, что книга эта дана изъ стародубскаго духовнаго правленія въ приходскую церковь и подписана тремя лицами: протоіереемъ Павломъ Рклицкимъ и церкви Соловы священникомъ Николаемъ и дьячкомъ Иваномъ Лапчинскими; б, что рожденія отъ Степана Ширая и жены его Ульяны сына Александра въ этой книгѣ не значится; в, что одинъ листъ въ этой книгѣ, половина котораго находится въ отдѣленіи родившихся, а половина въ отдѣленіи умершихъ, представляется сомнительнымъ по блѣдности цвѣта противу прочихъ листовъ и по обрѣзкѣ онаго сверху; г, на обоихъ полулистахъ нумера по порядку родившихся и умершихъ идутъ вѣрно; но послѣ послѣдняго полулиста, оканчивающагося въ отдѣленіи объ умершихъ нумеромъ 11-мъ, всѣ послѣдующіе нумера съ 12 до 20 включительно переправлены такъ: изъ 11-го 12 и т. д.; д., почеркъ письма означеннаго листа имѣетъ мало сходства съ почеркомъ на прочихъ полулистахъ, скрѣпа протоіерея Рклицкаго сходна съ его почеркомъ, а скрѣпа священника и дьячка Лапчинскихъ вовсе не имѣетъ сходства; е, въ концѣ книги написано, что скрѣпленныхъ, прошнурованныхъ и печатью укрѣпленныхъ 20 листовъ, по шнура, нумераціи и печати не оказалось.

При разсмотрѣніи метрической книги, хранившейся въ стародубскомъ духовномъ правленіи, слѣдователями обнаружено: а, что книга писана однимъ почеркомъ и скрѣплена по листамъ священникомъ Николаемъ и дьячкомъ Лапчинскими; б, пятый и шестнадцатый полулисты цвѣтомъ отличаются отъ прочихъ, внизу обрѣзаны, вшиты внизъ видимымъ внутри гербомъ фабрики и почеркомъ отличаются отъ прочихъ (*);

(*) При обозрѣніи этой книги въ общемъ собраніи сената найдено, что листы 10 и 11 также обрѣзаны, что на обрѣзанныхъ листахъ (5, 10, 11 и

в, на 5 полулистѣ подъ №. 17 въ первой статьѣ 6 ноября показанъ рожденнымъ сынъ дворянина Василія Лапчинскаго, Павелъ Лапчинскій, который въ той же книгѣ на 16 листѣ въ отдѣлѣ умершихъ значится подъ №. 19 умершимъ двухъ лѣтъ 6 декабря (*); б, что въ концѣ 5 листа (отдѣлъ родившихся) послѣ окончанія 17 статьи послѣднія слова «жена Анна Васильева дочь Демьяненкова», повторены на слѣдующемъ 6 листѣ, не тѣми чернилами, что на предъидущемъ, а послѣдняя статья на 16 листѣ (отдѣлъ умершихъ) подъ №. 18 оканчивается такъ «причастился отъ приход»—за тѣмъ пробѣлъ въ два вершка и на слѣдующемъ 17 листѣ написаны другими чернилами слова «скаго священника».

Церковная метрическая книга села Соловы по сличеніи слѣдователями съ двумя первыми, признана ими списанною съ книги, хранившейся въ духовномъ правленіи; въ ней не оказалось записки о рожденіи отъ Ширая и жены его сына Александра.

По разсмотрѣніи 4 метрической книги, отобранной отъ титулярнаго совѣтника Заверухи, слѣдователи нашли: что она написана на одинаковой съ первыми двумя книгами бумагѣ (**). Въ ней подъ №. 15, графа мужескаго пола, въ первой ноябрской статьѣ написано: «отъ генералъ-маіора Ширая и жены его Іульяны Петровой дочери Борозновны родился сынъ Александръ, крещенъ сего мѣсяца 8 числа приходскимъ священникомъ Николаемъ Лапчинскимъ; воспріемникомъ отъ святаго крещенія тому младенцу былъ тогожъ села Соловы священникъ Николай Яковлевъ сынъ Лапчинскій» (***). Книга эта вложена въ особый листъ, на которомъ собственною рукою

---

16) водяные знаки изображаютъ буквы Я, Б, М, Я, гербъ медвѣдь, стоящій на заднихъ лапахъ и 1816 г., и что на необрѣзанныхъ листахъ буквы М. О. К. Ф. 1817 г. гербъ скачущая лошадь.

(*) Рожденіе этого младенца также записано и въ консисторской метрической книгѣ.

(**) При разсмотрѣніи этой книги въ канцеляріи общаго собранія найдено, что на листахъ оной знаки водяные тѣ же, что и на листахъ оподозрѣнныхъ правленской книги, а именно буквы Я. Б. М. Я. 1816 г.

(***) Священникъ Николай Лапчинскій умеръ 3 апрѣля 1821 г.

архіепископа черниговскаго Павла сдѣлана слѣдующая надпись: «что сія книга есть та самая, которая взята у священника села Соловы Іоанна Лапчинскаго въ 1839 г. титулярнымъ совѣтникомъ Заверухою, лично подтвердилъ мнѣ самъ священникъ Іоаннъ Лапчинскій.

При допросѣ гражданскими слѣдователями, и, по указу святѣйшаго синода, слѣдователями со стороны духовнаго вѣдомства, спрошенныя лица показали:

1., *Титулярный совѣтникъ Заверуха*, спрошенный гражданскими слѣдователями 25 февраля безъ присяги, а 2-го марта подъ присягою, показалъ, что по приказанію генералъ-маіора Ширая взялъ онъ въ 1839 г. у приходскаго священника Іоанна и дьякона Ѳедора Лапчинскихъ метрическую книгу села Соловы, а вмѣсто ея отдалъ копію съ метрики Стародубскаго духовнаго правленія, переданную ему секретаремъ правленія Борщевскимъ (*), умершимъ 14-го февраля 1840 г. По предъявленіи этой метрической книги Шираю, сей послѣдній, прочитавъ, возвратилъ ее ему, Заверухѣ, сказавъ: «пусть она у тебя останется». Метрику эту онъ, Заверуха, хранилъ у себя, боясь отвѣтственности за самовольное истребленіе. О томъ, что книга метрическая хранилась у него, извѣстно было многимъ. Показаніе это Заверуха повторилъ и при слѣдствіи со стороны духовнаго вѣдомства.

2) *Священникъ села Соловы Іоаннъ Лапчинскій* показалъ духовнымъ и гражданскимъ слѣдователямъ, что Александръ сыномъ Ширая и жены его въ метрическихъ книгахъ былъ записанъ рукою священническаго сына Ивана Лапчинскаго (сынъ священника Николая Лапчинскаго, въ послѣдствіи отставной унтеръ-офицеръ). Метрическая книга села Соловы, въ которой записано было рожденіе Александра, постоянно хранилась при церкви до 1839 г., а въ томъ году отдана имъ, по приказанію Ширая, Заверухѣ, который оставилъ копію съ

*) Въ безприсяжномъ показаніи Заверуха утверждалъ, что копію съ правленской метрической книги секретарь Борщевскій передалъ не ему, а Шираю.

оной безъ всякаго завѣренія, въ которой рожденіе Александра не было записано, подлинную книгу Заверуха не возвращалъ. О всѣхъ сихъ обстоятельствахъ онъ словесно объявлялъ благочинному Іоанну Демѣ, который никакого не сдѣлалъ распоряженія. Соловская метрическая книга за 1818 г. имъ не была подписана (Іоаннъ былъ тогда дьячкомъ) потому, что ее не подписывалъ священникъ Николай Лапчинскій, экземпляры книгъ консисторской и правленской подписаны имъ по листамъ, кромѣ листовъ, на правленскомъ 5 и 16, а на консисторскомъ 6 и 15; подпись здѣсь оказывается не его Къ сему Іоаннъ Лапчинскій присовокупилъ, что отъ священническаго сына унтеръ офицера Ивана Лапчинскаго слышалъ о запискѣ Александра сыномъ Ширая и жены его въ метрическихъ книгахъ за 1818 годъ, отправленныхъ въ консисторію и правленіе, что по просьбѣ Ширая и распоряженію протоіерея Леонтія Рклицкаго возвращены были священнику Николаю Лапчинскому для исключенія рожденія Александра, что и было исполнено; вновь вшитые листы переписывалъ, по приказанію отца, Иванъ Лапчинскій. Въ подтвержденіе своего показанія, священникъ Іоаннъ Лапчинскій представилъ подлинное къ нему письмо благочиннаго Демы, въ которомъ, между прочимъ, *Дема пишетъ*: «въ бытность у меня Ивана Яковлевича, я показывалъ ему метрическую книгу; онъ сказалъ мнѣ: я это знаю, она переписана съ моего позволенія, только на васъ претендовалъ, зачѣмъ вы дали настоящую книгу и не донесли правленію. Я просилъ, чтобы онъ умолчалъ и не объявлялъ никому; на это онъ мнѣ отвѣчалъ: ежели можно будетъ, умолчимъ. Теперь 7-го числа прислалъ мнѣ записку, чтобы вы непремѣнно донесли правленію на счетъ перемѣны метрической книги 1818 г. Поѣзжайте къ Ивану Яковлевичу для совѣта и наставленія, и просите его, нельзя ли умолчать хотя до смерти старика; если же не можно, то спросите, что дѣлать въ такомъ случаѣ, чтобы не огорчить тѣхъ персонъ, и чтобы не возвести на себя гнѣва». По объясненію священника Іоанна Лапчинскаго, Иванъ Яковлевичъ Борщевскій былъ сто-

лопачальникъ духовнаго правленія, а подъ именемъ старика разумѣлся Ширай.

3) Бывшій дьякономъ села Соловы, *священникъ села Шкрябина Ѳедоръ Лапчинскій* гражданскимъ и духовнымъ слѣдователямъ показалъ, что повѣренный Ширая, Заверуха угрозами лишить мѣста, принудилъ ихъ отдать метрическую книгу за 1818 г., а въ замѣнъ отдалъ копію, въ которой не было записано рожденія отъ Ширая и жены его сына Александра. Въ послѣдствіи 16-го марта Ѳедоръ Лапчинскій, въ отмѣну прежняго показанія, объяснилъ, что копію, отданную Заверухою въ замѣнъ подлинной книги, онъ писалъ съ метрики, подписанной священникомъ Николаемъ и дьячкомъ Іоанномъ Лапчинскими. Книгу эту, какъ ему сказывалъ Заверуха, привезъ изъ духовнаго правленія отъ столопачальника Борщевскаго. Въ книгѣ, съ которой онъ писалъ, рожденія Александра не было записано, списывалъ онъ не изъ платы, а изъ угожденія Шираю.

По разногласію Заверухи и Ѳедора Лапчинскаго, дана имъ была очная ставка—каждый оставался при прежнемъ своемъ показаніи.

4) *Благочинный Дема* подтвердилъ показанія священниковъ Іоанна и Ѳедора Лапчинскихъ до него относящіяся, причемъ объяснилъ, что, подъ словомъ «не огорчить персонъ» разумѣлъ Ширая и дочерей его Марью и Анастасью.

5) *Членъ духовнаго правленія протоіерей Павелъ Рклицкій*, рукоприкладствовавшій книги села Соловы за 1818 г., отозвался, что подписывая книги, вѣроятно въ 1821 г., онъ перемѣны листовъ въ двухъ экземплярахъ метрикъ не примѣтилъ и самъ въ томъ не участвовалъ; листы эти, какъ полагаетъ, должны быть перемѣнены до скрѣпы означенной книги.

6) *Священникъ села Логоватаго Ефимъ Лапчинскій*, бывшій благочиннымъ, отозвался незнаніемъ о подлогахъ въ метрическихъ книгахъ, причемъ присовокупилъ, что слухъ о подлогахъ разнесся послѣ смерти Ширая.

7) *Вдова титулярнаго совѣтника Евфросинья Масловская* 25-го февраля безъ присяги, а 2-го марта 1843 г. подъ при-

сягою, показала, что во время болѣзни мужа, бывшаго секретаремъ стародубскаго духовнаго правленія, Луки Масловскаго, она вмѣсто его приняла слѣдовавшую въ духовное правленіе метрическую книгу церкви села Соловы за 1818 г. отъ дьячка Іоанна Лапчинскаго; помнитъ, что въ книгѣ той было записано рожденіе отъ Степана Ширая и жены его сына Александра; въ февралѣ или мартѣ 1819 г. помянутая книга похищена изъ духовнаго правленія членомъ онаго священникомъ Іоанномъ Пашинскимъ, уже умершимъ; когда затѣмъ книга возвращена, не помнитъ, а долженъ знать управляющій имѣніемъ Ширая Андрей Ракицкій. Къ этому Масловская при духовномъ слѣдствіи присовокупила, что она собственными глазами видѣла, какъ Пашинскій, бывшій учителемъ сына Ширая Михайлы, въ часы послѣ присутствія уносилъ метрическія книги, о чемъ тогда же объявила мужу.

8) Титулярный совѣтникъ Ракицкій *) подъ присягою объяснилъ, что въ метрическихъ книгахъ Александръ былъ записанъ приходскимъ священникомъ безъ спроса Ширая, а когда священникъ Пашинскій объявилъ ему о томъ, тогда Ширай былъ разсерженъ и велѣлъ Пашинскому выключить Александра; какъ исполнено это приказаніе, не знаетъ.

9) Унтеръ-офицеръ Иванъ Лапчинскій (сынъ священника Николая Лапчинскаго) подъ присягою объяснилъ: 1) что метрическія книги села Соловы писалъ онъ въ 1818 г. при жизни отца и по его приказанію; сынъ Ширая Александръ былъ записанъ въ тѣхъ книгахъ въ числѣ родившихся въ ноябрѣ 1818 г., но на мѣсто того Александра, около года спустя послѣ его рожденія, Лапчинскій, по приказанію отца, вписалъ въ тѣ книги сына дворянина Лапчинскаго Павла; книги были присланы протоіереемъ Леонтіемъ Рклицкимъ для перемѣны листа, на которомъ Александръ былъ записанъ; скрѣпу на вновь вшитыхъ листахъ вмѣсто священника и дьячка онъ, Лапчинскій, сдѣлалъ также по приказанію отца.

---

*) Бывшій управляющимъ имѣніями генерала Ширая.

10) Дворянинъ Василій Лапчинскій подъ присягою показалъ, что у него былъ сынъ Павелъ; когда родился, не помнитъ, а полагаетъ тому 27 лѣтъ, умеръ означенный сынъ чрезъ три года послѣ рожденія. О замѣнѣ въ метрикѣ сына Ширая Александра его сыномъ Павломъ, онъ слышалъ отъ умершаго кузнеца Григорья Харитоненка.

По исповѣднымъ росписямъ села Соловы съ 1816 по 1820 г., дворянинъ Василій Лапчинскій и семейство его не значатся, равно въ метрическихъ книгахъ съ 1816—1818 г. онъ не показанъ родившимся.

Стародубское духовное правленіе увѣдомило слѣдственную коммисію, что метрическія книги за 1818 г. дѣйствительно не были завѣряемы духовнымъ правленіемъ, какъ это видно изъ книгъ, имѣющихся въ архивѣ правленія; а черниговская духовная консисторія увѣдомила слѣдователей, что рапорта, при которомъ присланы метрическія книги по церкви села Соловы, въ консисторіи не оказалось и по входящему реестру не значится; есть только рапортъ духовнаго правленія 27-го февраля 1819 г., при которомъ присланъ экстрактъ изъ метрической книги по стародубскому духовному правленію за 1818 г., изъ коего видно, что самыя метрическія книги, по исправленіи, будутъ присланы.

Между тѣмъ изъ слѣдствія, произведеннаго духовнымъ вѣдомствомъ, оказывается, что духовное правленіе, какъ значится въ исходящихъ книгахъ, при рапортѣ въ дикастерію 29-го января 1821 г. №. 121, послало по почтѣ метрическія тетради 1816, 1817, 1818 и 1819 г.; рапортъ этотъ съ присылкою метрическихъ книгъ, по справкѣ въ консисторіи, оказался полученнымъ 4-го февраля 1821 г. и пріобщенъ былъ къ дѣлу.

Слѣдственная коммисія, по соображеніи показанія Василія Лапчинскаго съ метрическою книгою 1818 г., по журналу заключила, что сынъ Лапчинскаго Павелъ, который въ метрикѣ 1818 г. показанъ умершимъ 2-хъ лѣтъ, не могъ родиться въ томъ же году, а изъ сего открывается, что на мѣсто сына

Ширая Александра въ метрическихъ книгахъ духовнаго правленія и консисторіи былъ въ послѣдствіи вписанъ Павелъ Лапчинскій.

Черниговская консисторія, разсмотрѣвъ произведенное, по указу святѣйшаго сунода, слѣдствіе, 25 октября 1843 г., заключила: за допущеніе безпорядковъ и участіе въ похищеніи книгъ и подмѣнѣ листовъ поступки умершихъ оставить безъ сужденія; священниковъ Іоанна, Ѳедора Лапчинскихъ и Дему хотя и слѣдовало низвести въ причетническую должность, но, за силою всемилостивѣйшаго манифеста 16 апрѣля 1841 г., освободить отъ наказанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ Рклицкій уволенъ отъ присутствія въ духовномъ правленіи, а Дема отъ благочинія.

Б. Розысканія о рожденіи, воспитаніи и происхожденіи Александра Заботина и о взаимныхъ отношеніяхъ и характеръ супруговъ Шираевъ.

О рожденіи Александра Заботина.

Священникъ Іоаннъ Лапчинскій, что онъ находился въ званіи дьячка при крещеніи соловскимъ священникомъ Николаемъ Лапчинскимъ родившагося, въ ноябрѣ 1818 г., у Ширая и жены его сына Александра; воспріемникомъ былъ означенный священникъ Николай, постороннихъ свидѣтелей и Ширая не было. Къ сему Лапчинскій присовокупилъ: «кажется, Александръ жилъ въ младенчествѣ при матери и она сама его кормила, потомъ увезенъ былъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, а оттуда въ Москву, но кѣмъ, не знаетъ».

Присяжныя показанія.

Титулярный совѣтникъ Заверуха, что былъ повѣреннымъ Ширая съ 1834 г. по смерть Ширая, т. е. по 1-е августа 1841; съ 1834 г. Ширай жены не навѣщалъ, но поручалъ ему имѣть попеченіе, чтобы она ни въ чемъ не нуждалась; Ширай зналъ о нахожденіи Заботина въ Москвѣ, но никогда не называлъ его сыномъ своимъ и отрицанія о немъ въ записяхъ и завѣщаніи сдѣлать не хотѣлъ, слышалъ же о немъ

Ширай болѣе всего отъ дочери своей Анастасьи (Чернолузской), которая никогда не называла его братомъ, а несчастнымъ.

15 козаковъ села Соловы показали: Михайло Сапоновъ, что онъ знаетъ, что у Ширая и жены его Ульяны родился въ Соловѣ сынъ Александръ и жилъ при матери 4 года, потомъ отправленъ былъ, какъ слышалъ, въ деревню Болдовку. Согласно съ Сапоновымъ показали порознь остальные 14 человѣкъ козаковъ.

Коллежскій секретарь Семенъ Гаевскій, что онъ управлялъ имѣніемъ Ширая съ 1817 и съ мая 1818 г. до 1831 г., жилъ въ Соловѣ, гдѣ жила и жена Ширая, а самъ Ширай въ Стародубѣ и Пантусовѣ, по всякій разъ, проѣзжая въ Черниговъ по должности губернскаго предводителя дворянства, заѣзжалъ въ Солову и проживалъ тамъ по нѣскольку дней, но не жилъ въ одномъ домѣ съ женою; былъ ли Ширай въ концѣ 1817 г. въ Соловѣ, не знаетъ, но бывалъ тамъ въ началѣ 1818 г. Причина несогласія супруговъ ему неизвѣстна и чтобы Ширай навѣщалъ жену свою послѣ того, какъ они не жили уже вмѣстѣ, того онъ, Гаевскій, не замѣтилъ; но въ маѣ 1818 г. она, Ширай, была беременна и 6-го ноября того года родила сына, котораго назвали Александромъ; въ тотъ день Ширай былъ въ Соловѣ проѣздомъ изъ Чернигова, но при крещеніи не былъ и Гаевскій полагаетъ, что Ширай о рожденіи и крещеніи сына не зналъ. Александръ былъ при матери до 4-хъ лѣтъ; потомъ сыномъ Ширая, умершимъ Михайлою, помѣщенъ, не знаетъ почему, въ крестьянскую избу въ деревнѣ Болдовкѣ, а оттуда порученъ онъ новгородъ-сѣверскому священнику Мануйловичу.

Титулярный совѣтникъ Ракицкій, что онъ поступилъ къ Шираю въ 1811 г., жилъ съ нимъ въ Соловѣ по декабрь 1811 г., откуда переѣхалъ съ Шираемъ въ Стародубъ и постоянно при немъ находился до 1830 г. По образу жизни Ширая можно было заключить, что онъ жилъ въ несогласіи съ женою, ибо Ширай во всю бытность Ракицкаго у него, жилъ въ Соловѣ въ большомъ домѣ, а жена во флигелѣ, навѣщалъ

ли Ширай жену по переѣздѣ въ Стародубъ, не знаетъ. По слухамъ, у жены Ширая былъ сынъ Александръ, во время рожденія Ширай былъ въ Соловѣ, но о рожденіи и крещеніи узналъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Почему Ширай не признавалъ Александра сыномъ, не знаетъ.

Въ присяжныхъ отвѣтахъ 21 человѣкъ дворянъ черниговской губерніи стародубскаго уѣзда показали:

1, *Титулярный совѣтникъ Кункевичъ*, знакомый съ Шираемъ съ 1810 по 1841 г.: извѣстно ему, что у жены Ширая былъ сынъ Александръ, находившійся въ младенчествѣ при ней; но отъ Ширая ли онъ рожденъ и зналъ ли онъ о его существованіи, не знаетъ.

2, *Титулярный совѣтникъ Страшненко*, знакомый съ Шираемъ съ 1816 по 1841 г.: былъ ли у Ширая отъ жены сынъ Александръ и зналъ ли о томъ отецъ, не знаетъ, но если Ширай не признавалъ Александра сыномъ, то вѣроятно тому была причина, а только 20 лѣтъ носится слухъ въ народѣ, что есть таковой сынъ, увезенный отъ матери въ малолѣтствѣ.

3, *Коллежскій совѣтникъ Бука*: знакомъ былъ съ Шираемъ съ 1823 по 1841 г., слышалъ, кажется, отъ дочери Ширая Марьи Долинской, что у матери ея былъ сынъ Александръ, рожденный въ 1818 г., но какъ онъ, Бука, худо слышитъ, то дѣйствительность словъ Долинской утвердить не можетъ.

4, *Титулярный совѣтникъ Хоминскій*, знакомый съ Шираемъ съ 1824 по 1841 г.: по слухамъ, носившимся въ народѣ, былъ у жены Ширая сынъ; о существованіи его, вѣроятно зналъ Ширай, а сынъ сего послѣдняго Михайла, разсказывая ему о намѣреніи исходатайствовать у отца распредѣлительный актъ, говорилъ: «между нами есть одна семейная тайна, есть лицо, которое называютъ сыномъ нашей матери».

5, *Титулярный совѣтникъ Середа*, знакомый съ Шираемъ съ 1808 по 1841 г.: жена Ширая родила сына Александра, но не отъ Ширая, какъ носился въ народѣ слухъ; ребенокъ этотъ находился нѣсколько лѣтъ при матери въ Соло-

вѣ, потомъ у священника новгородъ-сѣверскаго и оттуда увезенъ въ Москву.

6, *Коллежскій секретарь Животкевичъ*, знакомый съ Шираемъ съ 1803 по 1841 г.; по общимъ слухамъ, жена Ширая родила сына Александра, а зналъ ли о томъ Ширай, ему неизвѣстно.

7, *Титулярный совѣтникъ Гетунъ*: слышалъ, но не помнитъ отъ кого, что у Ширая кромѣ Михайлы былъ другой сынъ.

8, *Коллежскій Регистраторъ Янжулъ*, знакомый съ Шираемъ съ 1798 по 1841 г.: при женѣ Ширая видѣлъ сына Александра, который жилъ при ней до пяти лѣтъ, но отъ Ширая ли рожденъ, не знаетъ; по порученію матери, передавалъ новгородъ-сѣверскому священнику Мануйловичу для сына ея бѣлье и разныя вещи.

9, *Штабсъ-капитанъ Гудовичъ*, знакомый съ Шираемъ съ 1821 по 1841 г.: слышалъ, что у жены Ширая былъ сынъ; зналъ ли о его рожденіи и существованіи Ширай, не знаетъ.

Другіе дворяне отозвались незнаніемъ.

Показанія по священническому увѣщанію.

25 крестьянъ и крестьянокъ, бывшихъ въ услуженіи при женѣ Ширая, принадлежавшихъ къ соловской дворнѣ, и двое камердинеровъ Ширая показали, что они совершенно знаютъ о рожденіи Александра у Ширая и жены его въ 1817 или 1818 г.; Александръ жилъ при матери до 4-хъ лѣтъ (двое до 5-ти, одинъ до 6-ти); не знаютъ, по чьему приказанію отвезенъ въ Болдовку, а оттуда въ Новгородъ-сѣверскъ; *Попсуй* (бывшій при женѣ Ширая дворецкимъ) присовокупилъ, что по приказанію, данному ему лично Шираемъ, онъ, Попсуй, отправилъ Александра съ кучеромъ Ющенкомъ (умершимъ) въ деревню Болдовку вмѣстѣ съ нянькою Лобановою, гдѣ Александръ былъ помѣщенъ въ домѣ войта Винокурова, жилъ тамъ 6 недѣль, потомъ сынъ Ширая, пригласивъ Мануйловича, отправилъ его съ нимъ въ Новгородъ-сѣверскъ. Трое показали,

что во время рожденія Александра старикъ Ширай ночевалъ въ селѣ Соловѣ въ большомъ флигелѣ и утромъ уѣхалъ въ Черниговъ. Ширай постоянно жилъ въ Стародубѣ, но пріѣзжалъ въ Солову довольно часто и всегда останавливался въ большомъ домѣ, а во флигелѣ жила жена его, съ которою онъ видѣлся; за что Ширай жилъ въ несогласіи съ женою, не знаютъ (Попсуй, что несогласіе произошло 15 лѣтъ назадъ, а Гредченковъ, что Шираи разошлись по пріѣздѣ старика изъ С.-Петербурга; по полученіи же Шираемъ собственнаго ея имѣнія, запретилъ ей выѣзжать изъ Соловы далѣе деревень Болдовки и Еленки). Попсуй показалъ кромѣ того, что въ продолженіи уединенной жизни жены Ширая, ее навѣщали большею частію родственники, а также и сосѣди; дочери въ малолѣтствѣ жили при ней, а въ 1814 или 1815 г. отвезли ихъ въ Москву, по возвращеніи жили съ матерью, а потомъ при отцѣ въ селѣ Пантусовѣ.

Кромѣ вышепомянутыхъ присяжныхъ отзывовъ дворянъ, губернскій предводитель предлагалъ вопросы о рожденіи Александра Заботина 32 дворянамъ. Въ письменныхъ отзывахъ большая часть отозвалась незнаніемъ, другіе свѣдѣнія свои основывали на слухахъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ показанія генералъ-маіора графа Гудовича и поручика Губчица, дальнихъ родственниковъ Ширая.

Первый, *гр. Гудовичъ*, отозвался, что Ширай, узнавъ письменно изъ Москвы отъ Барковскаго, что по разсказамъ сынъ его находится въ Москвѣ подъ попеченіемъ учителя Кубарева, сказалъ ему, Гудовичу, передъ отъѣздомъ въ Москву «узнай пожалуста, что тамъ за хлопецъ явился и разскажи, когда возвратишься». Дочь Ширая Настасья (Чернолузская) дала Гудовичу адресъ ребенка. Въ Москвѣ Гудовичъ видѣлъ Александра Заботина и, возвратившись, хвалилъ его Шираю и совѣтовалъ перевести его изъ ремесленнаго отдѣленія въ словесное, но Ширай слушать не хотѣлъ, говоря: «пусть будетъ какъ есть». Въ послѣдствіи Гудовичъ убѣждалъ Ширая сдѣлать какое либо назначеніе Александру, который по крайней мѣрѣ рож-

денъ отъ его жены, имъ нѣкогда любимой, но и на это Ширай не согласился.

Поручикъ Губчицъ, въ письменномъ отзывѣ показалъ, что Долинская говорила съ нимъ о распоряженіяхъ отца, признавала ихъ неудовлетворительными, при чемъ сказала ему: «да вы знаете ли, что у насъ есть братъ Александръ въ Москвѣ. Къ сему Губчицъ присовокупилъ, что въ 1838 или 1839 г., пріѣхавъ въ Пантусово, сообщилъ Шираю носившійся слухъ, что московскій (Заботинъ) имѣетъ метрическое свидѣтельство; съ симъ словомъ Ширай встревоженный вскочилъ, и, обратясь къ Заверухѣ, сказалъ, что это? Заверуха отвѣчалъ: «неправда ваше превосходительство, по всѣмъ мѣстамъ уничтожено».

Однокровные братья Ульяны Ширай, Василій и Иванъ *Бороздны*, сестры ея и родственники ихъ *Миклашевскіе* въ письменныхъ отзывахъ утвердительно доказывали, что Александръ Заботинъ законный сынъ ихъ сестры и Ширая, преслѣдуемый безвинно отцомъ со дня рожденія своего.

Присяжныя показанія дворянъ о жизни жены Ширая въ селѣ Соловѣ.

Титулярные совѣтники Кунькевичъ и *Грасевичъ*: извѣстно имъ, что Ульянѣ Ширай не велѣно было выѣзжать изъ села Соловы. *Священникъ Іоаннъ Лапчинскій, титулярный совѣтникъ Страшненко, коллежскій ассесоръ Животкевичъ и коллежскій регистраторъ Янжулъ*: что Ширай, проѣзжая изъ Стародуба въ Черниговъ и обратно, останавливался въ Соловѣ въ своемъ домѣ. *Титулярный совѣтникъ Коцкевичъ*:—совершенно извѣстно ему, что жена Ширая была удалена отъ общества и терпѣла крайніе недостатки. *Титулярный совѣтникъ Хоминскій*, что когда случалось ему быть въ Соловѣ, то всегда видѣлъ жену Ширая прилично одѣтою въ кругу дѣтей и постороннихъ. *Губернскій секретарь Лайкевичъ* что жизнь жены Ширая походила на заточеніе, и что въ 1817 г. мать его, проѣзжая съ нимъ чрезъ Солово, была у жены Ширая, которая въ то время не пользовалась пристойнымъ содержаніемъ и находилась въ крайней бѣдности. *Титулярный совѣтникъ Середа*, что за женою Ширая присматривали крѣпостные

люди, дабы она никуда не отлучалась. Къ сему присовокупили *священникъ Лапчинскій*, что Ширай съ женою не обращался жестоко и все содержаніе отпускалось ей изъ экономіи какъ слѣдуетъ; *Янжулъ*, что когда управлялъ имѣніемъ Солово дворянинъ Рухлядка, то обращался, по невѣжеству, съ женою Ширая грубо, а сей послѣдній всегда у него спрашивалъ, не заѣзжалъ ли въ Солово и здорова ли жена; *Животкевичъ*, что жена Ширая находилась подъ присмотромъ крѣпостныхъ людей и однажды ему жаловалась на недостаточное содержаніе, относя это не къ мужу, а къ управляющему.

О характерѣ Ширая и его жены.

О характерѣ Степана Ширая спрошенные подъ присягою дворяне отозвались, что онъ былъ человѣколюбивъ, твердъ, рѣшителенъ, благороденъ, добръ, веселъ, любилъ общество, гостепріименъ, строгъ, скрытенъ, неуступчивъ, своенравенъ, гордъ, честолюбивъ, помнилъ нанесенное ему огорченіе. Другіе показали, что о характерѣ его ничего не знаютъ. Одинъ генералъ-маіоръ Гудовичъ, родственникъ Ширая, безъ присяги показалъ, что Ширай былъ честолюбивъ и гордъ, а къ крестьянамъ своимъ и служителямъ весьма снисходителенъ; съ дѣтьми суровъ.

Объ Ульянѣ Ширай отозвались, что она была умная, кроткая и добродѣтельная; характеръ имѣла тихій, скромный, благородный, одинъ (Животкевичъ), что Ульяна Ширай была характера скромнаго, по сложенія горячаго.

О болѣзненныхъ припадкахъ Ульяны Ширай.

Коллежскій ассесоръ Животкевичъ подъ присягою показалъ, что Ульяна Ширай имѣла болѣзненный припадокъ въ родѣ сумасшествія и тогда дарила кому что попало и въ забывчивости выходила изъ границъ благопристойности къ мужескому полу. Независимо отъ сего, Животкевичъ присовокупилъ, что во время освѣщенія Соловскаго дома, когда Ширай

жилъ съ женою, по просьбѣ перваго, преосвященный черниговскій назидалъ Ульяну Ширай въ особой комнатѣ о вѣрности супружеской.

Графъ Николай Гудовичъ, безъ присяги,—что имѣя рѣдко случай видѣть жену Ширая, ему всегда казалось, что въ свободное время отъ болѣзненныхъ припадковъ она была въ обращеніи скромна, кротка и привѣтлива.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Искрицкій, безъ присяги,—что онъ слышалъ отъ родныхъ своихъ, посѣщавшихъ Ульяну Ширай, что она, будучи въ болѣзненномъ состояніи, предпочитала бесѣду и занятія, званію ея несвойственныя, любила жить въ людскомъ флигелѣ, а не въ домѣ и объ одеждѣ не была довольно заботлива. Въ послѣдствіи говорилъ ему Ширай, что, по его приказанію, дочь Анастасія (Чернолузская) посѣщала мать, а сама Чернолузская, что мать устроена въ Соловѣ прилично.

Стародубскій уѣздный врачъ штабъ лекарь Кузьминскій, безъ присяги, отозвался, что онъ пользовалъ жену Ширая съ 1833 г., которая вскорѣ послѣ смерти сына Ширая Михайлы была больна желтухою; по излеченіи отъ этой болѣзни черезъ полгода, или немного болѣе, заболѣла водяною, которою страдала до самой смерти. Кромѣ этой болѣзни два раза подвержена была параличному удару, въ первый разъ отнялась у нея половина всего тѣла, но при пользованіи получила облегченіе; отъ другаго удара, кажется чрезъ полгода послѣ перваго, она умерла въ 1839 г. Сверхъ того иногда, а чаще періодически, во время малоколичественнаго очищенія, имѣла общее умопомѣшательство, продолжавшееся иногда по недѣлѣ и обнаруживавшееся безсонницею, говорливостью или молчаливостью и угрюмостью.

Розысканія о воспитаніи Александра Заботина.

Священно-намѣстникъ новгородъ-сѣверска Логинъ Мануйловичъ, 2-го марта 1843 г., показалъ, что въ 1822 г., по письменному приглашенію Михайлы Ширая, пріѣзжалъ онъ

въ Солово, гдѣ, наединѣ, сей послѣдній объяснилъ ему о притѣсненіи отцомъ его матери и объ удаленіи, по приказанію отца, управляющимъ Гаевскимъ, маленькаго его, Ширая, брата Александра въ деревню Болдовку, для воспитанія съ крестьянами. Въ Болдовкѣ Мануйловичъ взялъ Александра, который воспитывался у него около 3-хъ лѣтъ, но потомъ Михаилъ Ширай, объяснивъ ему въ д. Пантусовѣ, что отецъ его узналъ о мѣстѣ пребыванія Саши, сообщилъ ему намѣреніе свое взять Александра въ Москву,—для опредѣленія въ учебное заведеніе, съ тѣмъ, чтобы онъ въ послѣдствіи поступилъ въ университетъ. Согласно волѣ Михайла Ширая, Мануйловичъ, въ іюлѣ 1825 г., отдалъ Александра присланному человѣку Ивану Терещенкѣ въ присутствіи штабсъ-капитана Емельяновича. Къ сему Мануйловичъ присовокупилъ, что Александръ, прозванный, не знаетъ почему, Заботинымъ, есть тотъ самый, который у него воспитывался, онъ имѣетъ маленькій шрамчикъ близъ глаза, и его признаютъ всѣ тѣ, которые видѣли въ его, Мануйловича, домѣ. Мануйловичъ представилъ слѣдователямъ 13 писемъ къ нему Михайлы Ширая и 2 письма Ульяны Ширай.

Въ письмахъ своихъ Михайла Ширай спрашиваетъ о здоровьѣ и воспитаніи Александра, называя его извѣстнымъ предметомъ, нашимъ безпокровнымъ Сашею, и семьяниномъ Мануйловича. Въ письмѣ 4-мъ отъ 20 іюня 1823 г., Михаилъ Ширай, соглашаясь, что неизвѣстность можетъ слишкомъ безпокоить, проситъ Мануйловича хранить, если возможно и сколько будетъ возможно, молчаніе, а если будетъ спрашивать, то сообщить ей, негласно, предоставляя разсужденію Мануйловича показать, что онъ, Михайло Ширай, не знаетъ или напротивъ.

Въ первомъ письмѣ отъ 18-го января 1824 г. Ульяна Ширай посылаетъ Мануйловичу шнурочекъ для часовъ своей работы, присовокупляя: носите его всегда, я еще лучшій постараюсь сдѣлать. Посылаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ своему Сашинькѣ платье и бѣлье, проситъ писать о его потребностяхъ, ибо она можетъ все доставить. Далѣе Ширай пишетъ: я ду-

маю у моего маленькаго Сашиньки нѣтъ шубки, смѣряйте его ростъ и въ письмѣ, хоть чрезъ почту, пришлите бумажную мѣрочку; не опасайтесь теперь ничего, мой старшій сынъ показывалъ мнѣ почтенное письмо ваше и открылъ мнѣ, что вы сдѣлали мнѣ благодѣяніе, взявши воспитывать и учить моего маленькаго Сашиньку. Я всегда буду чувствовать и благодарить васъ за это воспитаніе и ученіе и должна помнить васъ по гробъ и дорогаго моего сына Мишеньку. Моему сердцу очень больно было разстаться съ маленькимъ Сашенькою; но надобно было рѣшиться учить его, надѣюсь, что вы заступите мое мѣсто,—вѣрно сожалѣете его въ чужой сторонѣ. Я слышала, что малютка мой былъ опасно болѣнъ.

Во второмъ письмѣ отъ 14 іюня 1826 г. Ульяна Ширай проситъ Мануйловича возвратить посылку, «которую я посылала моему Сашинькѣ». Далѣе благодаритъ за воспитаніе и попеченіе о Сашѣ и въ заключеніе присовокупляетъ: «слава Богу, онъ здоровъ, учится хорошо, только очень далеко за Москвою».

Въ слѣдствіе объясненія Мануйловича подъ присягою показали:

Жена Мануйловича, что представленный ей Заботинъ есть тотъ самый, который жилъ въ домѣ мужа около трехъ лѣтъ; узнаетъ она Александра по шрамику у лѣваго глаза, родимому круглому пятну на правой щекѣ, по всѣмъ чертамъ лица и наконецъ по воспоминаніямъ о разныхъ мелкихъ случаяхъ, бывшихъ въ ихъ домѣ во время его пребыванія.

Священникъ Ѳедоръ Мануйловичъ и *отставной штабсъ-капитанъ Емельяновичъ* и дьячекъ *Терасевичъ* подъ присягою показали, что они видѣли Александра у Мануйловичей; Емельяновичъ присовокупилъ, что онъ провожалъ съ Мануйловичами Александра при отправленіи его въ Москву.

Между тѣмъ Александръ Заботинъ подалъ слѣдователямъ записку, изъ которой видно, что въ 1825 году семи лѣтъ онъ отданъ былъ священническою вдовою Кубаревою въ императорскій воспитательный домъ, на третьемъ году изъ классовъ переведенъ въ ремесленное отдѣленіе, изъ коего выпу-

щенъ въ 1839 г. для пріисканія себѣ мѣста, а въ 1840 г. поступилъ, по контракту, къ помѣщику орловской губерніи штабсъ-ротмистру барону Таубе съ жалованьемъ по 120 руб. асс. въ годъ. При запискѣ Заботинъ представилъ письма бывшаго профессора московскаго университета Кубарева на имя Ивана и Николая Борозденъ, однокровныхъ братьевъ Ульяны Ширай. Въ письмахъ этихъ Кубаревъ принимаетъ участіе въ судьбѣ Заботина относительно отысканія правъ на настоящее происхожденіе и изъявляетъ готовность свою и своей матери принять участіе въ дѣлѣ справедливомъ, по христіанской совѣсти.

Адъюнктъ московскаго университета Кубаревъ, спрошенный подъ присягою, показалъ, что Александръ Заботинъ былъ принятъ матерью его, Кубарева, отъ его товарища и друга Михайлы Ширая и доставленъ имъ крѣпостнымъ его человѣкомъ Иваномъ. Помѣщенъ Заботинъ матерью его, Кубарева, въ воспитательный домъ по письму Михайлы Ширая, который дѣлалъ ему денежное пособіе. Отъ Михайлы Ширая онъ ничего не слыхалъ о происхожденіи Заботина, но былъ свидѣтелемъ самаго заботливаго о немъ попеченія, какъ о человѣкѣ ему близкомъ. По общей молвѣ, ему извѣстно, что Заботинъ сынъ отца Михайлы Ширая. При этомъ Кубаревъ представилъ 9 писемъ, пять Ивана Бороздны, два брата его Николая и два Александра Заботина.

Въ письмахъ къ Кубареву Иванъ Бороздна изъясняетъ отъ 22 іюля 1842 г., что всѣ родные покойницы не согласны на прежнее удовлетвореніе, нужно возстановить права извѣстнаго лица. Убѣждаетъ Кубарева, чтобы на случай пріѣзда къ барону (Таубе) одного ихъ родственника, Саша послѣдовалъ его совѣту и былъ твердъ, какъ адамантъ: уступчивость испортитъ дѣло, ее не должно быть ни съ вашей, ни съ Сашиной стороны. Въ письмѣ отъ 30 августа изъявляетъ сомнѣніе въ успѣхѣ предпринимаемаго имъ дѣла, говоря: Долинскій и Чернолузскій имѣютъ связи и деньги, разумѣется не пощадятъ капиталовъ, чтобъ отстоять себя. Изъ 4 письма видно, что Бороздны посылали къ Таубе родственника своего Сребдольскаго

со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ и съ бумагою на имя графа Бенкендорфа. Бумагъ этихъ Заботинъ не согласился подписать и обѣщалъ съ Таубе пріѣхать къ Бороздна́мъ. Въ заключеніе письма Иванъ Бороздна присовокупляетъ, что съ Долинскою нельзя кончить дѣло миромъ.

Николай Бороздна въ первомъ письмѣ къ Кубареву, отъ 15 января 1843 г., проситъ его и мать содѣйствовать въ кровномъ для нихъ дѣлѣ о возстановленіи правъ племянника ихъ Александра, и извѣщая о посылкѣ Долинскою и Чернолузскою своего агента Кароля, изъявляетъ надежду, что Кубаревъ изгонитъ его отъ себя. Во второмъ письмѣ Николай Бороздна извѣщаетъ о посылкѣ Сребдольскаго для обсужденія плана по дѣлу Заботина.

Александръ Заботинъ отъ 12 августа 1842 г. пишетъ, къ Кубареву, что онъ съ Таубе отправился было въ малороссію, не смотря на просьбы его, Заботина, туда не ѣздить, и благодаря Кубарева за письмо, которое остановило поѣздку, пишетъ: я не знаю, что было бы изъ нашей поѣздки, баронъ хотѣлъ тамъ дѣлать справки въ метрикахъ и, Богъ знаетъ что, между тѣмъ какъ все это вздоръ, а можетъ быть. . . . Во второмъ письмѣ Заботинъ проситъ Кубарева быть откровеннымъ съ барономъ Таубе и разсказать все, что знаетъ о его происхожденіи.

Вдова священника Анна Кубарева подъ присягою показала, что Михайлъ Ширай въ письмѣ отъ 17 іюля 1825 г., просилъ ее, Александра Алексѣева, сына умершей канцелярской вдовы Марьи Заботиной, помѣстить въ воспитательный домъ, для чего прислалъ просьбу и свидѣтельство, имъ самимъ приготовленное. О происхожденіи Заботина Михаилъ Ширай ей ничего не говорилъ и она никакихъ доказательствъ не имѣетъ. Въ подтвержденіе своего показанія Кубарева представила подлинное письмо Михаила Ширая отъ 17 іюля 1825 г.

Директоръ ремесленнаго заведенія Розенкампфъ подъ присягою показалъ: 1, онъ слышалъ отъ помѣщицы орловской губерніи Стаховичевой, что Заботинъ сынъ генералъ-маіора Ширая и 2, смотритель училища *Воиновъ* показывалъ ему письмо

племянника своего *Назарьева*, въ которомъ сей послѣдній, между прочимъ, извѣщая о смерти стараго Ширая, пишетъ, что у него остался сынъ, который теперь въ ремесленномъ московскомъ заведеніи и не знаетъ объ интересныхъ для него обстоятельствахъ.

Розенкампфъ представилъ письмо Назарьева и записку Стаховичевой отъ 16 октября 1841 г. о Заботинѣ. Свѣдѣнія, изложенныя въ запискѣ Стаховичевой, основаны, по словамъ ея самой, на однихъ слухахъ, и такъ какъ она вѣрныхъ доказательствъ не имѣетъ, то въ письмѣ къ надзирательницѣ московскаго воспитательнаго дома маіоршѣ Цеймернъ, проситъ поберечь ее и не довести до допроса.

На предложенные слѣдователями вопросы генералъ-маіоршѣ Долинской и сестрѣ ея коллежской совѣтницѣ Чернолузской, онѣ отвѣчали:

1., *Марья Долинская*: 1., покойный братъ Михайлъ въ день свадьбы ея сказалъ ей: «въ московскомъ воспитательномъ домѣ есть мальчикъ, котораго ты, въ случаѣ моей смерти, не должна оставить безъ пособія, когда будешь владѣть родительскимъ имѣніемъ». Но ни братъ, ни родители не говорили ей, что у нея есть или былъ еще братъ Александръ. 2., Сестра ея Анастасья Чернолузская говорила ей, не помнитъ когда, что послѣ брата найдено письмо, въ которомъ онъ проситъ внесть каждую изъ нихъ въ московскій воспитательный домъ на имя воспитанника Заботина по 30 т. руб. асс. 3., По смерти отца просила она дядю Ивана Бороздну, ѣхавшаго въ Москву, узнать о помянутомъ воспитанникѣ и на первый разъ сестра ея дала 500 руб. асс. Но дядя отвѣчалъ изъ Москвы въ первомъ письмѣ, что извѣстной «особы» нѣтъ въ Москвѣ и что о немъ пустая болтовня, а во второмъ, что денегъ ему давать не для чего, чтобъ онѣ ничему не вѣрили, онъ за нихъ горою. Потомъ мѣсяцевъ черезъ пять, 27 марта 1842 г., получили онѣ отъ дяди страховыя письма, совершенно другаго содержанія. Послѣднее письмо Бороздны, Долинская представила въ подлинникѣ.

Коллежская совѣтница Анастасья Чернолузская: 1., подтвердила показаніе сестры объ оставшемся письмѣ послѣ брата ихъ Михаила Ширая, о внесеніи для Заботина въ сохранную казну каждою изъ нихъ по 30 т. руб. асс. 2., Отецъ ея зналъ о существованіи въ Москвѣ Заботина, не отъ нея, а потому что братъ Михаила имѣлъ о немъ попеченіе, самъ же отецъ ея не только не принималъ никакого въ Заботинѣ участія, но былъ недоволенъ на сына за излишнюю заботливость. 3., Отца она никогда не убѣждала подать прошеніе объ устраненіи Заботина отъ наслѣдства, потому что сей послѣдній, какъ не принадлежавшій къ ихъ роду, и безъ того къ имѣнію отца не могъ быть наслѣдникомъ. 4., Утверждаетъ, что у отца ея не было, кромѣ умершихъ Михаила и Петра, никакого третьяго сына, что подтверждается родословнымъ актомъ отца на родовое имѣніе, при жизни матери ихъ составленнымъ. Признавая Заботина самозванцемъ, въ чемъ можетъ удостовѣрить письмо изъ Шацка, въ которомъ другое лицо называетъ себя ихъ братомъ, Чернолузская просила слѣдователей: а.) о другомъ самозванцѣ произвести розысканіе, Ивана и Николая Бороденъ и также Заверуху, прикосновенныхъ къ дѣлу о самозванствѣ Заботина, ни къ какому свидѣтельству не допускать, а Лейкевича, вмѣшавшагося произвольно въ это дѣло, отъ дѣла устранить, б.) отъ Заботина истребовать доказательства и предъявить ей, а до того времени никого не допрашивать, въ допущеніи же къ присягѣ и свидѣтельству допрашиваемыхъ поступить по законамъ.

Изъ писемъ, представленныхъ Чернолузскою и сестрою ея Долинскою, видно:

1.) Михаила Ширая, отъ 21 февраля 1828 г. изъ села Пантусова. Въ письмѣ этомъ Михаилъ Ширай, изъясняя свои чувства любви къ сестрамъ, открываетъ имъ важную тайну, что подъ №. 3561 въ московскомъ воспитательномъ домѣ есть воспитанникъ Александръ Заботинъ. «Давъ слово его матери быть вторымъ его отцемъ», Михаилъ Ширай завѣщеваетъ своимъ сестрамъ, въ случаѣ своей смерти, приложить попеченіе объ устройствѣ судьбы Заботина и внести въ сохранную казну каж-

дою по 30 т. руб. асс. Дѣлая дальнѣйшія распоряженія относительно условій, на которыхъ вкладъ долженъ быть учиненъ и порядка выдачи Заботину, женѣ и дѣтямъ его денегъ, Ширай въ заключеніе присовокупляетъ: «все вышеизложенное должно быть приведено въ исполненіе въ такомъ только случаѣ, если воспитанникъ Александръ будетъ чувствовать ихъ благодѣяніе; когда же напротивъ онъ окажется имъ неблагодарнымъ, предпринявъ что нибудь противъ нихъ, въ такомъ случаѣ, оставшійся въ Совѣтѣ капиталъ поступаетъ къ нимъ обратно, за исключеніемъ денегъ, ему выданныхъ, коихъ не требовать».

Письма Ивана Бороздны содержатъ въ себѣ слѣдующее: Въ первомъ письмѣ Бороздна, отъ 17 ноября 1841 г. изъ Москвы, извѣщаетъ Чернолузскую, что не смотря на доходящіе до него слухи о глупыхъ въ нѣкоторыхъ обществахъ толкахъ, на счетъ извѣстной особы, которой еще нѣтъ въ Москвѣ, все это по общему разсужденію съ Алексѣй Михайловичемъ (Кубаревымъ) и его матерью, кажется, кончится болтовнею и пустяками; во второмъ, отъ 27 марта 1842 г., которое въ двухъ экземплярахъ было послано къ Долинской и Чернолузской, Иванъ Бороздна извѣщаетъ, что молодой человѣкъ (Заботинъ), вызванный въ Москву непосредственнымъ своимъ начальствомъ, былъ препровожденъ къ нему и высказалъ всѣ совершенно извѣстныя ему, Заботину, обстоятельства странной судьбы своей и участіе, принимаемое въ немъ начальствомъ воспитательнаго дома; къ счастью добрые Кубаревы, при самомъ пріѣздѣ его, Заботина, въ Москву, употребили стараніе, чтобы утушить на первыхъ парахъ дѣло. Онъ, Бороздна, сказалъ ему, Заботину, все что внушало ему усердіе и любовь къ Долинской и Чернолузской и незабвеннымъ покойникамъ, совѣтовалъ ему положиться вполнѣ на Кубаревыхъ и на великодушіе Долинской и Чернолузской и далъ слово написать къ нимъ; что въ слѣдствіе сношенія Кубарева съ начальствомъ ремесленнаго училища при воспитательномъ домѣ, оставлена предположенная переписка этого начальства съ высшимъ, устранена отправка молодаго человѣка въ С. Петербургъ и онъ

снова препровожденъ къ барону Таубе въ Орловскую губернію, впредь до полученія отвѣта на письмо. Если же онѣ не дадутъ никакого отвѣта, или дадутъ не рѣшительный, тогда уже ни Кубаревы, ни онъ, Бороздна, не будутъ въ силахъ остановить ходъ дѣла, которое сопряжено съ такими для нихъ непріятностями. Бороздна проситъ не медлить и прислать мужа своего, генерала Долинскаго, поскорѣе въ Москву, присовокупляя, что когда старикъ (Ширай) не былъ погребенъ, Егоръ Яковлевичъ (Долинской) въ Соловѣ сказывалъ ему и ручался за готовность ихъ, Долинской и Чернолузской, дать молодому человѣку по 100 т. каждая, лишь бы онъ оставилъ ихъ въ покоѣ. Напишите, продолжаетъ Бороздна, какою именно суммою хотите обезпечить его, Заботина, тогда онъ изберетъ родъ жизни и состояніе, и онѣ, Чернолузская и Долинская, останутся спокойными. Далѣе Бороздна пишетъ, что тѣнь матери ихъ, Чернолузской и Долинской, вопіетъ въ пользу несчастнаго, котораго всѣ средства къ существованію ограничиваются 10 руб. жалованья въ мѣсяцъ, хвалитъ молодаго человѣка, описываетъ его умъ, способности, присовокупляя, что братъ ихъ Михаилъ за два дня до смерти сказалъ ему о Заботинѣ «я умираю съ увѣренностію, что сестры мои не покинутъ его».

Въ третьемъ письмѣ Иванъ и Николай Бороздны изъясняютъ, что всѣ собранныя ими свѣдѣнія убѣждаютъ ихъ, что Александръ Заботинъ есть родной братъ ихъ, Долинской и Чернолузской, а потому убѣждаютъ страданіями ихъ матери, просить государя императора о дарованіи Александру имени, котораго онъ лишенъ несправедливо.

Въ представленномъ Чернолузскою письмѣ, полученномъ ею съ сестрою Долинскою изъ Шацка отъ 13-го апрѣля 1842 г. за подписью «Александръ Ширай,» между прочимъ, сказано: «я слышалъ, что вамъ Бороздна писалъ, что онъ знаетъ обо мнѣ. Не вѣрьте ему, онъ вѣроятно давно потерялъ меня изъ виду, можетъ вамъ представить какого нибудь самозванца и назвать вашимъ братомъ, то будьте осторожны, не дайте воспользоваться тому, кто не наслѣдникъ. У меня

не погасла любовь къ роднымъ, чувствую, что вы мнѣ сестры, то пусть лучше вы владѣете нашимъ общимъ имѣніемъ, нежели отдать тому, о комъ пишетъ Бороздна. Напишите Бороздне, чтобы онъ не безпокоился обо мнѣ и не думалъ бы васъ обманывать, а если онъ вздумаетъ представить вмѣсто меня самозванца, то я тихимъ образомъ самъ предъ вами явлюсь и докажу.

По требованію слѣдователей, тамбовскій гражданскій губернаторъ увѣдомилъ, что по тщательному секретному розысканію въ г. Шацкѣ Александра Ширая не оказалось; а по полицейскимъ книгамъ 16-го апрѣля 1842 г. не значится; Александръ Ширай, обѣщавшій Долинской и Черполузской въ письмѣ явиться для опроверженія правъ самозванца Ширая, какъ видно изъ дѣла, ни къ нимъ, ни къ слѣдователямъ не являлся.

Въ отзывѣ своемъ отъ 1 марта 1843 г. Бороздна объяснилъ слѣдователямъ, что дочери Ширая могутъ представить письма его, смыслъ которыхъ покажется противорѣчащимъ объявленію, поданному имъ вмѣстѣ съ братомъ; но упомянутыя письма относятся къ тому времени, когда онъ, не вникнувъ въ существующія узаконенія, ошибочно думалъ, что права Заботина неопровержимо и законно уничтожены Степаномъ Шираемъ, и когда онъ не имѣлъ въ виду ни свѣдѣній, ни фактовъ, опровергающихъ его первоначальное убѣжденіе; послѣ чего ему, Бороздне, ничего болѣе не оставалось, какъ въ перепискѣ его съ племянницами (Долинскою и Черполузскою) сильно выражаться въ пользу Александра Заботина, чтобы, склонивъ обѣихъ къ большему довѣрію, успѣшнѣе исходатайствовать отверженному несчастливцу, хотя 200-т руб. капитала.

В. Розысканія объимѣніяхъ, принадлежавшихъ Шираямъ и совершенныхъ ими на оныя актахъ.

По требованію слѣдователей, стародубскій уѣздный судъ и дочери Ширая представили разные акты отца ихъ и матери на принадлежавшія имъ имѣнія.

Акты сіи суть слѣдующіе:

1, *Запись 15 іюня 1802 г.*, которою Ульяна Ширай, все принадлежащее ей движимое и недвижимое имѣніе записала послѣ своей смерти своему мужу Степану Шираю. Предоставляя себѣ право отмѣнить сію запись, Ульяна присовокупила, что въ томъ случаѣ, если мужъ умретъ прежде нея, а у нея не останется отъ брака дѣтей, то все оставшееся послѣ нея имѣніе обращается въ вѣчную собственность родителя ея Петра Бороздны, а по немъ роду его. Запись эта совершена въ стародубскомъ уѣздномъ судѣ.

2, *17 Августа 1809 г.* Ульяна Ширай составила вѣчистую запись слѣдующаго содержанія: все принадлежащее ей и могущее принадлежать недвижимое имѣніе записала и утвердила вѣчно и потомственно дѣтямъ ея, рожденнымъ ею отъ брака съ Степаномъ Шираемъ, сыновьямъ Михаилу и Петру, и дочерямъ Марьѣ и Анастасіи, съ тѣмъ, что по причинѣ ихъ малолѣтства и слабости ея здоровья, съ сего времени всѣми поименованными въ актѣ имѣніями имѣетъ право владѣть и распоряжать мужъ ея, безъ всякаго съ ея стороны и со стороны наслѣдниковъ препятствія и противорѣчія по смерть свою, предоставляя мужу своему право и власть дѣтей ея, сказанныхъ выше, съ нимъ прижитыхъ, распредѣлить послѣднихъ, записаннымъ имъ отъ нея имѣніемъ, по его разсмотрѣнію и знанію положенія и выгодъ тѣхъ имѣній, и что имъ, мужемъ ея, кому изъ дѣтей опредѣлено что будетъ, то никто съ нимъ спорить права не имѣетъ. Въ случаѣ надобности, къ дѣтямъ и имѣніямъ ихъ назначить мужу опекуновъ. Сей актъ Ульяна Ширай заключаетъ тѣмъ, чтобы мужъ имѣлъ попеченіе какъ о здоровьѣ ея, такъ и о приличномъ уваженіи и продовольствіи нужными запасами и одѣяніемъ, предоставляя ей свободу, *съ общаго ихъ согласія, жить въ томъ имѣніи*, гдѣ ей заблагоразсудится; *въ случаѣ смерти* мужа жить ей въ его домахъ, гдѣ пожелаетъ, до ея кончины, получая все нужное отъ опекуновъ или душеприкащиковъ; сверхъ того на непредвидѣнныя ея надобности по 3-т.

руб., не требуя уже отъ мужа вдовьяго участка. Акта сего она впредь безъ воли, совѣта и согласія мужа ея перемѣнить или нарушить ни въ чемъ, ни подъ какимъ предлогомъ, не должна и права себѣ на то не оставляетъ, какъ при жизни того мужа, такъ и по смерти его; равно и мужъ ея въ помянутомъ, записанномъ дѣтямъ имѣніи, не можетъ присваивать себѣ права и власти болѣе той, какая этимъ актомъ отъ нея предоставлена. Запись, сознанную въ стародубскомъ уѣздномъ судѣ на сіи самыя имѣнія, отнынѣ впредь она, Ульяна Ширай, оставляетъ навсегда недѣйствительною. Актъ 1809 г. явленъ Ульяною Ширай лично (когда не видно) въ новозыбковскомъ, а потомъ повѣреннымъ мужа въ суражскомъ уѣздныхъ судахъ.

3., *Первый распредѣлительный актъ Степана Ширая 1-го ноября 1838 г.* Въ актѣ этомъ Ширай пишетъ, что во владѣніи его находятся движимыя и недвижимыя имѣнія, родовыя, благопріобрѣтенныя и поступившія въ пожизненное владѣніе и распоряженіе его отъ жены Ульяны, и какъ ко всему этому имѣнію наслѣдниковъ мужескаго пола по немъ не остается, кромѣ двухъ дочерей, Марьи по замужеству Долинской и дѣвицы Анастасіи Ширай, ибо за смертію сына его Михаила Ширая мужеское колѣно въ родѣ его вовсе пресѣклось, и онъ кромѣ сихъ двухъ дочерей, болѣе уже дѣтей не имѣетъ, то сею вѣчистою распорядительною записью утверждаетъ и опредѣляетъ въ вѣчное и потомственное владѣніе помянутымъ, единственнымъ по немъ наслѣдницамъ Марьѣ и Анастасіи изъ числа движимыхъ и недвижимыхъ имѣній родовое по наслѣдству ему доставшееся (1581 душа). Во владѣніе родовыми его, Ширая, имѣніями дочери его могутъ вступить не прежде какъ только по смерти его, и тогда уже имѣютъ право располагать имъ какъ своею собственностію, безъ всякаго отъ кого либо спора, препятствія и помѣшательства. Относительно другихъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній, благопріобрѣтенныхъ и доставшихся по записи 1809 г. отъ жены Ульяны, Ширай предоставляетъ себѣ сдѣлать особыя распоряженія. Актъ этотъ записанъ въ стародубскомъ уѣздномъ судѣ

и засвидѣтельствованъ въ черниговской палатѣ, а 1-го августа 1841 г. въ день смерти Ширая, явленъ въ стародубскомъ уѣздномъ судѣ для ввода во владѣніе.

4., *Второй распредѣлительный актъ Ширая 5-го ноября 1838 г.* Въ актѣ семъ сказано, что онъ, Степанъ Ширай, владѣя родовымъ наслѣдственнымъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ жены его Ульяны, слѣдуя точнымъ словамъ записи 1809 г., желаетъ при жизни устроить благосостояніе дѣтей, изъ коихъ Петръ въ младенчествѣ, а Михайлъ на службѣ, померли, а съ смертію ихъ мужеское колѣно въ родѣ его, Ширая, прекратилось, и остались въ живыхъ только двѣ дочери, Марья и Анастасія, единственныя по немъ и по женѣ его къ всему имѣнію ихъ наслѣдницы, и потому сею вѣчистою записью, по праву, женою ему предоставленному, утверждаетъ и опредѣляетъ помянутымъ дочерямъ въ вѣчное и потомственное ихъ владѣніе, на равныя между ними части, родовое наслѣдственное жены имѣніе, всего по послѣдней ревизіи 1825 душъ. Всѣмъ этимъ имѣніемъ, помянутыя дочери Марья и Анастасія, какъ другихъ дѣтей болѣе нѣтъ, могутъ вступить во владѣніе послѣ его смерти, а до того оставляетъ себѣ власть и предоставленное женою право владѣть и распоряжать симъ имѣніемъ по своему произволу. Далѣе слѣдуетъ распоряженіе относительно содержанія послѣ его Ширая, жены Ульяны, которой назначаетъ ежегодно вмѣсто 3-т. руб. асс. по 6-т. р. Актъ этотъ сознанъ въ стародубскомъ уѣздномъ судѣ и засвидѣтельствованъ въ черниговской гражданской палатѣ, а дочерьми, Долинскою и Чернолузскою, въ стародубскомъ уѣздномъ судѣ явленъ, для ввода во владѣніе 1 августа 1841 г., въ день смерти ихъ отца.

5., *Третій актъ крѣпостное духовное завѣщаніе Ширая 9 ноября 1838.* Въ завѣщаніи этомъ Ширай, повторяя опять, что за смертію сыновей, онъ кромѣ двухъ дочерей Марьи и Анастасіи, дѣтей не имѣетъ, завѣщеваетъ имъ все благопріобрѣтенное имѣніе 1114 душъ въ черниговской и имѣніе въ херсонской губерніи, равно и весь денежный капиталъ во всѣхъ трехъ родахъ имѣній имъ владѣемыхъ и могущій ока-

заться въ наличности и деньгахъ. Завѣщаніе это явлено къ сознанію и вписано въ актовую книгу стародубскаго уѣзднаго суда, а 5-го августа 1841 г. Долинскою и Черполузскою явлено въ черниговской гражданской палатѣ.

По всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, въ іюнѣ 1843 г. Высочайше повелѣно: впредь до окончанія дѣла о правахъ Заботина, наложить запрещеніе на имѣніе Ширая, доставшееся послѣ смерти его двумъ дочерямъ, не лишая однако сихъ послѣднихъ правъ распоряжать тѣмъ имѣніемъ по своему усмотрѣнію, кромѣ заклада и отчужденія въ другія руки. Запрещеніе по распоряженію черниговскаго губернскаго правленія наложено на оставшееся послѣ Ширая и жены его имѣніе.

По окончаніи въ апрѣлѣ слѣдователями розысканія о происхожденіи Заботина, черниговскій, полтавскій и харьковскій генералъ-губернаторъ, представилъ слѣдствіе къ г. министру внутреннихъ дѣлъ.

Вмѣстѣ съ слѣдствіемъ къ главноуправляющему III отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу и къ министру внутреннихъ дѣлъ поступили прошенія Долинской и Черполузской, въ которыхъ онѣ, доказывая, что настоящее дѣло возникло по зависти и злобѣ ихъ враговъ, которые воспользовались завѣтною тайною ихъ фамиліи, и что ужасная болѣзнь матери ихъ, съ несчастными своими послѣдствіями разрушила союзъ родителей до гроба, представили письма дѣда ихъ и отца, объясняя, что первое письмо отца ихъ матери, коллежскаго совѣтника Петра Бороздны къ отцу ихъ Шираю, а другое отца ихъ къ Николаю Ивановичу Немировичу—Донченкѣ. Ссылаясь затѣмъ на Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта по дѣлу княгини Касаткиной—Ростовской, Долинская и Черполузская жаловались на отступленіе слѣдственною коммисіею отъ узаконенныхъ формъ, и въ заключеніе просили дѣло по извѣтамъ Заботина вовсе уничтожить.

Содержаніе представленныхъ Долинскою и Чернолузскою бумагъ слѣдующее: письмо Петра Бороздны изъ села Медвѣдева отъ 16-го августа къ дочери Ульянѣ Ширай (года не означено) (*) «простить тебя я могу только тогда, когда ты обратишься на путь истинный, угодный Богу, мужу твоему и мнѣ, безъ сего исполненія и подвига ничто тебя не можетъ оправдать; преступленіе твое столь богопротивно, мерзкое и меня убивающее, столь велико, что одно раскаяніе, благородное поведеніе и честные поступки могутъ оное загладить. Прошу тебя, заклинаю и приказываю правомъ отца и данною властью отъ Бога, перемѣни свое поведеніе, оставь дурачество и подумай хорошенько и здраво, что ты надѣлала: нарушила присягу свою, предъ Богомъ данную и мужемъ, огорчила его и меня убила, навела безчестіе моей и своей фамиліи и сдѣлала вѣчное безславіе твоимъ дѣтямъ? Гдѣ же наставленія, кои преподавалъ тебѣ я и вторая твоя мать (**) и благодѣтельница съ самаго твоего юношества. Гдѣ то воспитаніе, которое старался я дать тебѣ, сколько моихъ силъ и способовъ доставало? Всѣ таковыя благодѣянія забыла ты, и отдалась во власть демону, дабы симъ зломъ убійственно огорчить меня и вмѣстѣ лишить здоровья. Совѣтуя ей, Ульянѣ Ширай, обратиться къ Богу и съ его помощью сдѣлаться доброю женою и дочерью, на этомъ условіи Бороздна обѣщаетъ дочери исходатайствовать предъ мужемъ прощеніе. Для обезпеченія же участи дѣтей, которыхъ Бороздна своими считаетъ, онъ приказываетъ дочери записать имъ вѣчно имѣніе подъ управленіемъ мужа, для сего посылаетъ ей бумагу, которую она безъ сопротивленія должна сознать. Далѣе Бороздна объясняетъ дочери, что бумагу эту видѣлъ братъ Михаилъ Михайловичъ и сестра Анастасія Ивановна, обѣщаетъ пріѣхать къ дочери по выздоровленіи и кончаетъ письмо слѣдующими словами: «смотри, я всякій твой шагъ знать буду. Старайся заслужить милость у мужа твоего и у меня».

(*) По словамъ Долинской и Чернолузской письмо это писано въ 1809 г.
(**) Ульяна Ширай рождена была отъ первой жены Петра Бороздны.

Второе письмо черновое (*), въ началѣ поставлены буквы М. Г. Н. И., безъ означенія числа и года и безъ подписи, а потому не видно, когда и къ кому писано и было ли послано. Письмо это начинается разсужденіемъ о суетѣ мірской и потомъ, писавшій оное продолжаетъ: «видѣть васъ я имѣю великое желаніе, но пріѣздъ мой можетъ ли имѣть желаемый успѣхъ, о семъ да позволено мнѣ будетъ объясниться. Семейныя дѣла покрыты непроницаемою тайною, злостные почерпаютъ ихъ изъ источниковъ площадныхъ, а разсказы глупцовъ уподобить можно крику индѣекъ. То симъ способомъ заставить ихъ можно умолчать или признаться въ послѣднемъ; но я намѣренъ поговорить съ вами о первомъ. Вамъ много извѣстно, что со мною происходило; вы обо мнѣ соболѣзновали, помогали и ни въ чемъ не погрѣшили противъ правилъ честности и я во всемъ слѣдовалъ вашимъ совѣтамъ. Боровшись же долго не съ обстоятельствами, а съ безуміемъ, не оставалось мнѣ болѣе, какъ, поруча себя покрову всесильнаго, удалиться и не быть зрителемъ таковыхъ бѣдствій. И такъ, когда вы не перестаете и нынѣ быть при тѣхъ усердныхъ расположеніяхъ вашихъ семейству моему, то вы имѣете всѣ средства, паче же въ присутствіи и съ согласія родителя, начертать планъ для возстановленія спокойствія, удаленіемъ клеветы, а я, налагая на себя обязанность исполнить вѣрно все то, что только не касается къ нарушенію моего покоя и чести, а потому и не можетъ войти, до нѣкотораго времени, въ составъ вашего расположенія, видѣться и жить вмѣстѣ; видѣться воспрещаютъ мнѣ права гражданскія, жить въ одномъ домѣ испугъ, страданіе и многія предосторожности, ибо свѣжеперехваченная переписка состоитъ въ желаніи мнѣ смерти, въ похищеніи имущества и въ похоти скотской; клянусь всемогущимъ Богомъ, что я не имѣю никакой ненависти за все мнѣ

(*) Чернолузская и Долинская въ прошеніяхъ своихъ показываютъ, что письмо это отецъ ихъ писалъ къ капитану Николаю Ивановичу Донченку-Немировичу въ 1811 г. послѣ окончательнаго выѣзда ихъ отца изъ села Соловы.

сдѣланное, признавая все то за произведеніе злыхъ духовъ; болѣзнь, при томъ неутолимая къ мерзостямъ безъ разбора, тревога ежечасная въ домѣ, привлеченіе со всѣхъ сторонъ мошенниковъ, развратъ домашнихъ и безпрестанно подвергать себя опасности, все это заставило бы меня давно принять другія мѣры, если бы я не уважалъ правъ человѣчества и, не боясь гнѣва Господня, потому что тамъ нѣтъ преступленія, гдѣ творится невольнымъ побужденіемъ. Въ заключеніе сего письма сказано: «владѣемое мною имѣніе для зависти кажется быть только стромкимъ (огромнымъ), но мое собственное превосходитъ вдвое; не для прихотей и тщеславія, а для благосостоянія дѣтей моихъ, я долженъ сохранить и защищать его отъ всякаго неправаго притязанія.

Въ свидѣтельствѣ, данномъ предводителемъ дворянства суражскаго уѣзда и дворянами Степану Шираю о наслѣдственныхъ правахъ дѣтей его на имѣніе, оставшееся послѣ безпотомно умершаго полковника Будлянскаго сказано, что отъ Ульяны, урожденной Бороздны и Степана Ширая родились сынъ Михаилъ и дочери Марья и Анастасія (*). Свидѣтельство это подписано предводителемъ дворянства и 12 дворянами, въ томъ числѣ единокровнымъ братомъ Ульяны Ширай коллежскимъ ассесоромъ Василіемъ Бороздною и родными братьями мачихи ея Александромъ и Григоріемъ Кулябками-Корецкими и завѣрено стародубскимъ уѣзднымъ судомъ.

Въ такомъ видѣ настоящее дѣло поступило, по Высочайшему повелѣнію, къ судебному разсмотрѣнію.

Стародубскій уѣздный судъ заключилъ письмо отца Ульяны Ширай и Степана Ширай предъявить Ивану и Николаю Бороздамъ на тотъ конецъ, признаютъ ли они ихъ подлинность.

Въ слѣдствіе сего Бороздны, разсмотрѣвъ сіи письма, въ отзывѣ отъ 4 августа 1843 г. изъяснили: 1, что они не при-

---

(*) О Петрѣ, родившемся и умершемъ въ 1809 г., въ свидѣтельствѣ не упомянуто.

знаютъ подлиннымъ письмо отца ни по почерку, ни по грубымъ выраженіямъ ему не свойственнымъ, ни по любви и уваженію, которое онъ постоянно питалъ къ дочери, ни по содержанію, ибо въ письмѣ сестра ихъ, извѣстная всѣмъ своею кротостью и добродѣтелью, обвиняется въ какомъ то преступленіи, и ей приказывается записать имѣніе дѣтямъ, тогда какъ извѣстно всему семейству, что отецъ никогда не соглашался на таковую запись. 2., Подлинность черноваго письма Ширая они, Бороздны, ни утверждаютъ, ни опровергаютъ, потому что не помнятъ почерка Ширая. Но какъ оно писано въ 1808 или первой половинѣ 1809 г. (мнѣніе это Бороздны основываютъ на томъ, что письмо это будто бы писано до совершенія сестрою ихъ записи, о которой въ письмѣ рѣчь идетъ), то оно не могло быть адресовано къ Немировичу-Донченкѣ, который въ 1810 г. женился на ихъ сестрѣ Аннѣ, а до того времени не былъ такъ близокъ къ отцу ихъ, чтобы на него дѣйствовать.

Для сличенія почерка ихъ отца Бороздны представили три письма и одинъ документъ, гербъ рода Кобольчичей, Петромъ Бороздной подписанный.

Семь секретарей Стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ, по сличеніи почерка письма Петра Бороздны, представленнаго Долинскою и Черполузскою съ письмами и документомъ, представленными сыновьями Петра Бороздны Иваномъ и Николаемъ, въ отзывахъ своихъ отъ 1-го сентября 1843 г. признали единогласно почеркъ письма, предъявленнаго дочерьми Ширая, не имѣющимъ сходства съ письмами и документомъ Петра Бороздны, представленными его сыновьями.

Стародубскій уѣздный судъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, рѣшеніемъ 9-го сентября 1843 г. заключилъ: рожденнаго въ законномъ бракѣ отъ Ширая и жены его Ульяны сына Александра признать законнымъ сыномъ, но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ сопряжено возвращеніе принадлежащихъ правъ дворянскихъ, на что слѣдуетъ испросить Высочайшее соизволеніе, то дѣло представить на ревизію въ черниговскую гражданскую палату.

Повѣренный Долинской и Чернолузской, жалуясь черниговской гражданской палатѣ на непстребованіе уѣзднымъ судомъ исповѣдныхъ росписей о Заботинѣ и недопущеніе ихъ къ отвѣтамъ и рукоприкладству, представили одно письмо Петра Бороздны, для удостовѣренія подлинности ими прежде предъявленнаго и два письма Степана Ширая для сличенія съ его почеркомъ.

Въ письмѣ отъ 17 іюня (года неозначено) Петръ Бороздна пишетъ: «весьма важныя обстоятельства, открывшіяся мнѣ мгновенно до васъ, любезнѣйшій Степанъ Михайловичъ, относящіяся и кои наводятъ на меня горесть съ нарушеніемъ спокойствія отцу свойственнаго, вынуждаютъ меня просить васъ усерднѣйше пріѣхать ко мнѣ въ Медвѣдово, гдѣ я вамъ открою такую эпоху, которая требуетъ рѣшительныхъ мѣръ. Тайну сію я долженъ сокрыть, не смѣя начертать оную на бумагѣ. Вы узнаете оную отъ меня лично и тогда можетъ быть удостовѣритесь въ моихъ благородныхъ чувствахъ и привязанности къ вамъ и дѣтямъ вашимъ? Сдѣлайте же только такимъ образомъ, чтобы о посѣщеніи меня вашемъ никто не видалъ. Скажу вамъ также, что я готовъ былъ самъ ѣхать къ вамъ въ Стародубъ, но существо дѣла сего запрещаетъ мнѣ то исполнить, сверхъ моего желанія. Завтра я васъ непремѣнно къ себѣ ожидаю

Черниговская гражданская палата 6-го октября 1843 года утвердила рѣшеніе стародубскаго уѣзднаго суда, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавая, что для предоставленія Александру дворянскихъ правъ и фамиліи Ширая, слѣдуетъ испросить Высочайшее соизволеніе, представила дѣло на ревизію въ правительствующій сенатъ.

На недопущеніе къ рукоприкладству и на необъявленіе имъ рѣшенія палаты Чернолузская и Долинская жаловались правительствующему сенату.

Въ данномъ 23 апрѣля 1844 года вслѣдствіе происшедша-

(*) Долинская и Чернолузская утверждаютъ, что оно писано въ 1809 г.

го въ правительствующемъ Сенатѣ разногласія предложенія, министръ юстиціи, признавая, что дѣло имѣющее возвращеніе дворянскаго званія и правъ наслѣдства по доказательствамъ о законности рожденія подлежитъ суду не уголовному, а гражданскому, находилъ, что доказательства, опредѣленныя для сего рода дѣлъ въ 1-й кн зак. граж., заключаются не въ однихъ метрикахъ, о дѣйствительности которыхъ по настоящему дѣлу стороны ведутъ споръ, но и въ другихъ относящихся до лица, о которомъ идетъ дѣло, документахъ, и даже въ производствѣ слѣдствій о доказываемыхъ событіяхъ. Посему опредѣленіе о законности рожденія не зависитъ единственно отъ розысканія о подлогѣ въ метрическихъ книгахъ; и при самомъ обнаруженіи сего подлога не открывается истина происхожденія, если не доказано въ точности, что подлогъ сей произведенъ отцомъ для сокрытія законности рожденія сына въ гнѣвѣ на свою жену, а не по другой побудительной причинѣ, оправдываемой нравственнымъ убѣжденіемъ. Въ нынѣшнемъ видѣ настоящее дѣло не можетъ подлежать суду уголовному и потому, что по силѣ 309,310,882 и 888 ст. св. зак. уголови. (изд. 1842 г.), уголовный судъ имѣетъ предметомъ обвиняемыхъ въ преступленіи и по 157 ст. не простирается на преступленія, покрываемыя десятилѣтнею давностію и Всемилостивѣйшими манифестами; въ настоящемъ же дѣлѣ предполагаемый виновникъ-генералъ маіоръ Ширай уже не существуетъ и самое преступленіе подлога метрическихъ книгъ показывается совершившимся болѣе 20 лѣтъ, а показываемое титулярнымъ совѣтникомъ Заверухою на себя сообщество съ Шираемъ въ выносѣ въ 1839 году изъ церкви подлинной метрической книги, есть обстоятельство, оспариваемое дочерьми Ширая и требующее удостовѣренія въ истинѣ показаній той или другой стороны посредствомъ суда гражданскаго, тѣмъ болѣе, что 2 прим. 162 ст. св. зак. угол. т. xv (изд. 1842 г.) о прекращеніи по Всемилостивѣйшимъ манифестамъ дѣлъ, заключающихъ частные иски, къ роду настоящаго дѣла, по силѣ вышеизъясненныхъ законовъ, не относится. По всѣмъ симъ соображеніямъ и законамъ и по самому буквальному смыслу Высо-

чайшихъ повелѣній, по настоящему дѣлу послѣдовавшихъ, министръ юстиціи полагалъ, что оно въ нынѣшнемъ его положеніи не можетъ подлежать иному суду кромѣ гражданскаго, которому предоставлено уже опредѣленіемъ 3 департамента правительствующаго сената, вошедшимъ въ законную силу и требуетъ непремѣнно возстановленія всѣхъ тѣхъ правилъ и формъ гражданскаго суда, на основаніи коихъ дочери генералъ-маіора Ширая Долинская и Чернолузская, на имѣніе коихъ наложено до рѣшенія сего дѣла запрещеніе, не могутъ быть лишены средствъ къ огражденію правъ тяжущихся, законами предоставленныхъ. На сей конецъ, по точной силѣ 2544 и 2546 ст. х т. св. зак. гражд. (изд. 1842 г.), надлежитъ обратить дѣло въ черниговскую гражданскую палату съ тѣмъ, чтобы въ производствѣ и рѣшеніи онаго, не стѣсняясь прежними рѣшеніями, соблюдены были всѣ правила и формы для гражданскаго судопроизводства вообще опредѣленныя, поколику они, какъ выше изъяснено установленными для дѣлъ о законности рожденія особыми правилами не измѣняются и съ оными совмѣстны, чтобы предметы, сужденію подлежащіе, разсмотрѣны были во всей полнотѣ, чтобы производство и рѣшеніе дѣла сего, вмѣсто стародубскаго уѣзднаго суда, члены коего, бывъ допрошены при слѣдствіи въ качествѣ свидѣтелей, не могутъ, за силою 1 п. 2306 ст. х т. св. зак. гражд. (изд. 1842 г.), участвовать въ сужденіи, поручено было, сообразно указу 10 сентября 1840 г., другому ближайшему уѣздному суду, и чтобы дѣло сіе, согласно Высочайшей волѣ, разсмотрѣно было во всѣхъ инстанціяхъ безъ очереди, и о ходѣ онаго было доносимо правительствующему сенату чрезъ каждыя двѣ недѣли.

Государственный совѣтъ, до разсмотрѣнія котораго доходило настоящее дѣло, вслѣдствіе несостоявшаго въ общемъ собраніи правительствующаго сената узаконеннаго большинства сенаторовъ, согласныхъ съ предложеніемъ, полагалъ утвердить мнѣніе министра юстиціи. Таковое мнѣніе удостоилось Высочайшаго утвержденія 16 октября 1844 года.

Въ исполненіе Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта черниговская гражданская палата разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣла поручила суражскому уѣздному суду, который вызвалъ Долинскую, Черполузскую и Заботина къ рукоприкладству.

На это заключеніе суда Долинская и Черполузская жаловались черниговской гражданской палатѣ, доказывая, что Заботинъ долженъ подать исковое прошеніе, потомъ потребовать отъ нихъ объясненіе и по объясненіи дѣла нужными справками, вызвать стороны къ рукоприкладству.

Черниговская гражданская палата въ указѣ отъ 13 января 1845 г. признала, что Заботинъ долженъ начать искъ о сопричисленіи его къ семейству Ширая и о правахъ наслѣдства по немъ; о распоряженіи семъ палата донесла правительствующему сенату.

Въ слѣдствіе сего Заботинъ 7 февраля 1845 г. подалъ въ суражскій уѣздный судъ исковое прошеніе.

Но правительствующій сенатъ (2 отдѣленіе 3 департамента), находя, что Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта вовсе не вмѣнено Заботину въ обязанность внесть искъ о причисленіи его къ семейству Ширая и о правахъ на наслѣдство послѣ него, указомъ 2 марта 1845 г., отмѣнилъ распоряженіе уѣзднаго суда.

Суражскій уѣздный судъ рѣшеніемъ 21 іюня 1845 г. заключилъ: рожденнаго въ законномъ бракѣ Степана Ширая и жены его Ульяны сына Александра, неправильно и противузаконно по гнѣву къ своей женѣ отчужденнаго отъ своего рода отцомъ его, признать законнымъ ихъ сыномъ съ возвращеніемъ ему фамиліи, дворянства и части наслѣдственнаго достоянія родителей его, слѣдующей ему по законамъ; опредѣленіе наслѣдственной части, по нахожденію имѣнія Ширая и жены его въ разныхъ уѣздахъ, уѣздный судъ предоставилъ черниговской гражданской палатѣ.

На это рѣшеніе Заботинъ подписалъ удовольствіе, а повѣренные Долинской и Черполузской неудовольствіе и въ по-

данныхъ въ черниговскую гражданскую палату аппеляціонныхъ жалобахъ, опровергая рѣшеніе уѣзднаго суда, просили: 1, дополнить дѣло справками и дослѣдованіемъ; 2, истребовать изъ черниговской консисторіи метрическія книги села Соловы за 1818 г., а также слѣдствіе, произведенное духовнымъ вѣдомствомъ объ уничтоженіи въ метрикахъ записи рожденія отъ Ширая и его жены сына Александра; 3, истребовать изъ черниговскаго дворянскаго собранія свѣдѣніе въ удостовѣреніе ихъ показанія, что отецъ ихъ Ширай съ 12 января по апрѣль находился, по должности губернскаго предводителя дворянства, въ Черниговѣ.

Черниговское дворянское собраніе, по требованію палаты увѣдомило, что изъ дѣлъ собранія не видно, чтобы бывшій губернскій предводитель дворянства Ширай въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ пріѣзжалъ по должности въ Черниговъ, въ чемъ удостовѣряетъ росписная книга 1818 г. исходящихъ бумагъ.

Независимо отъ сего, по требованію палаты, черниговская консисторія препроводила въ оную: 1, произведенное по указу святѣйшаго сунода слѣдствіе (*) объ уничтоженіи по метрическимъ книгамъ села Соловы, хранившимся въ консисторіи и правленіи, рожденія отъ Ширая и жены его сына Александра и 2, метрическія книги церкви Соловы, консисторскую и правленскую (**).

Черниговская гражданская палата 27 сентября 1846 г. признала рѣшеніе суражскаго уѣзднаго суда о законности рожденія Александра Заботина отъ генерала Степана Ширая и жены его Ульяны правильнымъ, въ отношеніи же правъ наслѣдственныхъ Заботина опредѣлила признать сего послѣдняго наслѣдникомъ имѣнія родителей и брата его Михаила, на основаніи 828, 952—957 ст. х т. съ назначеніемъ ему изъ родоваго отцовскаго и материнскаго указныхъ частей; о благо-

---

(*) Слѣдствіе это изложено выше.

(**) Въ метрическихъ книгахъ, представленныхъ въ палату вытравлены мѣста, гдѣ была скрѣпа.

пріобрѣтенномъ имѣніи Степана Ширая, предоставила Александру начать искъ формальнымъ порядкомъ.

Рѣшеніемъ палаты Заботинъ остался доволенъ, а повѣренный Долинской и Чернолузской принесъ аппеляціонную жалобу правительствующему сенату.

Въ аппеляціонной жалобѣ повѣреннаго Долинской и Чернолузской, статскаго совѣтника Нератова, изложены, вкратцѣ слѣдующіе доводы въ опроверженіе законности рожденія Заботина отъ Степана Ширая и жены его Ульяны и правъ его на имущество сихъ послѣднихъ: 1, Предметъ настоящаго дѣла есть притязаніе Заботина къ Степану Шираю и женѣ его Ульянѣ, за то, что они не только не приняли мѣръ, чтобы признаніе рожденія его отъ нихъ законнымъ было оглашено при жизни ихъ обоихъ надлежащими актами, или же другими событіями; но вовсе не признавали его своимъ сыномъ со дня рожденія его по день ихъ смерти. Долинская и Чернолузская, сопротивляясь вторженію въ ихъ фамилію Заботина, руководствуются однимъ только чистымъ побужденіемъ защитить священную для нихъ память отца ихъ отъ взведенныхъ на него, послѣ его кончины, ложныхъ извѣтовъ, ибо на имущество родителей, дошедшее къ нимъ по дарственнымъ записямъ и завѣщанію, Заботинъ по закону никакихъ правъ имѣть не можетъ; впрочемъ Заботинъ не самъ собою отважился предъявить этотъ странный искъ, но единокровные братья матери ихъ Ульяны Ширай, Бороздны, и въ особенности одинъ изъ нихъ Иванъ Бороздна, обольстили и возбудили Заботина къ самозванству, дабы въ лицѣ мнимаго племянника воспользоваться отнятіемъ у законныхъ дочерей Ширая и жены его бо́льшей части имѣнія, состоящаго изъ 4510 рев. душъ, или по крайней мѣрѣ исторгнуть у нихъ значительную денежную сумму за прекращеніе тяжбы. О Заботинѣ носились разные слухи: одни называли его сыномъ жены Ширая Ульяны, происшедшимъ отъ прелюбодѣянія; другіе сыномъ Ширая, не признаннымъ отъ самой колыбели и удаленнымъ въ послѣдствіи съ мѣста родины, по ненависти къ его матери; а третьи побочнымъ сыномъ сына Ширая, Михаила. Но Бороздны совершенно зна-

ли точно такъ, какъ знало семейство Ширая, что Александръ Заботинъ есть просто воспитанникъ Михаила Ширая (*). 2., Профессоръ Кубаревъ или помѣщица Стаховичева, какъ должно предполагать, а можетъ быть и другое лицо, провѣдавъ объ умыслѣ Ивана Бороздны выманить у своихъ племянницъ 200-т. руб. подъ предлогомъ обезпеченія участи Заботина, но не рѣшившись прямо отъ себя извѣстить о семъ Долинскую и Чернолузскую, послали къ нимъ предостерегательное извѣстіе изъ Шацка въ видѣ письма съ подписью «Александръ Ширай» отъ 13-го апрѣля 1842 г. Получивъ таковое предостереженіе, Долинская и Чернолузская не дались въ обманъ дядѣ своему Ивану Бороздне. 3., Слѣдователи, прибывъ въ Стародубъ, произвели вмѣсто Высочайше повелѣннаго имъ формальнаго изслѣдованія, большой повальный обыскъ объ умершемъ Шираѣ и женѣ его и о воспитанникѣ Заботинѣ, не истребовали отъ сего послѣдняго, по содержанію 931 ст. xv т. св. зак. угол. и 3117 ст. т. x, св. зак. гражд., яко отъ доносителя и истца, никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе какъ извѣта о совершеніи, будто бы Шираемъ подлоговъ для сокрытія происхожденія его, Заботина, такъ и иска его по наслѣдственному праву на имущество, оставшееся послѣ Ширая и жены его, не пригласили отвѣтчицъ дочерей Ширая къ предъявленію отводовъ противъ свидѣтелей, въ противность 1097-1099 ст. xv т. и 2377 — 2380 т. x, и допустили, въ противность 1078 ст. т. xv и 1-го пун. 2367 ст. т. x, къ свидѣтельству подъ присягою не только прикосновенныхъ къ дѣлу Заверуху и тетку его Масловскую, но и главнаго преступника священническаго сына Ивана Лапчинскаго, сознав-

(*) Въ замѣчаніяхъ повѣреннаго Долинской и Чернолузской, читанныхъ во 2 отдѣленіи 3 департамента правительствующаго сената, на краткое изложеніе сказано, что розысканіе о рожденіи Заботина совершенно безполезно, потому что вопросъ о рожденіи Ульяною Ширай въ 1818 г. сына Александра не подлежитъ ни сомнѣнію, ни спору. Показаніе это содержится въ представленныхъ Долинскимъ, за его подписью, замѣчаніяхъ г. министру юстиціи (дѣло министерства юстиціи за № 26 часть 2-ая.)

шагося въ перемѣнѣ двухъ листовъ въ метрической 1818 г. книгѣ. Крестьянъ Ширая увѣщевалъ и допросы за безграмотныхъ изъ нихъ подписывалъ священникъ села Соловы Николай Лапчинскій, тотъ самый, который сознался въ выдачѣ Заверухѣ метрической книги 1818 года. Въ противность 1089 ст. т. xv и 2367 ст. т. x, слѣдователи допрашивали подъ присягою козаковъ села Соловы, съ которыми Ширай до самой смерти его имѣлъ поземельные споры и тяжбы, а напротивъ отобрали отъ нихъ показанія не отъ каждаго порознь, ибо записано показаніе одного перваго Михайлы Сапонова, а прочихъ 14 человѣкъ выставлены только имена съ объявленіемъ, что они утвердили показаніе Сапонова. Отбирали свидѣтельскія показанія безъ присяги отъ такихъ лицъ, кои имѣли всѣ качества, потребныя для свидѣтеля. Въ образѣ изложенія вопросовъ слѣдователи оказали пристрастіе къ Заботину, а многочисленныя противорѣчія въ показаніяхъ свидѣтелей не разъяснили очными ставками. Слѣдователи оставили безъ розысканія обстоятельство о четвертомъ сынѣ Ширая Константинѣ, который упоминается въ запискѣ, переданной слѣдователямъ черниговскимъ, полтавскимъ и харьковскимъ генералъ-губернаторомъ; по словамъ записки этой, Константинъ умеръ будто бы въ малолѣтствѣ и Ширай его тоже будто бы не признавалъ, тогда какъ розысканіе это могло бы послужить къ объясненію того нравственнаго побужденія, по которому Ширай не признавалъ своимъ сыномъ и Александра. 4) Послѣ того какъ по показанію одного изъ свидѣтелей (Животкевича), бывшій архіепископъ Михаилъ по просьбѣ Ширая назидалъ жену его о вѣрности супружества, случилось въ 1809 г. происшествіе столь важное для чести Ширая и тестя его Петра Бороздны, что сей послѣдній письмомъ отъ 17 іюня изъ Медвѣдова приглашалъ Ширая къ себѣ для сообщенія ему того происшествія, которое возбудило гнѣвъ отца на дочь его Ульяну Ширай до такой степени, что она увидѣла себя въ необходимости просить у отца прощенія письменно, не смѣвъ лично предстать предъ него. Въ отвѣтъ на просьбу дочери отецъ послалъ ей письмо отъ 16 август 1809 г., что слѣд-

ствіемъ этого письма было то, что Ульяна Ширай на другой же день, т. е. 17 августа подписала, а 18-го представила лично въ уѣздный судъ запись о передачѣ имѣнія дѣтямъ ея. 5) Ширай не только не угнеталъ жены своей, но и не видался съ нею никогда. 6) Всѣ спрошенные безъ присяги. дворяне, крѣпостные люди и козаки, показавшіе, что у Ширая и жены его былъ сынъ Александръ, отнюдь не разумѣли подъ этимъ выраженіемъ того, чтобы этотъ Александръ дѣйствительно рожденъ былъ отъ Ширая, но разумѣли только, что онъ рожденъ женою Ширая въ то время, когда она находилась въ законномъ съ нимъ бракѣ. Слѣдователи, видя невозможность доказать дѣйствительность или физическую подлинность рожденія Александра отъ Ширая, продолжали розыскивать, не удастся ли доказать возможность этого рожденія, т. е. доказать, что Александръ, если и не рожденъ, то могъ быть рожденъ отъ Ширая. Понятно, что подобное розысканіе не могло привести ни къ какому основательному результату; ибо и безъ розысканія всякій зналъ и знаетъ, что возможность рожденія Ульяною Ширай въ 1818 г. сына Александра отъ своего мужа, жившаго съ нею въ разлученіи съ 1811 г., не болѣе вѣроятна, какъ и отъ всякаго другаго мужчины, имѣвшаго пребываніе въ Соловѣ, или пріѣзжавшаго туда. По словамъ приверженцевъ Ширая и его самого (писала Стаховичева въ запискѣ ея), Заботинъ рожденъ отъ учителя. Но учителя въ 1818 г. не было и не могло уже быть въ Соловѣ, слѣдовательно здѣсь ясное указаніе на такое лицо, которое жило въ господскомъ дворѣ, но не принадлежало къ числу дворовыхъ людей, т. е. на управителя. И дѣйствительно, въ маѣ 1818 г. смѣненъ былъ Шираемъ соловскій управляющій дворянинъ Рухлядка. 7., По исповѣднымъ росписямъ новгородъ-сѣверской Никольской церкви съ 1823 г. по 1826 г. Александръ показанъ питомцемъ священника Мануйловича. 8., Подлинность рожденія отъ отца никакимъ образомъ доказана быть не можетъ, а подлинность рожденія отъ матери, хотя бы и могла быть физически доказана, не поведетъ ни къ какому результату, потому что по нашимъ за-

копамъ, незаконныя дѣти не имѣютъ права на фамилію и на наслѣдованіе въ имуществѣ, и потому что Ширай и его жена не признавали гласно Заботина, рожденнаго въ 1818 г., своимъ сыномъ, въ чемъ удостовѣряютъ четыре акта съ 1809 по 1838 г., явленные въ судебныхъ мѣстахъ. Если признать за фактъ рожденіе женою Ширая сына Александра, то для чего не извѣстили Ширая объ этомъ радостномъ для отеческаго сердца извѣстіи? И могъ ли приходскій священникъ крестить и быть въ то же время воспріемникомъ сына Ширая, не испросивъ на то его согласія. 9., Гражданская палата приписываетъ Михайлѣ Шираю отзывъ: «что отецъ его притѣсняетъ мать по какой то къ ней нерасположенности», принявъ основаніемъ къ тому показаніе священника Мануйловича, которое по всей вѣроятности несправедливо. 10., Записка по метрическимъ книгамъ или исповѣднымъ росписямъ такого лица, которое было признаваемо и выдаваемо за законное дитя отъ самихъ родителей, служитъ оглашеніемъ или удостовѣреніемъ въ таковомъ признаніи; но напротивъ того, записка по метрической книгѣ или исповѣдной росписи законнорожденнымъ отъ извѣстныхъ супруговъ такого лица, которое ими самими никогда не было признаваемо и выдаваемо за законное дитя ихъ, служитъ доказательствомъ ошибки или злоупотребленія со стороны церковнаго причта, или позднѣйшей поддѣлки въ метрической книгѣ и исповѣдной росписи. Метрическія книги не были прошнурованы, а потому священникъ, записавшій ошибочно Александра сыномъ Ширая, по приказанію сего послѣдняго, могъ исправить свою ошибку весьма просто, переписавъ одинъ листъ. Тутъ не можетъ быть подлога. 11., Называемая палатою метрическая книга, взятая будто бы Заверухою отъ священнослужителей села Соловы въ 1839 г. и хранившаяся у него до 1843 г., есть ни что иное, какъ тетрадь, нарочно сфабрикованная для неблагонамѣренныхъ видовъ, а исторія о выносѣ Заверухою изъ соловской церкви списка съ метрической книги есть ни что иное, какъ вымыселъ, нарочно придуманный для того, чтобы лучше скрыть новую фабрикацію тетради, представленной Заверухою. Если же принять показаніе благочиннаго Евфи-

мія Лапчинскаго, что самый слухъ о перемѣнѣ листовъ въ консисторскомъ и правленскомъ экземплярахъ пронесся уже послѣ смерти Ширая, послѣдовавшей 1-го августа 1841 г., то со всею вѣроятностію заключить можно, что изъясненные подлоги совершены унтеръ-офицеромъ Лапчинскимъ не ранѣе, какъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1842 г. 12., Черниговская палата гражданскаго суда неправильно поступила, отказавъ дочерямъ Ширая въ произведеніи новаго сличенія почерка дѣда ихъ по матери Петра Бороздны, какъ на письмѣ его (отъ 16 августа безъ года), о которомъ у секретарей стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ послѣдовали различные отзывы, такъ и на другомъ (отъ 17 іюня безъ года), по которому еще вовсе не было сличенія почерка: ибо письма эти весьма важны, какъ свидѣтельство отца противъ дочери; свидѣтельство, которое по закону (т. х ст. 2367 п. 3 и ст. 2403 п. 3), имѣетъ такую важность, что дочерью отведено быть не можетъ, и одно само по себѣ служитъ достаточнымъ доказательствомъ къ обвиненію ея. Равнымъ образомъ палата неправильно считаетъ ничтожнымъ въ этомъ дѣлѣ письмо Ширая къ другу его Немировичу-Донченкѣ, оставшееся между бумагами Ширая въ спискѣ или отпускѣ, писанное собственною его рукою, считаетъ ничтожнымъ потому только, что на отпускѣ этомъ не отмѣчено, когда и кому оно писано. Письмо это писано Шираемъ не въ 1809 г., какъ предполагаетъ суражскій уѣздный судъ и черниговская гражданская палата, но именно послѣ происшествія, которое въ декабрѣ 1811 г. вынудило Ширая навсегда удалиться изъ своего соловскаго дома, оставивъ тамъ во флигелѣ жену свою, какъ это доказывается тѣмъ, что въ письмѣ относительно имѣнія жены Ширая, поступившемъ во владѣніе мужа по записи 18-го августа 1809 г., говорится, что имѣніе это было не такъ значительно, но, бывъ улучшено трудами и иждивеніемъ его, кажется для зависти громоздскимъ? Было ли послано это письмо или нѣтъ, все равно: существо его тѣмъ не измѣняется; оно служитъ свидѣтельствомъ самыхъ задушевныхъ мыслей и самыхъ сокровенныхъ чувствованій Ширая. Признавая затѣмъ,

что при рѣшеніи дѣла о незаконности Заботина, слѣдуетъ принять въ соображеніе Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта по дѣлу о дочери княгини Касаткиной-Ростовской, аппеляторъ просилъ обратить вниманіе на сіе мнѣніе совѣта. 13., Относительно оставшагося послѣ Ширая имѣнія аппеляторъ находилъ: а) что заключеніе палаты о признаніи ничтожною записи Ширая, совершенной въ палатѣ 1-го ноября 1838 г., не только несогласно съ приведенными самою палатою узаконеніями, но и вообще не имѣетъ правильнаго основанія; ибо означенная дарственная запись совершена Шираемъ на родовое его имѣніе, состоящее въ черниговской губерніи; а по силѣ 794 ст. т. х св. зак. гражд., Ширай имѣлъ полное право подарить родовое свое имѣніе не только двумъ своимъ дочерямъ: Марьѣ и Анастасьѣ, еслибъ у него, кромѣ ихъ, было еще нѣсколько дѣтей; но даже дальнимъ родственникамъ или чужеродцамъ по своему произволу; б) по тѣмъ же причинамъ неправильно заключеніе палаты и объ уничтоженіи записи Ширая, совершенной 5-го ноября 1838 г., о раздѣлѣ между дочерьми имѣнія матери ихъ: ибо эта раздѣльная запись была совершенно необходима по самому содержанію дарственной записи 19 августа 1809 г.; в) равномѣрно несогласно съ приведенными палатою законами и съ 794 ст. т. х заключеніе палаты объ уничтоженіи акта Ульяны Ширай, составленнаго въ 1809 г., ибо Ульяна Ширай, подаривъ, согласно ст. 794 т. х свое имѣніе однажды, не могла уже, за силою 1 и 5 арт. VII разд. лит. стат., отмѣнить или уничтожить свою первую дарственную запись, какъ это сказано въ записи 1809 г.; г) заключеніе палаты, коимъ она предоставила Александру Заботину, буде пожелаетъ, начать судебнымъ порядкомъ тяжбу о благопріобрѣтенномъ имѣніи Ширая, оставляемомъ палатою по духовному завѣщанію его во владѣніи дочерей его, Долинской и Чернолузской, противно 888 ст. т. х. св. зак. и д) палата полагаетъ отдать Заботину, признаваемому ею сыномъ Ширая, все имѣніе, оставшееся послѣ умершаго въ 1833 году брата Долинской и Чернолузской Михаила Ширая; но какъ въ рѣшеніи палаты не поименовано таковое имѣніе, и въ дѣлѣ нѣтъ

никакихъ о немъ актовъ и свѣдѣній, то и нѣтъ возможности представить какія либо опроверженія противу означеннаго заключенія палаты, кромѣ того, что палата неправильно называетъ Заботина наслѣдникомъ Михаила Ширая, которому Заботинъ никогда братомъ не былъ, а потому и наслѣдникомъ его быть не можетъ. Въ заключеніе повѣренный Долинской и Чернолузской просилъ: прежде приступа къ разсмотрѣнію сего дѣла, произвесть чрезъ секретарей сената сличеніе почерковъ Петра Бороздны и Степана Ширая на имѣющихся при дѣлѣ письмахъ ихъ, а за тѣмъ, принявъ во вниманіе: во 1) что Ширай и жена его не только въ теченіи 10 лѣтъ отъ рожденія Александра, но и во всю свою жизнь не признавали его сыномъ своимъ; во 2) что подлоги въ метрическихъ книгахъ произведены Заверухою и соучастниками его не ранѣе 1842 г., т. е. послѣ состоянія всемилостивѣйшаго манифеста 16 апрѣля 1841 г. и въ 3) что Иванъ и Николай Бороздны, обольстивъ и возбудивъ Заботина къ предъявленію притязанія на право законнаго рожденія отъ Ширая и на наслѣдованіе въ имуществѣ его, нанесли Долинской и Чернолузской значительные убытки и издержки, постановить слѣдующее: 1.) состоявшееся по дѣлу сему въ черниговской гражданской палатѣ рѣшеніе уничтожить во всемъ его пространствѣ, а Заботину въ домогательствѣ его отказать; съ членами же и секретарями суражскаго уѣзднаго суда и черниговской палаты гражданскаго суда, которые рѣшили это дѣло съ явнымъ нарушеніемъ законовъ, поступить по 394 ст. св. улож. о наказ. уголов. и исправ. 2.) Заверуху и соучастниковъ его за подлоги, совершенные ими въ метрическихъ книгахъ села Соловы послѣ манифеста 16 апрѣля 1841 г., предать уголовному суду. 3.) Предоставить Долинской и Чернолузской взыскивать съ Ивана и Николая Борозденъ тяжебные убытки и судебные издержки установленнымъ въ законахъ порядкомъ особо отъ сего дѣла.

3 Департаментъ правительствующаго сената, по 2 отдѣленію, по выслушаніи настоящаго дѣла, іюня 2, 7, 8, 9 и 10 іюля 10, сентября 2, 6 и 22 декабря 1848 года опредѣлилъ: 1, воспитывавшемуся въ московскомъ воспитательномъ домѣ

Александру Заботину въ правахъ его на фамилію Ширая и на сопряженныя съ нею права дворянства и на наслѣдство въ имѣніи, оставшемся послѣ смерти генералъ-маіора Степана и жены его Ульяны Шираевъ отказать; 2. о безпорядкахъ и отступленіяхъ при производствѣ слѣдствія по настоящему дѣлу допущенныхъ, дать знать участвовавшему въ производствѣ того слѣдствія губернскому предводителю дворянства чрезъ тамошнее губернское правленіе съ тѣмъ, чтобы онъ при подобныхъ на будущее время, возлагаемыхъ на него начальствомъ, а тѣмъ болѣе особенною Высочайшею волею порученіяхъ, со всею точностію соблюдалъ во всѣхъ случаяхъ предписанные въ законахъ формы и обряды.

На это опредѣленіе 2 отдѣленія 3 департамента правительствующаго сената Александръ Заботинъ принесъ всеподданнѣйшую жалобу, которую Высочайше повелѣно было разсмотрѣть въ общемъ собраніи сената.

Въ общемъ собраніи сената послѣдовали по настоящему дѣлу разныя мнѣнія, вслѣдствіе чего оно поступило на консультацію, при министерствѣ юстиціи учрежденную.

Управлявшій министерствомъ юстиціи въ предложеніи своемъ правительствующему сенату изъяснилъ слѣдующее:

Въ дѣлѣ семъ подлежатъ разрѣшенію три слѣдующіе вопроса:

1.) Александръ, воспитанный подъ именемъ Заботина, рожденъ ли женою генералъ-маіора Степана Ширая, Ульяною Ширай во время существованія законнаго ихъ брака?

2. Если рожденъ въ семъ бракѣ, то слѣдуетъ ли, по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ рожденіе и воспитаніе Заботина, признавать его сыномъ Степана Ширая, или происходящимъ отъ прелюбодѣянія?

3.) Въ случаѣ признанія законности рожденія Александра, какія права принадлежатъ ему по закону на имѣніе, оставшееся послѣ Степана Ширая и жены его Ульяны?

По первому вопросу обстоятельства дѣла показываютъ, что 20-го января 1801-го года генералъ-маіоръ Ширай вступилъ въ законный бракъ съ дочерью помѣщика Петра Борозд-

ны, дѣвицею Ульяною. О дѣйствительности и законности сего брака, продолжавшагося до смерти Ульяны Ширай въ 1839 году, 38 лѣтъ, ни съ чьей стороны не было предъявляемо спора, о разводѣ никто изъ супруговъ также не просилъ. Въ продолженіе сей законно неразторгнутой брачной жизни, Ульяна Ширай, въ ноябрѣ 1818-го г., въ родовомъ имѣніи генерала Ширая селѣ Соловѣ, гдѣ она имѣла безвыѣздное пребываніе, родила сына, названнаго при крещеніи Александромъ. Дѣйствительность сего событія положительно подтверждается: во 1-хъ объясненіями самихъ дочерей Ширая, генералъ-маіорши Долинской и коллежской совѣтницы Чернолузской и замѣчаніями ихъ повѣреннаго, читанными имъ при докладѣ дѣла во 2-мъ отдѣленіи 3-го департамента правительствующаго сената, и во 2-хъ, показаніями: а) священника Іоанна Лапчинскаго, присутствовавшаго въ званіи дьячка соловской церкви при крещеніи младенца Александра, б) 18-ти присяжныхъ свидѣтелей, въ томъ числѣ Ракицкаго и Гаевскаго, управлявшихъ имѣніями Ширая, и в) 25-ти дворовыхъ людей села Соловы, спрошенныхъ по священническому увѣщанію.

Въ отношеніи ко *второму вопросу* о томъ, можетъ ли младенецъ Александръ, рожденный въ ноябрѣ 1818-го года Ульяною Ширай, во время законно неразторгнутаго брака, быть признанъ законнымъ сыномъ мужа ея Степана Ширая, или происходящимъ отъ прелюбодѣянія, необходимо обозрѣть предварительно всѣ дѣйствовавшія до начала сего дѣла постановленія о дѣтяхъ законныхъ и незаконныхъ, потомъ всѣ представленныя по дѣлу доводы въ опроверженіе законности рожденія Александра Заботина, и наконецъ сличить съ законами сіи доводы и обстоятельствами самаго дѣла.

Въ законахъ постановлено:

Ст. 121 (х т. зак. гр.). Всѣ дѣти, рожденныя въ законномъ бракѣ, признаются законными, хотя бы они родились:

1., По естественному порядку слишкомъ рано отъ совершенія брака, если только родители не отрицали законности ихъ рожденія.

2., По смерти отца, если только между днемъ ихъ рож-

денія и днемъ смерти отца не прошло времени болѣе того, сколько обыкновенно проходитъ между днемъ зачатія и днемъ рожденія младенца.

Ст. 122. Законными почитаются всѣ дѣти, законность коихъ не была оспорена:

1., При жизни ихъ родителей.

2., Въ теченіи десяти лѣтъ отъ ихъ рожденія.

Примѣчаніе. Законность рожденія лица почитается неоспоренною, когда признаніе онаго законнымъ оглашено надлежащими актами, или же другими событіями при жизни обоихъ родителей его, и потомъ въ продолженіе десяти лѣтъ никѣмъ не было оспорено; по минованіи сего срока, а равно и послѣ смерти обоихъ или одного изъ родителей, хотя бы и прежде истеченія десятилѣтія, никакой уже споръ о законности рожденія дѣтей, когда признаніе онаго законнымъ было, какъ сіе сказано выше, оглашено при жизни обоихъ родителей надлежащими актами, или же другими событіями, не допускается ни отъ постороннихъ, ни отъ пережившаго родителя.

Ст. 123. Доказательства законнаго рожденія суть:

1., Бракъ родителей, законно совершенный; въ случаѣ же спора о законности брака, признаніе онаго законнымъ отъ духовнаго суда.

2., Приходскія (метрическія) книги, родословныя, городовыя обывательскія книги и ревизскія сказки.

3., Свидѣтельство людей честнаго и незазорнаго поведенія, какъ-то: приходскаго священника и двухъ обывателей того же прихода.

4., Для дѣтей, прижитыхъ въ супружествѣ, по естественному порядку слишкомъ рано, доказательствомъ законности признаются собственныя показанія и письма отца и матери, не отрицающихъ законнаго ихъ рожденія.

Ст. 124. Отецъ не можетъ оспаривать законнаго рожденія дѣтей:

1., Въ гнѣвѣ на нихъ или на ихъ мать, а свою жену.

2., Если не малое время, имѣвъ ихъ у себя въ домѣ,

признавалъ ихъ своими дѣтьми, а мать, и по рожденіи ихъ, своею женою.

3. При мачихѣ.

Ст. 126. Епархіальное начальство, въ слѣдствіе отношеній присутственныхъ мѣстъ и начальствъ, для разрѣшенія дѣлъ о законности рожденія, обращается прежде всего къ метрическимъ книгамъ, и если найдетъ, что рожденіе и крещеніе лица, о которомъ идетъ дѣло, записаны въ нихъ, и запись сія не подлежитъ сомнѣнію, то доставляетъ требуемое о семъ свѣдѣніе присутственному мѣсту или начальству, или же выдаетъ свидѣтельство просителю, желающему имѣть метрическое свидѣтельство.

Ст. 127. Если рожденіе лица, о которомъ идетъ дѣло, въ указанномъ приходѣ въ показанное время не записано, или если метрическая запись сомнительна потому, что находится подъ другимъ числомъ или съ разнорѣчіемъ въ именахъ рожденнаго или родителей, или съ подчистками, или по другимъ причинамъ, то дѣлается справка съ исповѣдными росписями, начиная отъ указаннаго года рожденія до года производства дѣла, также съ метрическою и обыскною книгою о бракѣ родителей и производится слѣдствіе, въ которомъ вопрошаются воспріемники и лица, бывшія при крещеніи.

Ст. 129. Если родителей нѣтъ въ живыхъ, то сверхъ показаній отъ священника, крестившаго, и бывшихъ при крещеніи, преимущественно обращается вниманіе на всѣ относящіеся до лица, о которомъ идетъ дѣло, документы, изъ коихъ можно было бы видѣть, какъ признавали его родители, какъ оно вообще признаваемо было при жизни родителей, и не было ли при жизни родителей спора о законности его происхожденія.

Ст. 130. Смотря по надобности, консисторія собираетъ свѣдѣнія и изъ другихъ источниковъ, каковы суть: формулярные списки родителей, родословныя, городскія и обывательскія книги, ревизскія сказки и проч.

Ст. 131 незаконныя дѣти суть:

1., Рожденныя внѣ брака, хотябы родители ихъ въ послѣдствіи соединены были законнымъ бракомъ.

2., Прижитыя въ незаконномъ бракѣ.

3., Происшедшія отъ прелюбодѣянія.

Ст. 132. Незаконныя дѣти, хотя бы они воспитаны были ихъ родителями, не имѣютъ права ни на фамилію отца, ни на законное послѣ него въ имуществѣ наслѣдство. Участь дѣтей невиннаго мужа или невинной жены, обманомъ вовлеченныхъ въ противозаконный бракъ, можетъ быть предаваема, по усмотрѣнію обстоятельствъ дѣла, Монаршему милосердію.

Статута литовскаго, раздѣлъ III, артикула 28, § 3. Незаконнорожденнымъ признавать и таковаго, отъ котораго бы отецъ при жизни своей отрекся и сыномъ своимъ не признавалъ, токмо бы не учинилъ сего по ссорѣ и ненависти противу сына и жены своей, законной его матери, а если бы чрезъ немалое время его своимъ дѣтищемъ признавалъ и по его рожденіи его мать, а свою жену, въ домѣ своемъ терпѣлъ и когда однажды его своимъ дѣтищемъ принялъ и при себѣ его имѣлъ, въ домѣ своемъ терпѣлъ; то послѣ отречься отъ него не можетъ: ибо не пристойно честному человѣку что либо худое и безчестное въ своемъ домѣ терпѣть.

Представленные по дѣлу доводы противу законности рожденія Александра могутъ быть приведены къ слѣдующимъ четыремъ категоріямъ:

Во первыхъ, что подлогъ въ метрикахъ церкви села Соловы за 1818-й годъ совершенъ не ранѣе 1842 г. и что метрическая тетрадь села Соловы за 1818-й годъ, представленная титулярнымъ совѣтникомъ Заверухою, не прошнурованная и никѣмъ не подписанная, лишена всякой юридической достовѣрности, а потому записка въ ней Александра сыномъ Ширая и жены его Ульяны не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія.

Во вторыхъ, что супружеское сожитіе Ширая съ женою съ 1809 г., по самую смерть сей послѣдней, прекращено

было въ слѣдствіе несогласій и болѣзни, которою она была одержима до конца жизни.

Въ третьихъ, что Александръ, воспитанный подъ именемъ Заботина, никогда не былъ признаваемъ законнымъ сыномъ ни Степаномъ Шираемъ, ни женою его Ульяною, а законность рожденія Александра не только никѣмъ и ничѣмъ оглашена не была, но напротивъ того изъ выданнаго Шираю дворянами свидѣтельства и изъ составленныхъ имъ распорядительныхъ объ имуществѣ актовъ явствуетъ, что за смертію сына Михаила, мужеское колѣно въ его родѣ пресѣклось, что въ свое время оспорено не было ни Ульяною Ширай, ни отцомъ ея Петромъ Бороздною, ни сыновьями сего послѣдняго, однокровными ея братьями,

Въ четвертыхъ, что Высочайше учрежденная коммисія при производствѣ слѣдствія по сему дѣлу нарушила предписанныя закономъ формы и обряды и не произвела розысканія объ обстоятельствахъ, могущихъ служить къ разъясненію дѣла.

Въ отношеніи сихъ возраженій изъ дѣла видно:

I. О МЕТРИКАХЪ.

Слѣдственною гражданскою коммисіею, учрежденною по Высочайшему повелѣнію, и духовною, по указу святѣйшаго сѵнода, обнаружено четыре книги церкви села Соловы за 1818-й годъ. Одинъ экземпляръ хранился въ черниговской духовной консисторіи, другой въ стародубскомъ духовномъ правленіи, третій при приходской церкви села Соловы и четвертый представленъ титулярнымъ совѣтникомъ Заверухою, бывшимъ повѣреннымъ Степана Ширая.

Консисторская и правленская метрическія книги, безъ нумераціи по листамъ, шнура и печати, скрѣплены по листамъ: первая протоіереемъ Павломъ Рклицкимъ, священникомъ соловской церкви Николаемъ и дьячкомъ той же церкви Іоанномъ Лапчинскими; а на второй книгѣ подпись тѣхъ же лицъ, кромѣ Рклицкаго. О церковной книгѣ не имѣется въ дѣлѣ

свѣдѣній, кромѣ удостовѣренія слѣдователей, что по сличеніи она оказалась не подлинною, а списанною съ книги, хранившейся въ духовномъ правленіи. Тетрадь, представленная Заверухою, никѣмъ не подписана, безъ печати и не прошнурована. Въ книгѣ этой 8-го ноября *въ статьѣ подъ № 15-мъ значится*: «отъ генералъ-маіора Ширая и жены его Ульяны Петровны дочери Бороздновны родился сынъ Александръ, крещенъ сего мѣсяца 8-го числа приходскимъ священникомъ Николаемъ Лапчинскимъ, воспріемникомъ отъ св. крещенія тому младенцу былъ тогожъ села Соловы священникъ Николай Яковлевъ сынъ Лапчинскій».

Стародубское духовное правленіе увѣдомило слѣдователей, что метрическія книги за 1818-й годъ дѣйствительно не были завѣряемы духовнымъ правленіемъ, какъ сіе видно изъ книгъ, имѣющихся въ архивѣ.

По обозрѣніи сихъ книгъ слѣдственною коммисіею и судебными мѣстами найдено: 1., Въ консисторскомъ и правленскомъ экземплярахъ метрическихъ книгъ села Соловы за 1818-й годъ находится по одному поддѣльному вшитому обрѣзанному листу, которые отличаются отъ прочихъ цвѣтомъ бумаги и чернилъ, внутренными водяными знаками и размѣромъ графъ. Скрѣпа на сихъ листахъ протоіерея Павла Рклицкаго, священника Николая (умершаго) и дьячка Іоанна Лапчинскихъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ ихъ скрѣпою на прочихъ листахъ, что подтвердили, кромѣ слѣдователей, сами подписавшіе и скрѣпившіе книги Рклицкій и Іоаннъ Лапчинскій. 2., Въ правленскомъ экземплярѣ метрики, находящемся въ дѣлѣ, на оборотѣ 5-го полулиста (поддѣльнаго), статья подъ № 17-мъ, въ отдѣлѣ родившихся, оканчивается слѣдующими словами: «Анна Васильева дочь Демьяненкова», а на слѣдующемъ 6-мъ полулистѣ (не поддѣльномъ) повторены тѣ же слова. На соотвѣтственномъ 5-му 16-мъ полулистѣ (также поддѣльномъ) послѣдняя статья № 18, въ отдѣлѣ умершихъ значится «причастился отъ приход.», за тѣмъ слѣдуетъ пробѣлъ въ два вершка, а на слѣдующемъ 17-мъ листѣ (не поддѣльномъ) написано: «скаго священника».

Очевидность сихъ наружныхъ признаковъ подлога въ метрическихъ книгахъ подтверждается еще во 1-хъ, тѣмъ, что вписанный въ консисторскую и правленскую метрическія книги за 1818-й годъ родившимся сынъ дворянина Василія Лапчинскаго, Павелъ Лапчинскій, въ тѣхъ книгахъ показанъ умершимъ 6-го декабря, 2-хъ лѣтъ, и во 2-хъ, тѣмъ, что унтеръ-офицеръ Иванъ Лапчинскій, сынъ священника Николая Лапчинскаго, подъ присягою сознался, что онъ, по приказанію отца, писалъ поддѣльные листы и вшилъ ихъ на мѣсто прежнихъ, о чемъ онъ въ послѣдствіи сообщилъ священнику Іоанну Лапчинскому, который это показаніе при слѣдствіи также подтвердилъ по іерейской совѣсти.

Засимъ остается разрѣшить вопросъ, былъ ли рожденный Ульяною Ширай сынъ Александръ записанъ въ тѣхъ книгахъ, на тѣхъ листахъ, которые замѣнены другими.

По вопросу сему изъ слѣдствій гражданскаго и духовнаго вѣдомства видно:

а., Священникъ Іоаннъ Лапчинскій, бывшій въ 1818-мъ году дьячкомъ соловской церкви, по іерейской совѣсти, показалъ, что въ метрической книгѣ, хранившейся до 1839-го года при помянутой церкви, Александръ былъ записанъ сыномъ Ширая и жены его Ульяны, но въ семъ послѣднемъ году, по приказанію Ширая, объявленному ему Заверухою, книга эта была отдана имъ Заверухѣ, который замѣнилъ ее другимъ экземпляромъ, гдѣ уже не было записано рожденія Александра. Въ доказательство справедливости сказаннаго Іоаннъ Лапчинскій представилъ письмо къ нему благочиннаго Демы, изъ котораго видно, что о сей подмѣнѣ зналъ не только самъ Дема, но и столоначальникъ духовнаго правленія Барщевскій, и что Дема совѣтовалъ Лапчинскому исходатайствовать у Барщевскаго молчаніе, хотя до смерти старика (Ширая), дабы не огорчить тѣхъ персонъ (дочерей Ширая) и не возвести на себя гнѣва. Священникъ Іоаннъ Лапчинскій книгу, хранившуюся у Заверухи, признаетъ подлинною, взятою у него симъ послѣднимъ въ 1839 году. Показаніе это 16 марта 1843 года Лапчинскій подтвердилъ предъ архіеписко-

помъ черниговскимъ Павломъ, сдѣлавшимъ о томъ письменное на оберточномъ листѣ засвидѣтельствованіе.

б., Священникъ Ѳедоръ Лапчинскій, бывшій дьякономъ соловской церкви, по іерейской совѣсти, подтвердилъ показаніе Іоанна Лапчинскаго, дополнивъ оное сознаніемъ, что въ 1839 или 1840 году, вскорѣ послѣ смерти жены Ширая, онъ изъ угожденія сему послѣднему, по порученію Заверухи, писалъ копію съ экземпляра метрической книги духовнаго правленія, въ которомъ не было записано рожденія Александра. Этою копіею въ послѣдствіи была замѣнена подлинная церковная метрическая книга.

в., Благочинный Дема подтвердилъ показаніе Лапчинскихъ во всемъ, что до него касалось.

г., Дворянинъ Ракицкій, занимавшійся письменными дѣлами у Ширая, подъ присягою засвидѣтельствовалъ, что Александръ былъ записанъ въ метрику, но безъ спроса и желанія Ширая, и когда членъ духовнаго правленія, священникъ Пашинскій (умершій), объявилъ ему о томъ, то Ширай разсердился и велѣлъ тому священнику выключить Александра; но какъ исполнено было это желаніе, онъ, Ракицкій, не знаетъ.

д., Унтеръ-офицеръ Иванъ Лапчинскій (сынъ священника Николая Лапчинскаго) подъ присягою сознался, что метрическія книги села Соловы за 1818 годъ были писаны имъ; что въ этихъ книгахъ, въ числѣ родившихся въ ноябрѣ 1818 г., записанъ былъ сынъ Ширая Александръ, но чрезъ годъ послѣ рожденія сего послѣдняго, а настояще не помнитъ, онъ, Лапчинскій, по приказанію своего отца, въ книгахъ метрическихъ, присланныхъ протоіереемъ Леонтіемъ Рклицкимъ, переписалъ листы, гдѣ Александръ былъ вписанъ; и вмѣсто него, на вновь вшитыхъ листахъ, вписалъ сына дворянина Лапчинскаго Павла и что скрѣпы на новыхъ листахъ, вмѣсто священника и дьячка, сдѣлалъ онъ, Лапчинскій, по приказанію отца.

е., Титулярный совѣтникъ Заверуха, подъ присягою сознался, что онъ дѣйствительно, по приказанію Ширая, выпросилъ у священника Іоанна и дьячка Федора Лапчинскихъ быв-

шую при соловской церкви метрическую книгу, въ которой, какъ Ширай неизвѣстно отъ кого узналъ, значился записаннымъ Александръ, непризнанный имъ сыномъ; что въ замѣнъ взятой книги Ширай просилъ отдать копію съ метрики стародубскаго духовнаго правленія, доставленную ему столоначальникомъ Барщевскимъ; что показаніе священника Ѳедора Лапчинскаго, будто бы онъ, Заверуха, убѣждалъ его писать копію, несправедливо, и что когда онъ, Заверуха, получилъ подлинную соловскую церковную метрическую книгу, то предъявилъ ее Шираю, который, прочитавъ, возвратилъ ему и сказалъ: «пусть у тебя останется».

На данной Заверухѣ съ священникомъ Ѳедоромъ Лапчинскимъ очной ставкѣ, каждый изъ нихъ остался при своемъ показаніи.

ж., Вдова секретаря стародубскаго духовнаго правленія Масловская (родственница Заверухи, по словамъ повѣренныхъ Долинской и Чернолузской), подъ присягою показала, что она, по болѣзни мужа, принимала соловскія метрическія книги, и въ оныхъ былъ записанъ Александръ сыномъ Ширая, и что въ послѣдствіи, въ февралѣ или мартѣ 1819 года, она видѣла, какъ книги эти взялъ изъ правленія священникъ Пашинскій.

з., Поручикъ Иванъ Губчицъ, дальній родственникъ Ширая, въ письменномъ отзывѣ объяснилъ, чтб когда въ 1839 или въ 1840 году онъ сказалъ Шираю, что московскій (Заботинъ) имѣетъ метрическое свидѣтельство, то съ симъ словомъ Ширай, встревоженный, вскочилъ и сказалъ Заверухѣ, что это значитъ? Несправедливо, ваше превосходительство, отвѣчалъ Заверуха, вездѣ уничтожено.

Совокупность сихъ сознаній и показаній, учиненныхъ по іерейской совѣсти или подъ присягою (кромѣ Губчица), въ опроверженіе которыхъ противная сторона противопоставляетъ однѣ лишь догадки, не имѣющія предъ закономъ судебной достовѣрности; уничтоженіе въ метрическихъ книгахъ консисторіи и правленія тѣхъ именно листовъ, въ коихъ записаны бы-

ли родившіеся въ ноябрѣ 1818 года, и наконецъ логическая послѣдовательность выше доказанныхъ фактовъ рожденія и крещенія въ селѣ Соловы Александра, требующая записки сего послѣдняго, подъ какимъ бы то званіемъ ни было, въ метрическихъ книгахъ соловской церкви, въ которыхъ его нынѣ вовсе не значится,—приводятъ къ слѣдующимъ убѣжденіямъ: 1., что Александръ Заботинъ въ ноябрѣ 1818 года былъ записанъ въ метрическихъ книгахъ соловской церкви сыномъ Степана Ширая и, по распоряженію сего послѣдняго, единственнаго лица, имѣвшаго въ томъ интересъ, исключенъ изъ книги, и 2., что всѣ подлоги и подмѣны въ метрическихъ книгахъ учинены были до кончины Ширая, послѣдовавшей въ августѣ 1841 года.

II. О ЛИЧНЫХЪ СУПРУЖЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ СУПРУГОВЪ ШИРАЙ.

Изъ присяжныхъ свидѣтельскихъ показаній видно:

Гаевскій, управлявшій соловскимъ имѣніемъ съ мая 1818-го г., и Ракицкій, занимавшійся по письменнымъ дѣламъ Ширая съ 1811-го года, объявили: Ширай жилъ съ женою въ несогласіи, но посѣщалъ ли онъ ее, не знаютъ и не замѣтили. Къ сему Гаевскій присовокупилъ, что Ширай, проѣзжая въ Черниговъ, заѣзжалъ въ Солово, останавливался въ большомъ домѣ и проживалъ тамъ по нѣскольку дней; что въ началѣ 1818-го года Ширай былъ въ Соловѣ и что въ день рожденія его женою сына Александра ночевалъ тамъ и поутру уѣхалъ въ Черниговъ. Это подтвердили и пять соловскихъ дворовыхъ людей, спрошенныхъ по священническому увѣщанію, присовокупивъ къ тому, что Ширай, бывая въ Соловѣ, видѣлся съ женою.

Заверуха, поступившій къ Шираю на службу въ 1834 году, показалъ, что съ 1834-го года Ширай жены не навѣщалъ.

Ракицкій полагаетъ, что Ширай не зналъ о рожденіи женою Александра, а Гаевскій, что онъ объ этомъ узналъ послѣ.

Пятнадцать козаковъ, спрошенныхъ порознь подъ присягою, удостовѣрили, что они знаютъ совершенно, что у Ширая и жены его Ульяны былъ сынъ Александръ и это подтвердили спрошенные, по священническому увѣщанію, 25-ть человѣкъ, принадлежавшихъ къ соловской дворнѣ.

Изъ числа спрошенныхъ подъ присягою дворянъ, нѣкоторые отозвались незнаніемъ, а другіе показали по слухамъ, что у жены Ширая былъ сынъ, но отъ мужа ли, не знаютъ.

Титулярный совѣтникъ Середа, что, по носившимся въ народѣ слухамъ, Ульяна Ширай родила сына, но не отъ мужа.

Животкевичъ, что во время освѣщенія соловскаго дома, когда Шираи жили вмѣстѣ, преосвященный черниговскій, по просьбѣ Степана Ширая, назидалъ жену его Ульяну въ особыхъ покояхъ о вѣрности супружества; а коллежскій регистраторъ Янжулъ, что при женѣ Ширая видѣлъ сына ея Александра, который жилъ при ней до 5-ти лѣтъ, но отъ Ширая ли рожденъ Александръ,—не знаетъ.

По показанію Гаевскаго, козаковъ и дворовыхъ людей, Александръ жилъ при матери Ульянѣ до 4-хъ лѣтъ.

По общему показанію всѣхъ спрошенныхъ лицъ жена Ширая Ульяна постоянно безвыѣздно жила въ Соловѣ во флигелѣ, была набожна и добродѣтельна и характера добраго и кроткаго.

Показаніе свидѣтелей на счетъ образа жизни Ульяны Ширай разногласны; одни утверждаютъ, что она содержалась въ Соловѣ неприлично своему званію и терпѣла недостатки, другіе напротивъ того свидѣтельствуютъ, что ей производилось приличное и достаточное содержаніе.

О болѣзняхъ, которыми была одержима Ульяна Ширай, коллежскій ассесоръ Животкевичъ, подъ присягою показалъ, что она имѣла припадки въ родѣ сумасшествія и тогда выходила изъ благопристойности къ мущинамъ.

Графъ Гудовичъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Искрицкій въ письменныхъ отзывахъ показали: *первый*, что рѣдко имѣлъ случай видѣть Ульяну Ширай, но ему казалось, что въ свободное время отъ болѣзненныхъ припадковъ, она была женщина скромная и кроткая, а *второй* слышалъ, что въ болѣзненныхъ припадкахъ она предпочитала бесѣду, званію ея не свойственную.

Наконецъ докторъ Кузминскій, пользовавшій Ульяну Ширай съ 1834-го года, въ отзывѣ объяснилъ, что она вскорѣ послѣ смерти сына Михаила страдала желтухою, потомъ водяною и отъ двухъ послѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ 1838 году параличныхъ ударовъ, въ 1839 году скончалась. Во время малоколичественныхъ очищеній имѣла общее умопомѣшательство, продолжавшееся иногда и по недѣлѣ и обнаруживавшееся безсонницею, говорливостію, или молчаливостію и угрюмостію.

По единогласнымъ отзывамъ секретарей стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ, сличавшихъ письмо Петра Бороздны, отъ 16-го августа, съ другими его письмами и документомъ, имъ подписаннымъ, въ почеркѣ сего письма не найдено сходства съ почеркомъ его на другихъ бумагахъ; второе письмо Бороздны, отъ 17-го іюня, въ которомъ онъ приглашаетъ Ширая для сообщенія какой-то тайны, не можетъ служить къ разъясненію обстоятельствъ настоящаго дѣла, а третье письмо Ширая, хотя и не оспоренное въ подлинности почерка, есть не болѣе, какъ черновой проэктъ письма, неизвѣстно когда и къ кому писаннаго и посланнаго или нѣтъ.

По показанію Долинской и Чернолузской, Ширай писалъ письмо сіе въ 1811 году къ Немировичу-Донченкѣ. Въ письмѣ этомъ есть смыслъ, но обвиненія, которыя въ немъ взводятся, не оправдываются ни обстоятельствами дѣла, ни единодушнымъ показаніемъ о характерѣ и душевныхъ качествахъ Ульяны Ширай. Во всякомъ случаѣ проэкты писемъ Ширая, въ которыхъ онъ по произволу могъ писать все, что ему вздумалось, не должны быть приняты за доказательства при рѣшеніи дѣла. Но признавая даже бумаги, представлен-

ныя Долинскою и Чернолузскою, несомнѣнно писанными въ 1809 и 1811 годахъ Бороздною и Шираемъ, очевидно, что если юридически невозможно по двумъ письмамъ обвинить Ульяну Ширай въ прелюбодѣяніи въ томъ періодѣ времени, къ которому письма эти относятся, то тѣмъ менѣе они могутъ служить доказательствомъ къ обвиненію Ульяны Ширай въ нарушеніи въ 1818 году супружеской вѣрности, по истеченіи 8-ми или 9-ти лѣтъ отъ ихъ написанія, ибо предшествовавшія событія или поступки не могутъ служить основаніемъ къ обвиненію въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ. Тѣмъ менѣе принять можно за юридическій доводъ къ обвиненію Ульяны Ширай въ прелюбодѣяніи въ 1818-мъ году, показаніе Животкевича, что преосвященный черниговскій во время освященія соловскаго дома, по просьбѣ Степана Ширая, назидалъ въ особомъ покоѣ жену его въ вѣрности супружеской. Судя по словамъ Животкевича, (Шираи жили тогда вмѣстѣ), событіе это должно быть отнесено къ промежутку времени между 1801—1810 годами. Что же касается до побудительной причины къ означенной просьбѣ Ширая, то столько же вѣроятно, что поводомъ къ тому могло быть нарушеніе женою супружескаго долга, сколько, если не болѣе, неосновательная подозрительность и даже одно простое желаніе утвердить жену силою пастырскаго слова въ неизмѣнной супружеской вѣрности.

При подробномъ разсмотрѣніи всѣхъ свидѣтельскихъ показаній, не оказывается между оными не только удостовѣренія, но даже и намека о преступной съ кѣмъ либо связи Ульяны Ширай. Сдѣланное повѣреннымъ дочерей Ширая указаніе на Рухлядку (умершаго), управлявшаго соловскимъ имѣніемъ до 1818-го года, явно опровергается и своею голословностію и присяжнымъ показаніемъ помѣщика Янжула, что Рухлядка обращался съ Ульяною, по своему невѣжеству, грубо. Нѣкоторые изъ спрошенныхъ по дѣлу лицъ (Ракицкій, Гаевскій, Заверуха, Попсуй, Гредченко) говорятъ о несогласіи Ширая съ женою; но несогласіе не доказываетъ еще совершеннаго и постояннаго разрыва супружескихъ отношеній.

Въ представленномъ Долинскою и Чернолузскою проэктѣ черноваго письма Ширая сказано, что онъ до нѣкотораго только времени не можетъ видѣться съ женою; слѣдствіемъ же обнаружено, что онъ, Ширай, бывалъ по нѣскольку дней въ селѣ Соловѣ, гдѣ жена его постоянно жила и что въ имѣніи семъ онъ былъ какъ въ началѣ 1818-го г., такъ и въ день рожденія женою Александра, а, по удостовѣренію пяти дворовыхъ людей, онъ не только бывалъ въ селѣ Соловѣ, но даже видѣлся съ женою своею Ульяною. Въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ Ширай, какъ удостовѣряетъ черниговское дворянское депутатское собраніе, находился въ стародубскихъ своихъ имѣніяхъ, а не въ Черниговѣ, какъ доказывали его дочери.

Законъ (ст. 121 и 131 х т.) рожденныхъ въ законномъ бракѣ дѣтей признаетъ незаконными въ томъ единственно случаѣ, когда они произошли отъ прелюбодѣянія. Показанія противной стороны о рожденіи Александра Ульяною Ширай отъ прелюбодѣянія, или явно опровергнуты, или ничѣмъ не доказаны, а въ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго довода о нарушеніи Ульяною Ширай въ 1818 году супружескаго долга и со стороны соперниковъ Александра не представлено никакихъ указаній, которыя бы приводили къ вѣроятному предположенію о томъ, кто могъ быть отцомъ его, Александра, или существовалъ ли тотъ канцеляристъ, или другое какое либо лицо, сыномъ котораго онъ могъ быть и затѣмъ, подъ фамиліею Заботина, поступить въ воспитательный домъ.

III. О непризнаніи генералъ-маіоромъ Шираемъ и женою его Ульяною Александра законнымъ ихъ сыномъ и о неоглашеніи законности сего послѣдняго.

Подложное исключеніе Александра изъ метрическихъ книгъ села Соловы, непомѣщеніе его въ свидѣтельствѣ, взятомъ въ 1819 году отъ суражскаго предводителя дворянства, для предъявленія правъ на наслѣдство послѣ полковника Будлян-

скаго, и наконецъ оговорка Ширая во всѣхъ составленныхъ имъ въ 1838 году распорядительныхъ актахъ объ имуществѣ, что за смертію сына Михаила мужеское колѣно пресѣклось, неоспоримо доказываютъ нежеланіе Ширая признавать Александра законнымъ своимъ сыномъ. Но если нѣтъ въ фактѣ семъ ни малѣйшаго сомнѣнія, то равномѣрно не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что такого рода непризнаніе не можетъ служить основаніемъ къ лишенію Заботина такихъ правъ, которыя, по рожденію его въ законномъ бракѣ, закономъ ему присвоены. По литовскому статуту (разд. 3 артикулъ 28, § 3), дѣйствовавшему до 1842 года въ черниговской губерніи, не признавшій законнымъ сына, рожденнаго женою, долженъ былъ учинить отреченіе и не держать ни жены, ни дитяти въ своемъ домѣ, ибо непристойно, какъ сказано въ семъ законѣ, честному человѣку что либо худое и безчестное въ своемъ домѣ терпѣть. Соображая съ обстоятельствами дѣла сей законъ, современный по рожденію Заботина въ 1818 г. и мѣстный по совершенію событій въ черниговской губерніи, нельзя упустить изъ виду, что послѣ рожденія Ульяною Ширай сына Александра, она безвыѣздно до самой кончины жила въ родовомъ имѣніи своего мужа въ Соловѣ, въ которомъ бывалъ и самъ Ширай, а сынъ, ею рожденный, оставался при ней въ томъ же имѣніи до 4-хъ лѣтъ. По дѣлу видно, что Ширай зналъ о рожденіи женою его сына Александра, и этого обстоятельства не отвергаютъ противники Заботина, а потому пребываніе Александра въ домѣ Ширая до 4-хъ лѣтъ и неучиненіе симъ послѣднимъ формальнаго отреченія, узаконяютъ такъ сказать рожденіе Александра, хотя бы Ширай убѣжденъ былъ и въ противномъ, ибо по общимъ основаніямъ гражданскихъ законовъ неотрицаніе въ установленномъ порядкѣ мужемъ такого событія, какъ рожденіе его женою сына, равносильно въ послѣдствіяхъ признанію его законнымъ.

Переходя отъ литовскаго статута къ общему своду законовъ, должно признать, что дѣйствовавшіе и дѣйствующіе законы наши имѣли всегда, постоянно въ виду съ одной стороны огражденіе освященныхъ церковью отношеній мужа и

жены отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, а съ другой защиту гражданскихъ правъ дѣтей, происходящихъ отъ сего союза. Посему отреченіе отъ дитяти, рожденнаго женою въ законномъ бракѣ, зависитъ не отъ произвола мужа, а отъ закона, въ слѣдствіе предъявленнаго имъ установленнымъ порядкомъ и своевременно спора и доказаннаго имъ нарушенія женою супружеской вѣрности. Съ сею цѣлію въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта 6-го февраля 1850-го года (которое впрочемъ по времени изданія на настоящее дѣло не распространяется) установленъ даже срокъ для предъявленія мужемъ спора о законности младенца, рожденнаго его женою; съ сею же цѣлію постановлено въ ст. 121 и 131-ой, что рожденные въ законномъ бракѣ признаются незаконными въ случаѣ доказаннаго происхожденія отъ прелюбодѣянія жены, а въ ст. 122 х т. и примѣчаніи къ оной, что законность рожденія младенца не подлежитъ спору, если не была она оспорена при жизни его родителей или въ теченіи 10-ти лѣтъ послѣ рожденія его, когда только признаніе лица было оглашено надлежащими актами и событіями. Прочія постановленія х т. св. зак. гр. о дѣтяхъ законныхъ, по внутреннему ихъ содержанію, исключительно относятся къ дѣтямъ, рожденнымъ внѣ законнаго брака.

Изложенными выше обстоятельствами дѣла обнаружено, что Александръ записанъ былъ законнымъ сыномъ Ширая и жены его Ульяны въ метрическихъ книгахъ соловской церкви; слѣдовательно рожденіе его было оглашено въ исключительно установленномъ для сего актѣ; если же Ширай имѣлъ основаніе признавать Александра не своимъ сыномъ, а происходящимъ отъ прелюбодѣянія жены, то обязанъ былъ представить доказательства въ установленномъ порядкѣ и своевременно; но самовольное устраненіе Александра посредствомъ свидѣтельства и распорядительныхъ актовъ отъ правъ гражданскихъ, усвоенныхъ рожденіемъ въ законномъ бракѣ, лишеніе и присвоеніе которыхъ не зависитъ отъ произвола частнаго лица, предъ лицомъ закона не можетъ имѣть никакой силы и дѣйствія. Александръ рожденъ Ульяною Ширай въ 1818

году, оставался при ней въ родовомъ имѣніи Ширая Соловѣ до 4-хъ лѣтъ, потомъ отправленъ въ деревню Болдовку, а оттуда отданъ Михаиломъ Шираемъ, сперва на воспитаніе въ Новгородъ-сѣверскъ священнику Мануйловичу, а потомъ въ московскій воспитательный домъ подъ вымышленнымъ именемъ Заботина. Всѣ сіи событія, подтвержденныя свидѣтельскими показаніями, не были и не могли быть для Ширая тайною. Этого не отрицаютъ даже дочери его Долинская и Чернолузская. Объясненіе же, что Ширай не оспаривалъ законности рожденія въ видахъ нравственныхъ для избѣжанія соблазна и позора, едва ли имѣетъ прочное основаніе. Рѣшеніе всякаго рода дѣлъ должно быть утверждаемо на фактахъ и на точной силѣ закона, а не на нравственныхъ убѣжденіяхъ, подлежащихъ разнообразнымъ сужденіямъ, и не на умозрительныхъ догадкахъ, которымъ могутъ быть всегда противопоставлены другія догадки, для опредѣленія относительнаго достоинства которыхъ въ законѣ не преподано ни правила, ни руководства. Нельзя также допустить начала, не признаннаго положительнымъ законодательствомъ, что отъ непосредственнаго, основаннаго часто на одномъ подозрѣніи, усмотрѣнія отца зависитъ признаніе однихъ дѣтей, рожденныхъ женою его въ законномъ бракѣ, законными, а другихъ незаконными. Такое начало не только ослабило бы освященное уставомъ церкви состояніе семейное, но повлекло бы къ самоуправству, неумѣстному въ благоустроенномъ государствѣ, и можно сказать клонилось бы къ потрясенію гражданскаго общества въ самыхъ его основаніяхъ.

Объясненіе Долинской и Чернолузской, что Ульяна Ширай никогда не признавала Александра своимъ сыномъ, какъ основанное не на доводахъ, а однихъ голословныхъ предположеніяхъ, не представляется уважительнымъ. Письма Ульяны Ширай къ священнику Мануйловичу показываютъ нѣжнѣйшую материнскую привязанность ея къ своему дитяти. Въ этихъ письмахъ она называетъ его своимъ Сашенькой, своимъ маленькимъ Сашенькой, своимъ малюткой, а Михаила старшимъ своимъ сыномъ, что служитъ доказательствомъ того, что былъ

у нея въ сіе время и младшій сынъ Александръ, потому что съ 1809 года Петра не было уже въ живыхъ. Изъ дѣла ясно видно, что отъ Ульяны Ширай скрывали судьбу сына Александра и отдачу его въ воспитательный домъ, ибо когда Александръ находился въ Москвѣ, то она въ письмѣ къ Мануйловичу считала его очень далеко за Москвою. Раскрытыя слѣдствіемъ тайная подмѣна листовъ въ метрическихъ книгахъ духовныхъ консисторій и правленія и выносъ метрической книги изъ церкви села Соловы, послѣ смерти Ульяны Ширай, приводятъ къ заключенію, что и самъ Степанъ Ширай не рѣшался гласно отвергать законность рожденнаго женою его Ульяною сына Александра. При неимѣніи въ виду со стороны Ширая спора о законности рожденнаго женою его Ульяною Ширай сына, сія послѣдняя не имѣла ни повода, ни основанія заявлять актами и доказывать судомъ законность, никѣмъ не отвергаемую. Во время составленія Шираемъ въ 1838 году распорядительныхъ объ имѣніи актовъ, какъ видно изъ свидѣтельства врача Кузминскаго, она разбита была параличемъ и притомъ, оставаясь безвыѣздно въ селѣ Соловѣ въ полной власти мужа, не имѣла возможности знать о тѣхъ актахъ, которые мужъ ея совершилъ въ стародубскомъ уѣздномъ судѣ. Молчаніе отца Ульяны Ширай, Петра Бороздны, который впрочемъ, по показанію Долинской и Чернолузской, умеръ чрезъ 2 года послѣ рожденія Александра, во время пребыванія сего послѣдняго при матери, а также молчаніе прочихъ родственниковъ Ульяны Ширай, не могло и не можетъ лишить Александра, воспитаннаго подъ именемъ Заботина, тѣхъ правъ, какія ему законно принадлежатъ.

По всѣмъ симъ соображеніямъ, доказывающимъ положительно, что законность рожденія Александра женою Ширая Ульяною Ширай, утвержденная метрическою книгою, не была формальнымъ порядкомъ оспорена Степаномъ Шираемъ, и слѣдуя точному смыслу современнаго настоящему событію закона литов. статута разд. III, артик. 28 § 3, а также т. X св. зак. гр. ст. 121, 131 и 122 и примѣч. къ сей послѣдней статьѣ, нельзя не придти къ заключенію, что Александръ, воспитан-

ный подъ именемъ Заботина, долженъ быть признанъ законнымъ сыномъ генералъ-маіора Ширая и жены его Ульяны.

Что же касается до ссылки Долинской и Чернолузской на примѣрное дѣло о званіи дочери княгини Касаткиной-Ростовской (Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 16-го октября 1844 г.), то дѣло сіе, по самому существу своему, не можетъ быть поставляемо въ примѣръ въ настоящемъ случаѣ: въ дѣлѣ княгини Касаткиной-Ростовской доказано было: а) что княгиня Касаткина-Ростовская сознала письменно московскому митрополиту и словесно въ духовной консисторіи, что въ теченіи 6-ти лѣтъ не имѣла съ мужемъ сообщенія; сознанія сіи учинены одно за 7-мъ мѣсяцевъ до рожденія ею дочери, а другое чрезъ 15-тъ мѣсяцевъ послѣ рожденія; б) что княгиня Касаткина-Ростовская не жила въ домѣ мужа, а вела отдѣльную, свободную, независимую жизнь, и в) что дочь, рожденная ею проѣздомъ чрезъ Курскъ, была записана въ метрикѣ безъ означенія отца, который о существованіи дочери и не зналъ.

Изъ обнаруженныхъ же слѣдствіемъ событій о происхожденіи Александра, воспитаннаго подъ именемъ Заботина, напротивъ того видно, что мать сего послѣдняго Ульяна Ширай никогда и ни предъ кѣмъ не заявляла о прекращеніи супружескихъ отношеній; что она, Ульяна Ширай, жила постоянно и безвыѣздно въ имѣніи своего мужа въ полной отъ него зависимости; что рожденный ею младенецъ былъ записанъ въ метрикахъ сыномъ ея мужа Степана Ширая и что сей послѣдній о существованіи младенца, жившаго при матери 4 года, не былъ безъизвѣстенъ. По симъ основаніямъ, а равно и потому еще, что постановленныя по одному дѣлу рѣшенія частныя, или такъ называемыя сепаратныя, по 68 и 69-й ст. 1-го т. основ. зак., не имѣютъ силы закона для другаго дѣла,—послѣдовавшее по дѣлу Касаткиной-Ростовской рѣшеніе не можетъ быть примѣняемо къ настоящему дѣлу.

IV. Объ упущеніяхъ, допущенныхъ высочайше учрежденною слѣдственною коммисіею.

По всеподданнѣйшему докладу генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа, его императорское величество повелѣть соизволилъ: обстоятельства, изложенныя въ запискѣ флигель-адъютанта Демидова 2-го о самовольномъ лишеніи генераломъ Шираемъ сына, рожденнаго его женою, правъ дворянства и наслѣдства, изслѣдовать черниговскому губернскому предводителю дворянства Ладомирскому съ полковникомъ корпуса жандармовъ Ливенцовымъ и флигель-адъютантомъ Демидовымъ. Черниговскій, полтавскій и харьковскій генералъ-губернаторъ, объявляя о семъ Высочайшемъ повелѣніи, предложилъ предводителю дворянства: «для избѣжанія всякихъ происковъ, взять всѣ возможныя мѣры предосторожности, дабы въ особенности, прежде приступленія къ слѣдствію, настоящая Высочайшая воля оставалась въ тайнѣ и чтобы всѣ дѣйствія, которыя будутъ предприняты къ раскрытію сущности этихъ обстоятельствъ, отнюдь не дѣлались гласными прежде ихъ совершенія». Такимъ образомъ учрежденная, по Высочайшему повелѣнію, слѣдственная коммисія для изслѣдованія противузаконныхъ поступковъ Степана Ширая, и по своему составу, и по указанному для нея образу дѣйствія, выходила изъ разряда обыкновенныхъ слѣдственныхъ коммисій.

Тѣмъ не мѣнѣе нельзя не признать, что слѣдователями допущены были два главныя отступленія отъ закона при производствѣ розысканій по настоящему дѣлу: а.) въ противность 1 и 2 п. 2367 ст. х. т., спрошенъ подъ присягою прикосновенный къ дѣлу титулярный совѣтникъ Заверуха, и б.) приведены къ присягѣ вдова Масловская и Заверуха на другой день послѣ допроса (2386 ст. х. т.) Объ участіи же унтеръ-офицера Лапчинскаго въ подлогахъ по метрическимъ книгамъ слѣдователи могли узнать не прежде, какъ послѣ допроса, которому по закону предшествовала присяга.

Что касается до другихъ упущеній, то слѣдуетъ принять во вниманіе:

1.) Свѣдѣніе о рожденіи Ульяною Ширай, кромѣ Александра, сына Константина, основано на препровожденной къ слѣдователямъ черниговскимъ, полтавскимъ и харьковскимъ генерамъ губернаторомъ запискѣ, никѣмъ не подписанной, а потому имѣющей всѣ свойства и признаки подметнаго письма. Рожденный, будто бы, Ульяною Ширай Константинъ не значится въ метрическихъ книгахъ, какъ увѣдомило слѣдователей стародубское духовное правленіе; никто изъ спрошенныхъ лицъ не сдѣлалъ указанія въ подтвержденіе сего обстоятельства, а Долинская и Чернолузская никакихъ свѣдѣній по сему предмету не сообщили. Очевидно, что слѣдователи не имѣли ни повода, ни основанія производить дальнѣйшія розысканія о лицѣ небываломъ.

2.) Равномѣрно не представлялось основанія производить дальнѣйшія розысканія о сочинителѣ письма изъ г. Шацка, подписаннаго А. Заботинъ, и адресованнаго къ Долинской и Чернолузской. Другой Заботинъ, кромѣ того, о которомъ въ дѣлѣ семъ рѣчь идетъ, и который въ то время находился въ черниговской губерніи, до сихъ поръ не являлся, а по секретному розысканію, какъ увѣдомилъ тамбовскій гражданскій губернаторъ, въ Шацкѣ Заботина не оказалось. Сего, кажется, достаточно для убѣжденія, что письмо изъ Шацка есть вымыслъ, не имѣющій даже признаковъ правдоподобія, тѣмъ болѣе, что въ тождествѣ Заботина, не оспариваемомъ Долинскою и Чернолузскою, съ младенцемъ, рожденнымъ въ 1818 году Ульяною Ширай, не представляется ни малѣйшаго сомнѣнія. Это доказываютъ показанія: по іерейской совѣсти священника Мануйловича, у котораго Александръ воспитывался, подъ присягою жены Мануйловича, которая указала даже примѣты его, Александра, штабсъ-капитана Емельяновича, директора ремесленнаго заведенія при воспитательномъ домѣ коллежскаго совѣтника Розенкампфа и предсмертное письмо Михаила Ширая къ своимъ сестрамъ.

3.) Сличеніе подписи Петра Бороздны на письмѣ, представленномъ Долинскою и Чернолузскою, учинено было секретарями стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ, которые единогласно признали письмо это неимѣющимъ по почерку сходства съ другими бумагами, писанными и подписанными Бороздною. Законность обряда сличенія Долинская и Чернолузская не оспариваютъ, и такъ какъ нѣтъ закона, чтобы производить вторичное сличеніе и давать предпочтеніе въ степени достовѣрности показаній секретарямъ губернскихъ мѣстъ и правительствующаго сената предъ секретарями судовъ 1 степени, то возраженіе по сему предмету не имѣетъ законнаго основанія.

4.) Изъ дѣла видно, что Александръ находился до 4-хъ лѣтъ при матери, а до 7 лѣтняго возраста у новгородъ-сѣверскаго священника Мануйловича. Посему, и какъ на основаніи 116 правила Номоканона и 3 п. указа 6 ноября 1822 г., дѣти обоего пола допускаются къ исповѣди не ранѣе 7 лѣтняго возраста, то Александръ до отправленія въ Москву не могъ значиться въ исповѣдныхъ книгахъ, а потому и дальнѣйшія розысканія по сему предмету безполезны.

5.) Возраженіе Долинской и Чернолузской, что слѣдователи допустили мѣстнаго священника Іоанна Лапчинскаго къ увѣщеванію нѣкоторыхъ лицъ, спрошенныхъ безъ присяги, и къ приводу нѣкоторыхъ изъ допрошенныхъ къ присягѣ, не имѣетъ основанія. Нѣтъ закона, воспрещающаго участвующему въ дѣлѣ священнику приводить къ присягѣ и увѣщевать допрашиваемыхъ, а потому дѣйствія слѣдователей въ семъ случаѣ не могутъ быть признаны противузаконными. Къ тому же и увѣщанія и присяга производились священникомъ въ присутствіи слѣдователей.

6.) Жалоба Долинской и Чернолузской о недопущеніи ихъ во время слѣдствія къ отводу свидѣтелей и къ присутствованію при приведеніи къ присягѣ лицъ, спрошенныхъ по сему дѣлу, не имѣетъ также основанія. Слѣдователи, на точномъ основаніи Высочайшаго повелѣнія о приведеніи въ извѣстность обстоятельствъ, изложенныхъ въ запискѣ полковника Демидова

о поступкахъ, относящихся собственно до генерала Ширая, не считали и не могли считать Долинскую и Чернолузскую отвѣтчицами за отца въ подлогахъ, симъ послѣднимъ учиненныхъ. Кромѣ того изъ дѣла видно, что возраженіе сіе было въ виду государственнаго совѣта при разсмотрѣніи вопроса о порядкѣ производства предлежащаго дѣла и Высочайше утвержденнымъ 16 октября 1844 г. мнѣніемъ совѣта предоставлено было Долинской право участія только въ дальнѣйшемъ производствѣ сего дѣла.

По всѣмъ вышеизложеннымъ основаніямъ и принявъ на видъ: Высочайшее повелѣніе, чтобы дѣло сіе не затягивалось, и ст. 2443 х. т, которая воспрещаетъ подъ видомъ приведенія въ ясность обстоятельствъ дѣла заводить справки, кои къ существу дѣла не принадлежатъ, а служатъ только къ промедленію онаго, я не нахожу достаточнаго основанія обращать настоящее дѣло къ новому переслѣдованію, тѣмъ болѣе, что новый допросъ въ семъ случаѣ, касаясь не другаго, а именно того же предмета, о которомъ большая часть спрошенныхъ лицъ уже разъ показали подъ присягою, имѣлъ бы нѣкоторымъ образомъ видъ вызова ихъ къ клятвопреступленію и заключалъ бы въ себѣ совершенное отступленіе отъ законовъ, охраняющихъ силу и важность данной единожды присяги.

Изъясненныя соображенія, основанныя на розысканіяхъ о происхожденіи Александра, воспитаннаго подъ именемъ Заботина, обнаруживаютъ: а) что сей послѣдній рожденъ въ 1818 г. Ульяною Ширай въ законномъ бракѣ съ генералъ-маіоромъ Шираемъ и воспитывался при матери до 4 лѣтъ въ имѣніи ея мужа, для котораго существованіе сего младенца не было тайною; б) что законность рожденія отъ Ширая и жены его Ульяны сына Александра оглашена была метрическими книгами, изъ которыхъ онъ въ послѣдствіи исключенъ подлогами и подмѣнами; в) что большинство свидѣтелей, спрошенныхъ подъ присягою и по священническому увѣщанію, утвердили рожденіе Александра Ульяною Ширай отъ мужа ея Степана Ширая; г.) что Ульяна Ширай не вела отдѣльной, независи-

мой жизни отъ мужа, а имѣла постоянное, безвыѣздное пребываніе въ родовомъ имѣніи сего послѣдняго, въ которомъ онъ проживалъ по нѣскольку дней, и видѣлся съ своею женою; д) что нарушеніе Ульяною Ширай супружеской вѣрности въ предшествовавшее до рожденія Александра время, ничѣмъ не доказано; е.) что Ширай законность рожденія женою его сына Александра не только нигдѣ и никогда не оспаривалъ формальнымъ порядкомъ, но даже нигдѣ и не оглашалъ до самой смерти своей; ж) что посредствомъ представленныхъ противною стороною доводовъ легко можно оспоривать законность рожденія, если не всякаго, то весьма многихъ, въ явное оскорбленіе святости брака, ограждаемаго законами и наконецъ з) что подлогъ не можетъ быть оправдываемъ никакими нравственными убѣжденіями, которыя, какъ выше уже замѣчено, подлежатъ разнообразнымъ сужденіямъ.

Всѣ сіи уваженія и прилагаемое къ нимъ общее правило, по коему всякое невинно утраченное или похищенное право должно быть возстановлено силою закона, приводятъ къ положительному заключенію, что рожденнаго въ 1818 году Ульяною Ширай сына Александра, на основаніи значащихся по дѣлу сему неотрицаемыхъ данныхъ и по точному содержанію лит. ст. разд. III арт. 28 § 3 и ст. 121, 122 и примѣчанія къ оной х т. св. зак. гр., надлежитъ признать законнымъ ея и генералъ-маіора Ширая сыномъ и, въ слѣдствіе того, возвратить ему отчество и фамилію, по закону принадлежащія, и всѣ права, съ сею фамиліею сопряженныя.

Признавъ такимъ образомъ Александра законнымъ сыномъ генералъ-маіора Ширая и жены его Ульяны и обращаясь за тѣмъ къ разрѣшенію *третьяго и послѣдняго вопроса* о правахъ Александра Ширая на имущество, оставшееся послѣ родителей, нельзя не замѣтить, что права Александра Ширая на имущество, оставшееся послѣ его родителей, различны по разнообразію свойствъ сихъ имуществъ. При разрѣшеніи сего вопроса слѣдуетъ разсмотрѣть: а., права Александра Ширая на благопріобрѣтенное имѣніе отца; б., права

на родовое имѣніе сего послѣдняго, и в., права на родовое имѣніе матери.

Генералъ-маіоръ Ширай крѣпостнымъ духовнымъ завѣщаніемъ, писаннымъ 9-го ноября 1838 года, сознаннымъ и явленнымъ въ установленномъ порядкѣ, предоставилъ все свое благопріобрѣтенное имѣніе двумъ дочерямъ Марьѣ, по мужу Долинской и Анастасьѣ, вышедшей въ послѣдствіи замужъ за Чернолузскаго. Посему и имѣя въ виду, что по раздѣлу 8, артик. и § 1-го всякій властенъ вещи свои движимыя и недвижимое имущество, имъ самимъ пріобрѣтенное, записать кому пожелаетъ, слѣдуетъ признать, что Александръ Ширай не можетъ имѣть никакого участія въ благопріобрѣтенномъ имѣніи отца.

Родовому же своему имѣнію генералъ-маіоръ Ширай составилъ 1-го ноября 1838-го г. распредѣлительный актъ, сознанный въ установленномъ литовскимъ статутомъ порядкѣ. Въ актѣ семъ сказано, что онъ, Ширай, симъ распредѣлительнымъ вѣчистымъ записомъ утверждаетъ и опредѣляетъ въ вѣчное и потомственное владѣніе единственнымъ по немъ наслѣдницамъ полковницѣ Марьѣ Долинской и дѣвицѣ Анастасьѣ Ширай (нынѣ Чернолузская), все родовое, по наслѣдству доставшееся ему имѣніе, съ тѣмъ, что они могутъ вступить во владѣніе симъ имѣніемъ не прежде, какъ послѣ его смерти. Актъ сей, по самому своему названію распредѣлительный, не можетъ быть причисленъ къ разряду актовъ дарственныхъ, а ближе всего подходитъ и по названію и по существу своему къ актамъ завѣщательнымъ. Всякій актъ, посредствомъ коего распредѣляется имѣніе на случай смерти, есть безспорно не дарственный, а завѣщательный актъ; симъ единственно отличается повсемѣстно даръ отъ завѣщанія.

По литовскому статуту (разд. 8 арт. и § 1) дозволено было завѣщевать имѣніе благопріобрѣтенное, но не отцовскія и материнскія родовыя имѣнія.

Сообразивъ означенный распредѣлительный актъ Ширая о родовомъ его имѣніи, учиненный на случай его смерти, съ приведеннымъ закономъ литовскаго статута, оказывается, что

актъ сей, какъ содержащій завѣщательныя распоряженія о родовомъ имѣніи, предъ закономъ не можетъ имѣть силы, а потому Александръ Ширай имѣетъ неотрицаемое право на полученіе изъ родоваго имѣнія, оставшагося послѣ отца, наслѣдственной части, на точномъ основаніи ст. 828 и 952 х т. св. зак. гражд.

Переходя засимъ къ обсужденію правъ Александра Ширая на родовое материнское имѣніе, слѣдуетъ замѣтить, что объ имѣніи семъ имѣются въ виду два акта:

Первый, дарственная запись самой Ульяны Ширай, составленная 17 августа 1809 г., по коей она все движимое и недвижимое свое имѣніе, утвердила вѣчно и потомственно сыновьямъ своимъ Михаилу и Петру и дочерямъ Марьѣ и Анастасіи, съ тѣмъ, чтобы по причинѣ ихъ малолѣтства, отъ сего времени владѣлъ и распоряжалъ имѣніемъ по смерть свою мужъ ея, безъ всякаго со стороны ея препятствія и противорѣчія. Сверхъ того дарительница предоставила мужу своему права и власть сказанныхъ дѣтей ея распредѣлить наслѣдственнымъ записаннымъ отъ нея имѣніемъ, по его разсмотрѣнію и знанію положенія и выгодъ тѣхъ имѣній, и что имъ кому изъ дѣтей опредѣлено будетъ, то никто съ нимъ спорить права не имѣетъ; себѣ же Ульяна Ширай предоставила право пользоваться продовольствіемъ и жизненными припасами. Далѣе Ширай постановила, что она запись свою перемѣнить и нарушить не можетъ, и что равнымъ образомъ мужъ ея не можетъ присвоивать себѣ правъ и власти болѣе той, которыя отъ нея въ сей записи точными и ясными словами ему предоставлены. Актъ сей сознанъ и вписанъ въ актовыя книги, въ предписанномъ литовскимъ статутомъ порядкѣ.

Ближайшее разсмотрѣніе сего акта Ульяны Ширай показываетъ, что сія послѣдняя при жизни своей, съ самаго дня совершенія записи (отъ сего времени, какъ сказано въ записи) отчуждала отъ себя и предоставила постороннимъ лицамъ и право собственности и право владѣнія и распоряженія принадлежавшимъ ей имѣніемъ; посему запись сія содержитъ въ себѣ

необходимыя условія дарственной записи. А какъ на основаніи литовскаго статута разд. III арт. 41 дозволено было вотчинникамъ дарить какъ благопріобрѣтенныя, такъ и родовыя свои имѣнія, то совершенная Ульяною Ширай дарственная запись должна сохранить свою силу.

Признавать сію запись дарственною на случай смерти нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Существенное различіе между дарственною записью при жизни, дарственною на случай смерти и духовнымъ завѣщаніемъ въ томъ и заключается, что на основаніи сихъ послѣднихъ актовъ, какъ владѣніе, такъ и распоряженіе даримымъ имуществомъ оставляется за дарителемъ до самой его кончины и переходитъ къ постороннему лицу только послѣ его смерти; настоящимъ же актомъ Ульяна Ширай, какъ выше уже сказано, и право владѣнія и право распоряженія съ самаго дня совершенія акта, предоставила постороннимъ лицамъ.

Возраженіе, что дѣти Ульяны Ширай, получивъ по акту отъ матери право собственности на подаренное имъ имѣніе, могли вступить во владѣніе и распоряженіе онымъ только по смерти отца своего, и что посему самый актъ нельзя не признать актомъ на случай смерти, не имѣетъ законнаго основанія потому, что одно только условіе о смерти самаго дарителя имѣетъ вліяніе на признаніе акта дареніемъ на случай смерти или духовнымъ завѣщаніемъ. Въ настоящемъ же случаѣ смерть дарительницы не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на право дѣтей ея вступить во владѣніе и распоряженіе подареннымъ имъ имѣніемъ. Что касается до условія относительно вступленія дѣтей Ульяны Ширай во владѣніе имѣніемъ послѣ смерти ея мужа, то это условіе не ослабляетъ силы акта, ибо не только по литовскому статуту, но даже по законамъ общимъ, право пользованія можетъ быть отдѣляемо отъ права владѣнія.

Второй актъ о родовомъ имѣніи Ульяны Ширай есть актъ распредѣлительный мужа ея Степана Ширая 5-го ноября 1838 года, которыми онъ по праву, предоставленному ему

предъидущею дарственною записью жены, раздѣлилъ по ровну родовое имѣніе Ульяны Ширай между двумя дочерьми съ тѣмъ, чтобы онѣ вступили во владѣніе послѣ его смерти.

Право собственности на родовое имѣніе Ульяны Ширай принадлежало по дарственной ея записи 1809 года ея дѣтямъ: сыновьямъ Михаилу и Петру и дочерямъ Маріи и Анастасіи, и потому настоящій распредѣлительный актъ Ширая есть ничто иное, какъ послѣдствіе предоставленнаго ему женою права раздѣлить между ними подаренное имѣніе. Въ такомъ видѣ законность распредѣлительнаго акта Степана Ширая не можетъ быть оспариваема. Но съ другой стороны, разсматривая сей послѣдній актъ въ отношеніи къ наслѣдственнымъ правамъ Александра Ширая, нельзя не принять во вниманіе, что если бы при составленіи Шираемъ распредѣлительнаго акта на родовое имѣніе жены, сыновья его Петръ и Михаилъ находились въ живыхъ, то по точнымъ словамъ дарственной записи ихъ матери, онъ, Ширай, не могъ бы сыновей своихъ лишить слѣдующихъ имъ частей изъ подареннаго имъ матерью имѣнія. Дарственною записью 1809 г. Ульяна Ширай, утверждая права собственности на принадлежавшее ей имѣніе за дѣтьми, тогда ею рожденными, сдѣлала въ актѣ семъ оговорку, что мужъ можетъ только распредѣлить между сказанными дѣтьми имѣніе по знанію положенія и выгодъ имѣнія; слѣдовательно, не исключая изъ нихъ ни одного. Въ окончаніи дарственной записи, какъ бы въ подтвержденіе вышесказаннаго, Ульяна Ширай объяснила, что мужъ ея присвоивать себѣ права и власти болѣе той, которая ему въ сей записи точными и ясными словами предоставлена, не можетъ. Очевидно, что если бы сыновья Шираевъ Михаилъ и Петръ находились въ живыхъ, то Степанъ Ширай не имѣлъ бы права, по силѣ упомянутой записи жены своей, лишить ихъ участія въ имѣніи, подаренномъ имъ матерью. При совершеніи распредѣлительной Ширая записи, Петра и Михаила не было уже въ живыхъ: первый умеръ въ 1809 году, а второй въ 1833 году, но каждый изъ оставшихся въ живыхъ законныхъ наслѣдниковъ вступалъ въ законныя права собственности

послѣ умершаго. Такимъ образомъ послѣ Петра въ принадлежавшую ему по акту матери часть, вступили: братъ Михаилъ и сестры, а послѣ Михаила долженъ наслѣдовать признанный законнымъ братъ его Александръ и сестры Марья и Анастасья. Соображенія сіи о порядкѣ наслѣдованія, въ правахъ собственности, на материнское имѣніе основаны на разд. 3, арт 17 § 2 литовскаго статута, въ которомъ сказано, что въ томъ случаѣ, если бы братья и сестры и не раздѣлили еще доставшееся имъ послѣ родителей имѣніе и одинъ изъ братьевъ, не оставя по себѣ дѣтей, умеръ, тогда его часть отческихъ и купленныхъ имѣній идетъ въ раздѣлъ токмо на братьевъ или на ихъ потомковъ, на сестеръ же слѣдуетъ выдѣлъ приданаго соразмѣрно четвертой части всего отческаго и купленнаго имѣнія. А если бы осталась материнская часть, то братья съ сестрами поровну между собою оное раздѣлить должны. Въ настоящемъ случаѣ Петръ и Михаилъ умерли въ то время, когда материнское имѣніе по записи принадлежало имъ въ собственность, но не было раздѣлено по случаю пожизненнаго владѣнія отца; посему, на основаніи вышеприведеннаго закона, какъ собственная Михаила Ширая часть въ материнскомъ имѣніи, такъ доводящаяся ему по наслѣдству послѣ брата Петра, должны быть раздѣлены поровну между Александромъ Шираемъ и сестрами его Марьею Долинскою и Анастасьею Чернолузскою.

Руководствуясь вышеизложенными соображеніями и законами, управлявшій министерствомъ юстиціи полагалъ:

1.) Рожденнаго въ 1818 году Ульяною Ширай сына Александра признать законнымъ сыномъ ея и генералъ маіора Ширая, возвративъ ему отчество, фамилію и всѣ права, по рожденію принадлежащія.

2.) Родовое имѣніе генералъ-маіора Ширая раздѣлить между сыномъ Александромъ и дочерьми, женою генералъ-маіора Марьею Долинскою и женою коллежскаго совѣтника Анастасьею Чернолузскою, на точномъ основаніи 828 и 952 ст. х. т. св. зак. гр.

3.) Изъ родоваго материнскаго имѣнія часть, доводящуюся умершему въ 1833 году Михаилу Шираю, какъ по собственному праву, такъ и по наслѣдству послѣ умершаго въ 1809 году брата Петра, раздѣлить поровну между Александромъ Шираемъ и сестрами Долинскою и Чернолузскою; все затѣмъ остальное имѣніе материнское оставить въ безспорномъ владѣніи настоящихъ вотчинницъ.

4.) Благопріобрѣтенное недвижимое и движимое имѣніе генералъ-маіора Ширая, согласно завѣщанію его, оставить въ безспорной собственности генералъ-маіорши Долинской и коллежской совѣтницы Чернолузской.

По выслушаніи сего предложенія, въ общемъ собраніи сената составилось узаконенное большинство гг. сенаторовъ, согласныхъ съ предложеніемъ и такимъ образомъ дѣло получило окончательное разрѣшеніе, согласно мнѣнію г. управлявшаго министерствомъ юстиціи.

Б. РУССКАЯ УГОЛОВНАЯ.

Дѣло о заемныхъ письмахъ, выданныхъ коллежскимъ совѣтникомъ Угрюмовымъ за поручительствомъ отставнаго штабсъ-ротмистра гвардіи Саввы Яковлева.

Съ декабря мѣсяца 1843 г. начали поступать ко взысканію въ 1-й департаментъ с. петербургской управы благочинія разныя заемныя письма, выданныя коллежскимъ совѣтникомъ Алексѣемъ Угрюмовымъ за поручительствомъ двоюроднаго брата его, отставнаго штабсъ-ротмистра гвардіи Саввы Яковлева.

По предъявленіи сихъ исковъ Саввѣ Яковлеву, кредиторы до 13 апрѣля 1845 г., получали полное удовлетвореніе отъ Угрюмова или отстрочивали платежи. 13 апрѣля, по предъявленіи Саввѣ Яковлеву исковъ, вступившихъ въ управу благочинія послѣ 20 марта 1845 г., онъ подалъ приставу васильевской части объявленіе, въ которомъ объяснилъ, что до его свѣдѣнія дошло о составленіи фальшивыхъ подписей его руки; поэтому, для удостовѣренія подлинности подписи его на предъявленныхъ ко взысканію заемныхъ письмахъ, онъ явится въ 1-й департаментъ управы благочинія.

7 мая Савва Яковлевъ явился въ управу, разсмотрѣлъ всѣ вступившія на него иски, нѣкоторые изъ нихъ призналъ правильными, о большей же части заемныхъ писемъ (на сумму 457,150 р. с.) отозвался, что подписи на этихъ письмахъ сдѣланы не имъ и по симъ обязательствамъ онъ никогда не ручался.

На предложенный Яковлеву вопросъ, по какимъ именно признакамъ онъ одни подписи признаетъ, другія отвергаетъ, Яковлевъ отвѣчалъ, что подложность подписей онъ узнаетъ по буквамъ В. Г. Д. И. Ж. и Я и вообще по лучшему письму и несходству съ его рукою.

Между тѣмъ, по дошедшимъ до государя императора свѣдѣніямъ, что коллежскій совѣтникъ Угрюмовъ выдалъ на милліонъ рублей серебромъ заемныхъ писемъ съ фальшивымъ поручительствомъ штабсъ-ротмистра Саввы Яковлева, его императорское величество Высочайше повелѣть соизволилъ: немедленно арестовать Угрюмова, а засимъ дѣло передать разсмотрѣнію судебнымъ порядкомъ.

Шефъ корпуса жандармовъ, сообщая военному генералъ губернатору о семъ Высочайшемъ повелѣніи, препроводилъ, въ доказательство виновности Угрюмова, собственноручное письмо его къ Яковлеву слѣдующаго содержанія: «Любезнѣйшій Сав«ва, благодарю тебя за твое доброе расположеніе, я предъ то«бою виноватъ, бывъ увлеченъ страстями и ужасными прижим«ками кредиторовъ, я давалъ фальшивыя ручательства на моихъ «векселяхъ отъ твоего имени и оставляю объявленіе, писанное «и подписанное моею собственною рукою, чтобы тебѣ не имѣть «никакихъ непріятностей, въ случаѣ моей смерти. Преданный «тебѣ Алексѣй Угрюмовъ».

Къ этому письму было приложено слѣдующее объявленіе, написанное на листѣ почтовой бумаги: «Я, нижеподписав«шійся, объявляю по собственному согласію, что давалъ пору«чительства за подписомъ штабсъ-ротмистра Саввы Алексѣе«ва Яковлева, въ чемъ и подписуюсь собственноручно. Кол«лежскій совѣтникъ Алексѣй Ивановъ сынъ Угрюмовъ».

При предъявленіи этихъ бумагъ коллежскому совѣтнику Угрюмову, онъ объяснилъ, что, узнавъ объ отзывѣ Яковлева, данномъ полиціи 13 апрѣля, въ письмахъ къ предсѣдателю 1-го департамента управы благочинія 16 апрѣля и къ отцу Саввы Яковлева, отставному гвардіи корнету Алексѣю Яковлеву 18 числа, онъ объяснилъ несправедливость этого отзыва. 24 апрѣля видѣлся съ Саввою Яковлевымъ въ управѣ и они усло-

вились съѣхаться 26 числа въ квартирѣ полковника Бема. На другой день въ 1 часу пополудни, не заставъ дома живущаго въ малой конюшенной улицѣ отставнаго штабсъ-ротмистра Евреинова, онъ вышелъ изъ воротъ на улицу и увидѣлъ подъѣхавшаго Савву Яковлева, который, указавъ на бывшій у него въ рукахъ свертокъ бумагъ, сказалъ ему: «подпиши эти бу-«маги, дѣло все кончено, процесса не будетъ и ты со всѣми «долгами квитъ, даю въ томъ честнѣйшее и благородное сло-«во, только обѣщай подписаться безусловно». Это обѣщаніе онъ далъ, не смотрѣвши бумагъ, и, возвратившись въ квартиру Евреинова, переписалъ изготовленныя Яковлевымъ собственною его рукою бумаги, и хотя спрашивалъ у него, для чего ему эти бумаги, но Яковлевъ отвѣтилъ, что это его уже дѣло и чтобы онъ былъ покоенъ. Послѣ даннаго Яковлевымъ честнѣйшаго и благороднаго слова, что дѣло все кончено, ему, Угрюмову, не могло и на мысль придти, что Яковлевъ имъ же самимъ сочиненныя бумаги представилъ противъ него какъ обвинительный актъ; прописаннаго въ нихъ поступка онъ, Угрюмовъ, никогда не дѣлалъ, и всѣ заемныя письма, выданныя имъ за порукою Саввы Яковлева, дѣйствительно имъ, Яковлевымъ; подписаны.

Яковлевъ, съ своей стороны, на вопросы, гдѣ и какимъ образомъ онъ получилъ отъ Угрюмова письмо съ приложеннымъ объявленіемъ и какія онъ имѣлъ свѣдѣнія о фальшивыхъ отъ имени его поручительствахъ, отвѣчалъ, что въ 1845 г. Угрюмовъ изустно признался ему въ составленіи фальшивыхъ подписей; письмо же и объявленіе получилъ, встрѣтивъ Угрюмова 25 апрѣля у квартиры Евреинова, когда сказалъ ему, что хотя онъ и не стоитъ, чтобы онъ старался спасти его, но, по бывшему расположенію, даетъ ему право искать на его имя большой суммы для выкупа фальшивыхъ порукъ, но требуетъ отъ него письменнаго признанія въ составленіи сихъ порукъ, которое Угрюмовъ ему и далъ, онъ же, съ своей стороны, обѣщалъ сохранить письмо и объявленіе въ тайнѣ, пока не потребуютъ его въ какое либо правительственное мѣсто. При семъ Яковлевъ объяснилъ, что онъ не помнитъ, видѣлся ли съ Угрюмовымъ 21 числа.

При распечатаніи слѣдователемъ при полицейскихъ чиновникахъ кабинета Угрюмова, послѣдній отобралъ и представилъ къ дѣлу слѣдующія бумаги:

А) записки Саввы Яковлева къ нему, Угрюмову,

1, На французскомъ языкѣ: «Среда прошла; по крайней «мѣрѣ будьте столько характерны и скажите мнѣ, что нѣтъ у «васъ намѣренія писать къ моему отцу, я долженъ дѣйство«вать въ свою очередь. Прошу дать мнѣ отвѣтъ вечеромъ».

2, «Виноградовъ подалъ на насъ ко взысканію, увѣдомляю тебя».

3, «Сейчасъ былъ у меня квартальный и требовалъ де«негъ по тремъ заемнымъ письмамъ, два Виноградскаго въ «26000 р. с. и одно Пушкина въ 10000 р., прошу меня увѣ«домить, какъ ты намѣренъ кончить».

Б) Копіи съ писемъ Угрюмова къ отцу Яковлева и кредиторамъ. Первое слѣдующаго содержанія: «Крайняя необхо«димость заставляетъ меня къ вамъ писать. Сынъ вашъ Сав«ва Алексѣевичъ поручился за меня почти на милліонъ рублей «серебромъ; когда онъ получилъ письменное ваше согласіе на «отправленіе его на Кавказъ, то объявилъ онъ самъ, что дол«ги мои причиною, что онъ ѣдетъ на Кавказъ на вѣрную смерть; «тогда сказалъ я С. А., что я пишу вамъ о всѣхъ долгахъ и «самъ себя застрѣлю. С. А., весьма одобрилъ мое намѣреніе и въ «послѣдствіи нѣсколько разъ понуждалъ меня какъ можно ско«рѣе исполнить намѣреніе это, что я не однократно говорилъ «сыну вашему Ивану Алексѣевичу, который удивлялся жесто«косердію и эгоизму своего брата; будучи въ полномъ увѣ«реніи, что я себя застрѣлю, по внушенію, вѣроятно, нѣкото«рыхъ людей, началъ распространять слухи, что не помнитъ, «на какихъ заемныхъ письмахъ подписывался порукою, а по«томъ, будто бы есть и такія, которыя онъ не подписывалъ. «Въ такомъ уже родѣ далъ онъ отзывъ 13 апрѣля въ василь«евскую часть, и я письменно предувѣдомилъ г. предсѣдателя «управы благочинія о странномъ и непонятномъ для меня от«зывѣ Саввы Алексѣевича. Теперь, любезнѣйшій дяденька, дол«гомъ считаю изложить, какъ я буду дѣйствовать, если Савва

«Алексѣевичъ въ первое присутствіе управы благочинія, въ бу-«дущій понедѣльникъ, т. е. 23 апрѣля, объявитъ, что представ-«ленныя ко взысканію заемныя письма будто бы не имъ по-«рукою подписаны, то я, если буду живъ, на сдѣланный мнѣ «по такому отзыву вопросъ, буду утвердительно отвѣчать, что «всѣ заемныя письма мною выданы за порукою Саввы Алек-«сѣевича, дѣйствительно имъ подписаны, если же меня не бу-«детъ въ живыхъ, то для огражденія моей чести и послѣ смер-«ти, ко всѣмъ кредиторамъ приготовлены у меня письма, съ «которыхъ копію при семъ вамъ прилагаю; письма сіи преж-«де смерти моей непремѣнно будутъ доставлены по назначе-«нію. Я знаю, что какъ сынъ вашъ, такъ и я пойдемъ подъ «уголовный судъ, процессъ этотъ будетъ извѣстенъ всей Ев-«ропѣ; по стеченію всѣхъ обстоятельствъ, которыя теперь мнѣ «трудно вамъ объяснить, сынъ вашъ, останусь ли я въ жи-«выхъ или нѣтъ, будетъ принужденъ къ уплатѣ всей суммы, а мо-«жетъ быть и строгой отвѣтственности за несправедливый извѣтъ; «дѣло, разъ начатое, нельзя будетъ прекратить никакими день-«гами, теперь же все это можно было бы уладить гораздо «легче; заемныя письма можно было бы, дѣйствуя благора-«зумно, скупить менѣе, чѣмъ за полъ цѣны; если бы вамъ «угодно было меня принять, я бы вамъ объяснилъ, какъ на-«добно поступить; или потрудитесь поручить Ивану Алексѣ-«евичу или графу Александру Ивановичу объ этомъ со мною «переговорить; прошу у васъ прощенія за всѣ огорченія, ко-«торыя исторія эта вамъ уже навлекла; будьте увѣрены, что «я всегда помню оказанныя вами мнѣ милости и умоляю «васъ прекратить это дѣло. Извѣтъ, сдѣланный Саввою Алек-«сѣевичемъ о составленіи будто бы мною фальшивой подписи, «какъ слышалъ я, посланъ уже въ управу, а если вы раз-«судите въ этомъ дѣлѣ принять участіе, то надобно дѣйство-«вать, не теряя нисколько времени, ибо послѣ уже исправить «будетъ невозможно».

Второе слѣдующаго содержанія: «милостивый государь, «дошло до свѣдѣнія моего, что двоюродный мой братъ, от-«ставной гвардіи штабсъ-ротмистръ Савва Алексѣевичъ Яков-

«левъ, возъимѣлъ злое намѣреніе отрекаться отъ подписи свое-«ей руки по нѣкоторымъ заемнымъ письмамъ, выданнымъ «мною за его порукою; такъ какъ ему самому извѣстно, что «онъ не всегда подписывался единообразно, то онъ, вѣроятно, «по внушенію нѣкоторыхъ людей, хочетъ воспользоваться этимъ, «чтобы избѣгнуть платежа. На случай моей смерти, пишу я «вамъ это письмо, которое, въ случаѣ тяжбы, да послужитъ «вамъ доказательствомъ, что какъ ваше заемное письмо, такъ «и всѣ прочія заемныя письма, выданныя мною за порукою «Саввы Алексѣевича Яковлева, дѣйствительно имъ написаны; при «этомъ я долженъ присовокупить, что нѣкоторыя заемныя письма «подписывались при самихъ кредиторахъ, да и послѣдняя въ не «давнемъ еще времени сдѣланная и многимъ извѣстная просьба «Саввы Алексѣевича Яковлева къ отцу своему, чтобы онъ далъ «ему милліонъ рублей серебромъ, не ясно ли служитъ доказа-«тельствомъ, что ему извѣстно было, что онъ поручился за «меня почти на милліонъ рублей серебромъ, что дѣйствитель-«но и есть, теперь же когда отецъ отказалъ ему въ деньгахъ, «отказался онъ за меня ручаться, т. е. съ 7 прошлаго марта «мѣсяца и полагая на вѣрное, что я не переживу всѣхъ не-«пріятностей, сопряженныхъ съ огромными долгами, рѣшился «объявлять, что будтобы не онъ подписывался порукою, но «подобно какъ вамъ, такъ и ко всѣмъ кредиторамъ, я напи-«салъ такого же рода письма, которыя какъ при жизни моей, «такъ и послѣ смерти моей должны уничтожить совершенно «злое намѣреніе Саввы Алексѣевича Яковлева, какъ въ отно-«шеніи васъ, такъ и въ отношеніи меня самаго; честь имѣю «быть вашъ покорный слуга. 19 апрѣля 1845 г.».

В) списокъ кредиторамъ съ означеніемъ суммы долговъ на 991,363 р. 58 к. с.

Относительно вышеприведенныхъ записокъ Угрюмовъ объяснилъ, что, въ первыхъ числахъ марта 1845 г. Яковлевъ объявилъ ему, что ручаться за него болѣе не будетъ и что онъ просилъ у отца милліонъ рублей серебромъ, для уничтоженія долговъ и, получивъ отказъ, просилъ позволенія служить на Кавказѣ; на первоначальную просьбу отецъ отказалъ, а на

вторичную письменную получилъ письменное согласіе, которое тутъ же показалъ ему, и прибавилъ, что ѣдетъ на вѣрную смерть изъ за него. На это онъ отвѣчалъ, что если нѣтъ другаго средства уничтожить долги, то лучше онъ лишитъ себя жизни, написавъ прежде о всѣхъ долгахъ его отцу. Яковлевъ весьма одобрилъ это намѣреніе и съ слѣдующаго дня началъ понуждать его къ исполненію, такъ что онъ сказалъ наконецъ, что исполнитъ въ среду, но въ какое число не помнитъ. Слова эти были сказаны въ первомъ пылу разговора совершенно необдуманно, но, разсудивъ по долгу христіанина и гражданина, онъ не привелъ ихъ къ исполненію, послѣ чего Яковлевъ и написалъ къ нему записку, въ которой напоминаетъ, что среда прошла; другія двѣ записки служатъ доказательствомъ, что Яковлевъ ручался по заемнымъ письмамъ, выданнымъ Виноградову и Пушкину, ибо о Виноградовѣ пишетъ, что онъ подалъ на *насъ* ко взысканію, слѣдовательно долги эти у нихъ считались общими, ибо справкою можно удостовѣриться, что Виноградовъ подалъ ко взысканію на одного Яковлева; списокъ кредиторамъ есть копія со списка, доставленнаго Яковлеву для того, чтобы показать ему, на какую сумму онъ ручался.

Штабсъ-ротмистръ Савва Яковлевъ съ своей стороны на предложенные ему вопросы объяснилъ, что записка на французскомъ языкѣ писана потому, что Угрюмовъ обѣщалъ писать въ среду къ отцу его о своихъ долгахъ; другіе же двѣ писаны потому, что онъ, не имѣя реэстра долгамъ и не видя подлинныхъ заемныхъ писемъ, не считалъ поручительныхъ подписей фальшивыми и узналъ о семъ въ послѣдствіи уже по обозрѣніи заемныхъ писемъ, что Угрюмовъ сдѣлалъ ему признаніе въ своемъ проступкѣ въ февралѣ и мартѣ 1845 г. на его квартирѣ безъ свидѣтелей, что письмо и объявленіе Угрюмова, писанныя въ квартирѣ Евреинова, сочинены были самимъ Угрюмовымъ, бумага же и перья были привезены имъ, потому, что онъ ѣхалъ къ Бему переписать урокъ англійскаго языка; что Угрюмовъ говорилъ ему всегда, что сберетъ кредиторовъ и объявитъ имъ о фальшивомъ поступкѣ своемъ,

въ надеждѣ, что они возьмутъ заемныя письма прямо на его имя, что онъ говорилъ Угрюмову о намѣреніи своемъ служить на Кавказѣ, но Угрюмовъ отвѣчалъ, что онъ больной и не выпесетъ службы, что Угрюмовъ неоднократно говорилъ ему о намѣреніи своемъ лишить себя жизни и даже пріѣзжалъ къ нему съ заряженными пистолетами, почему онъ приказалъ своимъ людямъ не принимать его; что списокъ кредиторамъ онъ точно далъ Угрюмову списать, когда начали доходить до него слухи, что у Угрюмова долгу до милліона рублей серебромъ, но Угрюмовъ ему отвѣчалъ: «все вздоръ», что милліонъ просилъ у отца потому, что, не имѣя никакой собственности, желалъ имѣть оную, но не имѣлъ намѣренія уплачивать долги Угрюмова, что служить на Кавказѣ было его желаніе, чтобы видѣть на практикѣ, какъ ведется война, о томъ что просилъ 1 м. р. с. у отца для уничтоженія долговъ и что ѣдетъ на вѣрную смерть на Кавказъ чрезъ Угрюмова, онъ Угрюмову не говорилъ; что онъ не можетъ болѣе за него ручаться, онъ объявилъ Угрюмову въ концѣ января, при чемъ онъ говорилъ ему о намѣреніи своемъ писать отцу его о долгахъ, но не упоминалъ ничего о намѣреніи его служить на Кавказѣ, подобно тому не упоминалъ и о намѣреніи лишить себя жизни; при семъ, въ доказательство фальшиваго поступка Угрюмова, Яковлевъ приложилъ полученное отъ него 14 апрѣля письмо, слѣдующаго содержанія: «любезнѣйшій «Савва, Михайло Александровичъ передалъ мнѣ вчерашній раз«говоръ съ твоимъ отцомъ; весьма благодаренъ тебѣ за при«нимаемое во мнѣ участіе, но чтоже дѣлать, не твоя вина «если успѣха никакого нѣтъ; прошу тебя, подпиши прила«гаемый при семъ отзывъ, онъ тебя ни сколько не принудитъ «къ уплатѣ потому, что въ немъ положительно сказано, что «ты пріѣдешъ въ управу благочинія для разсмотрѣнія доку«ментовъ; слѣдовательно, до тѣхъ поръ, пока ты ихъ не раз«смотрѣлъ, ты ни за что не отвѣчаешъ; это такъ ясно, что «ты вѣрно самъ нисколько не можешъ въ этомъ сомнѣвать«ся и потому, прошу тебя еще разъ, не откажи въ моей «просьбѣ».

Объ этомъ письмѣ Угрюмовъ объяснилъ, что 14 апрѣля титулярный совѣтникъ Михаилъ Александровичъ Флоровъ, пріѣхавъ къ нему, сказалъ, что Савва Яковлевъ просилъ своего отца уплатить по всѣмъ заемнымъ письмамъ, по которымъ онъ ручался, но отецъ его на это не согласился, почему онъ и благодарилъ Савву Яковлева за принимаемое участіе, кромѣ того въ слѣдствіе отзыва, сдѣланнаго Саввою Яковлевымъ за день предъ симъ въ васильевскую часть, онъ предполагалъ написать къ предсѣдателю 1-го департамента управы благочинія письмо, но, не приступая еще къ этой мѣрѣ, 14 апрѣля просилъ Савву Яковлева перемѣнить сдѣланный имъ отзывъ, а написать тотъ, который посылался ему, именно, что онъ для личнаго удостовѣренія въ подписяхъ явится въ управу. Это доказываетъ, что онъ нисколько не опасался, чтобы заемныя письма при явкѣ Яковлева въ управу, могли быть имъ не признаны.

Выставленные Угрюмовымъ и Яковлевымъ свидѣтели, подъ присягою, показали: надворный совѣтникъ Бемъ, что дѣйствительно видѣлъ иногда въ прошедшихъ годахъ, какъ Яковлевъ что то писалъ на заемныхъ письмахъ присылаемыхъ, а иногда приносимыхъ Угрюмовымъ самимъ, но что именно писалъ онъ, о томъ не любопытствовалъ, и кому именно даны были обязательства, показать не можетъ, а въ 1845 г. подобной подписи ни разу не видалъ и что Яковлевъ точно ѣзжалъ къ нему неоднократно переписывать составленныя имъ, Бемомъ, выписки на англійскомъ языкѣ и всегда привозилъ съ собою бумагу и перья.

Люди, находящіеся у Яковлева въ услуженіи, безъ присяги показали, что Угрюмовъ прежде ѣздилъ къ Яковлеву каждый день, а съ пасхи 1845 г. ѣздить пересталъ, но чтобы пріѣзжалъ когда либо съ заряженными пистолетами, того не видали и не слыхали.

Сергѣй Козловъ показалъ, что на праздникъ пасхи, числа не помнитъ, Яковлевъ позвалъ его къ себѣ и объявилъ, что у него былъ Угрюмовъ съ дурнымъ намѣреніемъ, похожимъ на то, какъ бы хотѣлъ застрѣлиться, по чему и приказалъ на-

блюдать, чтобы Угрюмовъ не былъ пускаемъ болѣе въ домъ.

При дальнѣйшемъ осмотрѣ бумагъ, бывшихъ въ кабинетѣ Угрюмова, найдены между прочимъ, двѣ записки Яковлева, въ которыхъ онъ писалъ: въ первой: «дѣлай какъ хочешъ и что хочешъ,» и во второй: «господинъ Угрюмовъ, по-«старайтесь болѣе имѣть вниманія къ вашимъ долгамъ и из-«бавить меня отъ посѣщенія квартальнаго, бывшаго у меня со «взысканіемъ 7,000 р. с. Посникова.

Сверхъ того найдены: 1) записка Мусина-Пушкина слѣдующаго содержанія: «по данному мною вамъ, милостивый го-«сударь Савва Алексѣевичъ, обѣщанію, извѣщаю васъ, что я «денегъ не получилъ и затѣмъ прошу васъ уже ихъ пред-«ставить въ полицію»; 2) письмо Елизы Нейманъ отъ 13 ноября 1844 г., въ которомъ она проситъ Яковлева прислать за Угрюмова 600 р., увѣдомляя, что за нимъ будетъ оставаться долгу 800 р. с.; 3) письмо Фліорковскаго къ Саввѣ Яковлеву отъ 6 апрѣля 1845 г., въ которомъ жалуется на Угрюмова за неплатежъ 4000 р. с.; 4) 212 заемныхъ писемъ Угрюмова за поручительствомъ Саввы Яковлева, изъ коихъ большая часть также признана Яковлевымъ фальшивыми и 5) письмо Угрюмова къ Саввѣ Яковлеву такого же содержанія, какъ посланное имъ 19 апрѣля Алексѣю Яковлеву.

Объ этихъ бумагахъ Угрюмовъ объяснилъ, что первая записка, не помнитъ по какому случаю, написана Саввою Яковлевымъ и вѣроятно есть отвѣтъ на извѣщеніе со стороны его, что кто нибудь изъ кредиторовъ не соглашается перемѣнить заемнаго письма. Вторая записка служитъ доказательствомъ, что заемныя письма, поступившія ко взысканію за поручительствомъ Яковлева, были предъявлены ему отъ полиціи, о чемъ Яковлевъ извѣщалъ его для того, чтобы онъ принималъ мѣры къ прекращенію иска. Третья записка служитъ доказательствомъ что Пушкинъ самъ говорилъ Яковлеву о подачѣ на него ко взысканію и Яковлевъ обѣщалъ отдать деньги, но такъ какъ ихъ не могъ достать, то послалъ къ нему, Угрюмову, записку Пушкина съ тѣмъ, чтобы уговорить его переписать заемныя письма, что и было имъ исполнено. Четвертая и пятая записки

подтверждаютъ показаніе его о томъ, что многіе изъ кредиторовъ, когда приходили сроки заемнымъ письмамъ, относились къ Яковлеву объ уплатѣ или перемѣнѣ обязательствъ, а онъ, получая по этому предмету записки, препровождалъ оныя къ Угрумову; заемные же письма за порукой Яковлева, найденныя въ кабинетѣ его, были переписаны или уплачены, возвращены ему кредиторами, что же касается до письма къ Саввѣ Яковлеву, то оно было посылаемо въ одно время съ письмомъ къ отцу его чрезъ маклера Мельникова, который, отдавъ письмо дядѣ, дожидался въ передней; въ тоже время былъ позванъ къ нему Савва Яковлевъ; чрезъ 10 минутъ дядя вышелъ въ переднюю и сказалъ Мельникову, что отвѣта никакого нѣтъ, почему Мельниковъ возвратился къ нему, и отдалъ обратно письмо, адресованное къ Саввѣ Яковлеву, а такъ какъ содержаніе онаго почти тоже самое, что и къ отцу, то, будучи увѣренъ, что оно будетъ извѣстно Саввѣ Яковлеву, онъ не посылалъ уже къ нему вторично того письма, которое найдено при обыскѣ.

Яковлевъ съ своей стороны объяснилъ, что первую записку, не помнитъ, по какому случаю писалъ; вторую писалъ, получивъ извѣщеніе полиціи; отъ Мусина-Пушкина никакой записки не получалъ, отдать ему деньги не обѣщалъ и упрашивать его о перемѣнѣ заемнаго письма Угрюмову не поручалъ, записки Фліорковскаго и Неймана переслалъ Угрюмову для того, чтобы онъ зналъ, что ему слѣдуетъ заплатить.

Титулярный совѣтникъ Флоровъ безъ присяги показалъ, что Угрюмовъ былъ у него 13 апрѣля и просилъ его сходить къ Ивану Яковлеву и объявить ему, что такъ какъ Савва Яковлевъ давно уже пересталъ за него ручаться, то онъ вынужденъ былъ давать заемныя письма, подписываясь въ поручительствѣ подъ руку Саввы, что все это Флоровъ передалъ Ивану Яковлеву, который отъ сего пришелъ въ большее разстройство и негодованіе и тутъ же написалъ слѣдующій отвѣтъ: «что «сдѣлано, то сдѣлано, поправить трудно, завтра поѣду къ отцу «и поговорю о семъ, при чемъ скажи мнѣ по совѣсти, не да-

«валъ ли ты подобныхъ заемныхъ писемъ, подписывая и подъ «мою руку»? Отвѣтъ сей, по снятіи съ него копіи, Флоровъ отдалъ Угрюмову, при вторичномъ же свиданіи съ нимъ Угрюмовъ хотѣлъ ѣхать къ генералу Сухозанету, чтобы сознаться предъ нимъ и выпросить въ займы 300 т. руб. сер. или убѣдить его съѣздить къ дядѣ и умилостивить его и что вѣроятно по сей причинѣ Сухозанетъ былъ у Алексѣя Яковлева 21 апрѣля.

Противъ сего Угрюмовъ возразилъ, что показанія Флорова большею частію ложны, потому что онъ никогда не говорилъ ему, будтобы подписывался на заемныхъ письмахъ порукою вмѣсто Саввы Яковлева, дѣйствительно же говорилъ, что Савва Яковлевъ просилъ отца объ уплатѣ всѣхъ долговъ, но что отецъ въ этомъ отказалъ; послѣ сего просилъ Флорова сходить къ Ивану Яковлеву и передать ему разговоръ, бывшій между Саввою Яковлевымъ и отцемъ его; чрезъ нѣсколько времени Флоровъ воротился и передалъ ему записку Ивана Яковлева, въ которой онъ писалъ, что весьма сожалѣетъ о томъ, что произошло и поѣдетъ къ отцу просить его о прекращеніи этого дѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ увѣдомить, не поступило ли на него ко взысканію какихъ либо заемныхъ писемъ по даннымъ за него, Угрюмова, ручательствамъ, и на какую сумму онъ ручался. Въ этотъ же день Иванъ Яковлевъ ѣздилъ къ своему отцу, а по возвращеніи отъ него, видѣлся съ нимъ и сказалъ, что отецъ ужасно сердитъ на него и не хочетъ принимать никакого участія въ этомъ дѣлѣ; о томъ же, чтобы Флоровъ говорилъ ему о сознаніи его въ фальшивой подписи, ничего не сказалъ, что вѣрно бы сдѣлалъ, если бы слова Флорова были справедливы, тѣмъ болѣе, что онъ говорилъ Ивану Яковлеву, какъ не стыдно его брату отпираться отъ своей поруки; 19 апрѣля онъ говорилъ Флорову, что эту исторію надо непремѣнно кончить, и что онъ, зная, что дядя имѣетъ довѣріе и уваженіе къ Сухозанету, поѣдетъ къ нему, разскажетъ все какъ было и будетъ просить, чтобы онъ уговорилъ дядю прекратить возгорѣвшееся дѣло и точно 24 числа ѣздилъ къ Сухозанету, разсказалъ ему о томъ, что онъ писалъ дядѣ и о томъ, что Савва

Яковлевъ хочетъ отрекаться отъ своей руки; Сухозапетъ сказалъ, что онъ постарается узнать объ этой исторіи и тогда уже поѣдетъ къ дядѣ; послѣ сего 30 апрѣля былъ у него и совѣтовалъ прекратить дѣло. Между тѣмъ 19 апрѣля онъ, Угрюмовъ, просилъ Флорова узнать отъ Саввы Яковлева, не захочетъ ли отецъ его принять участіе въ этомъ дѣлѣ и не образумился ли самъ Савва Яковлевъ, чтобы не отрекаться отъ своей руки; но 20 числа Флоровъ сказалъ ему, что онъ зайти къ Саввѣ Яковлеву не имѣлъ времени. Къ сему возраженію Угрюмовъ присовокупилъ, что назадъ тому лѣтъ десять, когда Савва Яковлевъ началъ занимать деньги у разныхъ лицъ, то вмѣсто его выдавалъ заемныя письма Флоровъ, а Яковлевъ подписывался порукою; послѣ того Флоровъ къ Саввѣ Яковлеву продолжалъ ходить весьма часто, исправлялъ разныя его порученія, и былъ лицомъ совершенно довѣреннымъ; отзывы Яковлева въ васильевскую часть отъ 14 и 20 апрѣля, въ которыхъ онъ началъ показывать, будтобы извѣстился о существованіи фальшивыхъ заемныхъ писемъ, писаны рукою Флорова (*), а можетъ быть имъ и составлены, а потому онъ въ настоящее время дѣлаетъ на него доносъ, по просьбѣ Яковлева въ подтвержденіе сдѣланнаго имъ извѣта.

Титулярный совѣтникъ Иванъ Яковлевъ объяснилъ, что Флоровъ о сознаніи Угрюмова въ подложномъ подписаніи заемныхъ писемъ подъ руку брата ему не говорилъ, а разсказывалъ только, что отецъ его встрѣтилъ на лѣстницѣ квартальнаго надзирателя и узналъ, что много представлено въ управу заемныхъ писемъ Угрюмова за поручительствомъ Саввы Яковлева и что Савва не признаетъ себя обязаннымъ дѣлать удовлетвореніе потому, что Угрюмовъ будто поддѣлалъ его подпись, сверхъ того Флоровъ сказалъ, что Угрюмовъ проситъ похлопотать за него у отца. Послѣ сего онъ при Флоровѣ написалъ къ Угрюмову записку, въ которой изъявлялъ сожалѣніе о происшедшемъ и, имѣя съ нимъ денежныя дѣла, просилъ прислать реэстръ долговъ за поручительствомъ его; эту

(*) Отзывы сіи дѣйствительно писаны не рукою Яковлева.

записку отдалъ Флорову незапечатанною, а самъ въ тотъ же день отправился къ отцу, но, видя его весьма огорченнымъ, не позволилъ себѣ говорить за Угрюмова, которому впослѣдствіи сказалъ, что отецъ сердитъ и не хочетъ принимать въ немъ никакого участія.

На очныхъ ставкахъ Угрюмовъ, Флоровъ и Иванъ Яковлевъ остались при своихъ показаніяхъ.

Относительно прежнихъ займовъ Савва Яковлевъ объяснилъ, что точно займы были дѣланы, но не чрезъ Флорова, знакомъ же онъ съ Флоровымъ лѣтъ 18, но особыхъ отношеній между ними не было.

Отставной Корнетъ Алексѣй Яковлевъ отозвался, что дѣйствительно платилъ за сына Савву долги, но кому и какую сумму, не помнитъ. Генералъ Сухозанетъ въ одно изъ посѣщеній своихъ, говорилъ ему, что Угрюмовъ былъ у него, болѣе о семъ онъ ничего не помнитъ. Въ 1843 г. въ лѣтнее время у него былъ надзиратель по какой то претензіи Угрюмова, за поручительствомъ сына его, но чья эта претензія и на какую сумму, онъ теперь совсѣмъ забылъ. Объ этомъ тогда же сказалъ Угрюмову и сыну своему и они увѣрили его, что эта претензія будетъ очищена, а послѣ того ни о какихъ взысканіяхъ ни съ того, ни съ другаго не слыхалъ.

Генералъ Сухозанетъ, спрошенный безъ присяги, по освобожденію отъ оной обѣими сторонами, увѣдомилъ слѣдователя, что Угрюмовъ, знакомый по дому дяди его, Алексѣя Яковлева, дѣйствительно пріѣзжалъ къ нему въ апрѣлѣ 1845 г. и сказывалъ, что двоюродный братъ его Савва Яковлевъ, поручившись за него на большую сумму, отрекается отъ своей подписи и утверждаетъ, будто онъ, Угрюмовъ, дѣлалъ ихъ отъ имени Яковлева, фальшиво, почему Угрюмовъ зная отношенія его съ отцомъ Яковлева, просилъ ходатайства къ потушенію этой исторіи. Выслушавъ Угрюмова, онъ вызвалъ его на откровенное объясненіе, но тотъ не только не сдѣлалъ сознанія въ фальшивой за Яковлева подписи, но напротивъ съ оскорбленнымъ чувствомъ, приличнымъ благородному человѣку, убѣдительно доказывалъ, что онъ вовсе не имѣлъ надобности прибѣгать къ

такому постыдному средству, ибо Савва Яковлевъ всегда безотговорочно подписывался поручителемъ по немъ на заемныхъ письмахъ. Послѣ сего Сухозанетъ отвѣчалъ Угрюмову, что, освѣдомясь объ общемъ мнѣніи въ городѣ на счетъ этой исторіи, увидится съ Алексѣемъ Яковлевымъ и постарается сдѣлать, что будетъ возможно. Вскорѣ послѣ разговора сего хотя и былъ у Алексѣя Яковлева, но, найдя его разстроеннымъ, разогорченнымъ и раздраженнымъ противъ его племянника, считалъ неприличнымъ предлагать какіе либо совѣты, будучи убѣжденъ, что собственный его судъ въ семействѣ будетъ самый справедливый и самый безпристрастный.

Изъ числа кредиторовъ Угрюмова, на заемныхъ письмахъ которыхъ Яковлевъ отрекся отъ своей подписи, показали:

Маіоръ Лемтюжниковъ и надворный совѣтникъ Самсоновъ, что Яковлевъ въ присутствіи ихъ самъ подписывался на заемныхъ письмахъ, при чемъ Самсоновъ добавилъ, что онъ съ требованіемъ уплаты всегда обращался лично къ Саввѣ Яковлеву, который никогда не отказывался.

Другіе 10 кредиторовъ, что Яковлевъ ихъ лично удостовѣрялъ, что онъ отвѣчаетъ за обязанность Угрюмова и непремѣнно за него уплатитъ.

На очныхъ ставкахъ двое изъ нихъ сознались, что это удостовѣреніе относилось къ другимъ обязательствамъ уже уплоченнымъ, остальные же остались при своихъ показаніяхъ.

Купецъ Трибаудино, что хотя заемныя письма написаны на имя Угрюмова, но деньги онъ выдавалъ самому Яковлеву и съ нимъ только имѣлъ дѣло.

Маіоръ Сусскій, что онъ показывалъ Яковлеву заемныя письма еще въ мартѣ 1845 г. и тотъ о подписи своей не говорилъ ни слова.

Капитанъ Мусинъ-Пушкинъ, что Яковлевъ удостовѣрялъ его, что онъ ручается за Угрюмова, что заемныя письма уже были представляемы ко взысканію чрезъ полицію васильевской части и Яковлевъ, не отрицая своей подписи, просилъ только объ отсрочкѣ, на что онъ, Мусинъ-Пушкинъ, согласился.

Полиціймейстеръ Трубачеевъ и надзиратель Беттихеръ подтвердили показаніе Мусина-Пушкина.

Противъ этихъ показаній Яковлевъ отозвался, что они несправедливы, при чемъ онъ и остался на очныхъ ставкахъ съ кредиторами.

Изъ числа прочихъ кредиторовъ нѣкоторые отозвались, что противъ отрицательства Яковлева отъ подписи никакихъ доказательствъ не имѣютъ, другіе подтверждали свои иски тѣмъ, что заемныя письма, какъ облеченныя въ законную форму, сами по себѣ составляютъ доказательство, и наконецъ остальные объяснили, что съ начала происхожденія долговъ, повсюду было извѣстно, что Угрюмовъ, дѣлая какой либо заемъ, во всякое время могъ располагать по собственному произволу подписью одного изъ двухъ братьевъ Яковлевыхъ, слѣдовательно не имѣлъ никакой надобности дѣлать фальшивыя подписи на заемныхъ письмахъ, что до самаго арестованія Угрюмова, сей послѣдній, при написаніи заемныхъ писемъ, всегда предлагалъ кредиторамъ быть лично при учиненіи Яковлевымъ поручительной подписи, что при этой подписи нѣкоторые изъ нихъ и находились, что Яковлевъ въ теченіи многихъ лѣтъ не предъявлялъ никакого спора о недѣйствительности подписи своей, напротивъ, по предъявленіи ему чрезъ полицію заемныхъ писемъ, просилъ отсрочки и потому эти обязательства замѣнялись новыми и что многіе изъ кредиторовъ лично являлись къ Яковлеву, а другіе писали записки, но онъ также не изъявлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ подписи, а записки передавалъ Угрюмову, для принятія нужныхъ мѣръ.

По собраннымъ въ слѣдствіе этихъ показаній свѣдѣніямъ открылось, что нѣкоторыя изъ заемныхъ обязательствъ, на которыхъ Яковлевъ не признавалъ своей подписи, именно: коллежскаго совѣтника Виноградова, статскаго совѣтника Гиппіуса, коллежскаго секретаря Мазуркевича и чиновника 7 класса Брусика были представлены ко взысканію въ началѣ 1845 г. и о произведеніи сего взысканія управа благочинія предписывала приставу исполнительныхъ дѣлъ васильевской части, но онъ донесъ, что Яковлевъ представилъ отъ помянутыхъ креди-

торовъ объявленія о сдѣланныхъ ими по просьбѣ его, Яковлева, отсрочкахъ.

На спросъ объ этомъ Яковлевъ отозвался, что означенныхъ кредиторовъ никогда не просилъ объ отсрочкѣ и объявленій въ васильевскую часть не посылалъ, а предъявлялись ли ему иски, не помнитъ.

Квартальный надзиратель Беттихеръ донесъ, что означенныя взысканія были предъявлены лично Яковлеву, что онъ по приходѣ его, всегда спрашивалъ, чье взысканіе и, получивъ отвѣтъ, отъ какого лица и на какую сумму, по поручительству за Угрюмова, обѣщалъ непремѣнно кончить оное; а по не однократному настоянію были въ послѣдствіи присылаемы отъ него объявленія въ запечатанныхъ конвертахъ, изъ коихъ одинъ, подписанный самимъ Яковлевымъ представленъ къ дѣлу.

Находящіеся у Яковлева въ услуженіи мѣщане Сергѣй Виноградовъ и Михайло Козухинъ подъ присягою показали, что они были посылаемы къ надзирателю съ запечатанными конвертами, но что въ нихъ заключалось, не знаютъ.

Городовые маклеры Сизьминъ и Мельниковъ отозвались, что заемныя письма Угрюмова за поручительствомъ Саввы Яковлева, были предъявлены имъ самимъ Угрюмовымъ; поручитель же Яковлевъ у нихъ не былъ и имъ ли сдѣлана поручительная надпись, не знаютъ.

По поступленіи дѣла сего въ надворный уголовный судъ, сдѣлано было въ присутствіи онаго сличеніе почерка посредствомъ секретарей уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, которые нашли, что нѣкоторыя подписи Яковлева на отвергаемыхъ имъ заемныхъ письмахъ имѣютъ близкое сходство съ признанными Яковлевымъ заемными письмами, другія нѣкоторое сходство съ оными, а прочія не имѣютъ никакого сходства; впрочемъ, сообразивъ самыя признанныя Яковлевымъ обязательства, нашли, что и они между собою не имѣютъ совершеннаго сходства, ибо одни изъ нихъ писаны темными, а другія свѣтлыми чернилами, въ нѣкоторыхъ надписяхъ слова крупнѣе, въ другихъ мельче, въ однихъ слова связны, а въ иныхъ написаны нѣсколько растянуто, на однихъ подписи ясны и

какъ бы написаны тщательно, а на другихъ какъ будто поспѣшно. Причиною неединообразія въ почеркѣ, по мнѣнію секретарей, служить можетъ то, что утвержденныя Яковлевымъ заемныя письма, равно какъ и ручательныя его подписи, писаны разновременно; почему, сличавъ почеркъ Яковлева съ показаніями, писанными и подписанными его рукою, нашли, что почеркъ его вообще неодинаковъ, и потому заключили, что разсмотрѣнныя ими заемныя обязательства въ поручительствѣ на срокъ Яковлева, хотя и не совершенно одинаковы, но имѣютъ общее сходство. При послѣднемъ же сличеніи, произведенномъ 9 января 1846 г., сообразивъ строго всѣ подписи его, Яковлева, на признанныхъ и непризнанныхъ имъ заемныхъ письмахъ и на другихъ бумагахъ, секретари нашли, что всѣ они хотя при взглядѣ въ общей массѣ оказались не совершенно сходными по неровности буквъ и, какъ должно полагать, подписывались разными перьями и чернилами, но вообще характеръ въ почеркѣ письма Яковлева одинъ и тотъ же и въ слѣдствіе того ручательныя подписи Яковлева на не признанныхъ имъ заемныхъ обязательствахъ съ подписями на утвержденныхъ имъ обязательствахъ признали сходными.

Отецъ Саввы Яковлева, корнетъ Алексѣй Яковлевъ, объяснилъ надворному суду, вслѣдствіе сдѣланнаго ему запроса, что о ручательныхъ подписяхъ сына и о намѣреніи Угрюмова лишить себя жизни не доносилъ правительству, потому, что письмо Угрюмова къ нему отъ 18 апрѣля принялъ за одни пустыя слова.

Контора исправительнаго заведенія увѣдомила, что Угрюмовъ 26 декабря 1846 г. умеръ.

Между тѣмъ кредиторы Яковлева вошли въ надворный уголовный судъ съ прошеніемъ, въ которомъ изъяснили, что всѣ извороты Саввы Яковлева доказываютъ преступное его намѣреніе отказываться отъ платежа долговъ и что у Алексѣя Яковлева есть родовое имѣніе, доставшееся ему отъ отца, котораго часть слѣдуетъ и сыну его Саввѣ Яковлеву и какъ сверхъ того онъ оказывается участникомъ преступленія сына, то

онъ, Алексѣй Яковлевъ, долженъ быть подвергнутъ дѣйствію 13 и 14 ст. xv т. св. зак. уголовн.

С.-Петербургскій надворный уголовный судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, мнѣніемъ по большинству голосовъ, 13 іюля и 5 декабря 1846 г. положилъ; 1, обстоятельство о выдачѣ коллежскимъ совѣтниковъ Угрюмовымъ заемныхъ писемъ съ фальшивымъ поручительствомъ отставнаго штабсъ-ротмистра Саввы Яковлева, по силѣ 160 ст. 1 пун. ул. о нак., за смертію Угрюмова, оставить безъ сужденія, взысканіе же отыскиваемой кредиторами суммы, по силѣ 3154 ст. x т. св. зак. гражд. 1180, 1181 и 1182 ст. xv т. св. зак. гр., обратить на имѣніе Угрюмова; 2, поручительство Яковлева, какъ не признанное имъ за собственноручное и кредиторами законнымъ образомъ недоказанное, а собственноручнымъ признаніемъ Угрюмова опровергнутое, признать недѣйствительнымъ и Яковлева, какъ ничѣмъ не уличеннаго, по силѣ 1073, 1169, 1175, 1176 и 1188 ст. xv т. св. зак. уг., отъ суда и слѣдствія освободить; 3, титулярнаго совѣтника Флорова, по силѣ 914 ст. зак. гр., имѣвшаго право обнаруживать преступленія и сдѣлать доносъ на Угрюмова въ поддѣлкѣ подписи Саввы Яковлева, отъ суда освободить и 4, отставнаго корнета Яковлева, получившаго извѣстіе отъ племянника своего о намѣреніи лишить себя жизни, какъ это предположеніе не приведено въ исполненіе, и какъ видно по дѣлу, сдѣлано было только для того, чтобы симъ устрашить отца Яковлева и заставить заплатить долги Угрюмова, независимо отъ сего какъ по родству, такъ и по обнаружившимся въ послѣдствіи обстоятельствамъ, за силою 134 ст. ул. о нак., къ дѣлу сему по суду не привлекать.

С.-Петербургская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ это дѣло, августа 25 и 26 и 3 сентября 1847 г., опредѣлила: 1, заемныя письма, данныя разнымъ лицамъ коллежскимъ совѣтникомъ Угрюмовымъ, за поручительствомъ отставнаго штабсъ-ротмистра Саввы Яковлева, опровергаемыя симъ послѣднимъ подложностію поручительныхъ подписей признать дѣйствительными и произвести по онымъ взысканіе съ процентами и неустойкою, по день платежа, съ имущества Угрюмова

и Саввы Яковлева по правиламъ, изложеннымъ въ 1309 и 1311 ст. х т. св. зак. гр. (изд. 1842 г.); въ случаѣ же не достатка у Угрюмова и Саввы Яковлева, обратить на тѣхъ же основаніяхъ означенное взысканіе на корнета Алексѣя Яковлева. 2, Сужденіе о личномъ наказаніи Угрюмова за обнаруженные по сему дѣлу противозаконные поступки прекратить за смертію его, согласно 161 статьи улож. 3, Принимая во вниманіе, что отъ взысканія за недонесеніе начальству объ умыслѣ Угрюмова на самоубійство Савва Яковлевъ освобождается силою 134 ст. ул., какъ состоящій въ близкихъ связяхъ родства съ Угрюмовымъ, по дѣйствіямъ же, относящимся къ обману отца своего корнета Яковлева, самое сужденіе о мѣрѣ личнаго наказанія за обманъ не можетъ воспослѣдовать, за силою примѣчанія къ 2186 ст. ул., по которому дѣла подобнаго рода подлежатъ преслѣдованію не иначе, какъ по жалобѣ родителей и наконецъ мѣра наказанія за лживый доносъ о подлогѣ назначена въ 1166 ст. ул., но палата не можетъ опредѣлить Яковлеву установленное означенною статьею наказаніе, потому что настоящее рѣшеніе палаты составляетъ отмѣну мнѣнія первой степени суда, и по силѣ 1167 ст. ул. доносъ не можетъ уже быть признаваемъ лживымъ и сдѣлавшій его не подвергается наказанію, корнета Яковлева и сына его Савву Яковлева личной отвѣтственности по сему дѣлу не подвергать. 4, Титулярнаго совѣтника Флорова за лживое показаніе безъ присяги, выдержать въ тюрьмѣ 6 мѣсяцевъ, т. е. въ высшей мѣрѣ, согласно 135 ст. ул.

5 Департаментъ правительствующаго сената (по 1 отдѣленію), по выслушаніи настоящаго дѣла 3 и 9 марта и 20 апрѣля 1849 г., нашелъ, что въ немъ подлежатъ разрѣшенію два главные вопроса: 1, доказалъ ли Савва Яковлевъ фальшивость не признанныхъ имъ поручительныхъ подписей на заемныхъ письмахъ Угрюмова и могутъ ли быть приняты за доказательство представленныя имъ въ III отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи письмо и объявленіе Угрюмова и 2, заслуживаетъ ли уваженія домогательство кредиторовъ Угрюмова о признаніи отставнаго гвардіи

корнета Алексѣя Яковлева участникомъ въ преступленіяхъ сына и объ удовлетвореніи ихъ на семъ основаніи изъ имущества Алексѣя Яковлева.

Соображая показанія Яковлева и Угрюмова съ обстоятельствами дѣла, правительствующій сенатъ принялъ во вниманіе: 1, что показанія Яковлева о прекращеніи ручательствъ въ концѣ января или началѣ февраля и о сдѣланномъ ему въ тоже время Угрюмовымъ сознаніи въ составленіи фальшивыхъ подписей не возможно согласить съ собственнымъ его же удостовѣреніемъ о подлинности подписей на заемныхъ письмахъ, совершенныхъ въ концѣ февраля; 2, что Яковлевъ причину молчанія своего о проступкѣ Угрюмова объяснилъ тѣмъ, что онъ хотѣлъ обнаружить его при первомъ же сношеніи съ присутственными мѣстами, что и исполнилъ 13 апрѣля, но изъ дѣла видно, что онъ до сего числа имѣлъ неоднократныя, такія же какъ и 13 апрѣля, сношенія съ полиціею по поводу поступавшихъ ко взысканію исковъ. При томъ же, если бы дѣйствительно Яковлевъ намѣренъ былъ молчать о фальшивомъ поступкѣ Угрюмова до перваго сношенія съ присутственными мѣстами, онъ не сталъ бы при свиданіяхъ съ кредиторами до 13 апрѣля говорить имъ о фальшивости подписей, о чемъ однако же онъ самъ показалъ и удостовѣрили кредиторы. Послѣднее обстоятельство, при видимой несообразности въ показаніяхъ Яковлева, можетъ скорѣе служить подтвержденіемъ показанія Угрюмова о томъ, что Яковлевъ распускалъ слухи о фальшивости ручательствъ, полагая навѣрное, что онъ застрѣлится; 3, что по объясненію Угрюмова, заслуживающему, по обстоятельствамъ дѣла, вѣроятія, Яковлевъ прекратилъ ручательство не потому, что онъ сознался въ фальшивомъ поступкѣ, а по причинѣ не успѣха въ просьбѣ у отца милліона р. с. и принятаго въ слѣдствіе того намѣренія ѣхать на Кавказъ; 4, что во всѣхъ письмахъ своихъ къ предсѣдателю управы, къ отцу Саввы Яковлева, къ ему самому, наконецъ предъ генералъ-адъютантомъ Сухозанетомъ Угрюмовъ рѣшительно утверждалъ о несправедливости отрицательства Саввы Яковлева отъ подписей своихъ; 5, что генералъ-адъютантъ Сухозанетъ показалъ, что при откровенномъ

его съ Угрюмовымъ объясненіи, Угрюмовъ не только не сознался въ составленіи фальшивыхъ подписей, но напротивъ, съ оскорбленнымъ чувствомъ, приличнымъ благородному человѣку, убѣдительно доказывалъ, что онъ вовсе не имѣлъ надобности прибѣгать къ такому постыдному средству, ибо Савва Яковлевъ всегда безотговорочно подписывался поручителемъ по немъ на заемныхъ письмахъ; 6, что Яковлевъ дѣйствительно и самъ не показалъ, чтобы онъ когда либо отказывалъ Угрюмому до января или февраля 1845 г. въ своемъ ручательствѣ, и множество писемъ, выданныхъ до сего срока и самимъ Яковлевымъ признанныхъ, очевидно доказываютъ всегдашнюю готовность его ручаться за Угрюмова; а въ такомъ случаѣ нельзя не уважить представленнаго Угрюмовымъ довода, что онъ и не имѣлъ надобности составлять фальшивыхъ подписей, когда Яковлевъ всегда безотговорочно за него ручался, наконецъ нельзя не принять во вниманіе, что за Угрюмова ручался и братъ Саввы Иванъ Яковлевъ; почему же Угрюмовъ, рѣшившись выдать заемныя письма съ фальшивыми поруками, сдѣлалъ ихъ отъ имени одного Саввы, это объяснить трудно; 7, что сознаніе Угрюмова, выраженное въ письмѣ и объявленіи, несогласно съ собственными его предъ тѣмъ дѣйствіями, что данное имъ объясненіе о причинахъ, побудившихъ его къ принятію на себя мнимаго преступленія, представляется правдоподобнымъ и всѣ его показанія о стеченіи обстоятельствъ, предшествовавшихъ сознанію и оное сопровождавшихъ, подтверждаются въ малѣйшихъ подробностяхъ фактами, слѣдствіемъ обнаруженными, какъ напротивъ: Яковлевъ объяснялъ событіе и не согласно съ дѣломъ и безпрестанно самъ себѣ противорѣчилъ, въ особенности на счетъ изустнаго предъ нимъ сознанія Угрюмова, и даже приведенное имъ, въ подкрѣпленіе своихъ показаній, обстоятельство, что онъ въ началѣ года говорилъ кредиторамъ о фальшивости подписей, обращается въ улику противъ него же самаго, и что наконецъ при такихъ видахъ дѣла письменное сознаніе Угрюмова, по смыслу 1181 и 1184 ст. XV т. св. зак. угол., не имѣетъ силы доказательства; 8, что корнетъ Яковлевъ дѣйствительно платилъ, прежнее вре-

мя, долги сына и при производствѣ настоящаго дѣла платилъ за него по признаннымъ имъ обязательствамъ, что готовность корнета Яковлева уплачивать долги сына послужила сему последнему къ безмѣрному ручательству за Угрюмова, а кредиторамъ послужила основаніемъ вѣрить сему ручательству; но все это не обязываетъ корнета Яковлева платить оставшіеся послѣ смерти сына его долги по заемнымъ письмамъ Угрюмова, которыя, не смотря на отрицательство сына, не признаются подложными. По смыслу 178 ст. х т. св. зак. гр., родители отвѣтствуютъ по заемнымъ письмамъ и вообще всякимъ долговымъ актамъ неотдѣленныхъ дѣтей, въ такомъ только случаѣ, когда сіи письма и акты даны съ ихъ согласія и уполномочія. Согласіе же, какъ сказано въ 179 ст., удостовѣряется или собственноручною подписью родителей на актахъ или же, въ случаѣ безграмотства, законно совершенною довѣренностію. Но такимъ закономъ установленнымъ порядкомъ корнетъ Яковлевъ согласія своего не выражалъ и слѣдовательно, уплата, въ прежнее время, долговъ сына, отъ которыхъ онъ не отрекался и установленіе тѣмъ кредита къ поручительству его, не составляютъ законнаго основанія къ обязанію корнета Яковлева платить и нынѣ долги сына по обязательствамъ, хотя сыномъ отвергнутымъ, но подложность которыхъ по суду не доказана, а какъ въ прежнее время, такъ и нынѣ зависитъ отъ его воли; 9, что извѣтъ Саввою Яковлевымъ о фальшивости подписей сдѣланъ 13 апрѣля; получено отцемъ его отъ Угрюмова письмо съ увѣдомленіемъ объ этомъ извѣтѣ, а не объ умыслѣ Саввы Яковлева отрекаться отъ своей руки, 18 числа, видѣлись Савва Яковлевъ съ Угрюмовымъ и первый получилъ отъ послѣдняго письменное признаніе 25 числа, слѣдовательно, извѣтъ не былъ слѣдствіемъ сего признанія; въ случаѣ представленія корнетомъ Яковлевымъ правительству письма Угрюмова, не существовало бы, можетъ быть, письменнаго признанія, но извѣтъ чрезъ то предупрежденъ быть не могъ, ни самый процессъ, развѣ предположить, что Савва Яковлевъ отказался бы отъ своего извѣта, при объявленіи правительству о полученномъ отцомъ его отъ Угрюмова письмѣ;

но подобнаго предположенія нельзя допустить, если принять въ соображеніе, что Савва Яковлевъ, рѣшившись отрекаться отъ своей подписи и; давъ о фальшивости подписей 13 апрѣля отзывъ, не хотѣлъ перемѣнить этого отзыва ни 14 числа по письму Угрюмова, ни 17 по личной его просьбѣ, какъ это видно изъ показанія Угрюмова.

По всѣмъ симъ соображеніямъ и на основаніи приведенныхъ законовъ, какъ равно статей 1169 xv т. св. зак. уг. и 160 ул. о нак. уг. и испр., правительствующій сенатъ опредѣлилъ: 1., отрицательство отставнаго штабсъ-ротмистра Саввы Яковлева отъ поручительныхъ подписей на заемныхъ письмахъ, выданныхъ коллежскимъ совѣтникомъ Алексѣемъ Угрюмовымъ, признать не доказаннымъ и заимодавцамъ предоставить получить удовлетвореніе изъ того имущества, какое Угрюмову и Яковлеву принадлежащимъ окажется, на основаніи законовъ гражданскихъ; 2., сужденіе о личной отвѣтственности Саввы Яковлева и Алексѣя Угрюмова оставить за смертію ихъ; 3., отставнаго корнета Алексѣя Яковлева отъ всякой отвѣтственности по обвиненіямъ въ учиненныхъ преступленіяхъ, какъ личной, такъ и денежной, освободить, какъ равно оставить отъ суда свободнымъ и титулярнаго совѣтника Флорова.

На сіе опредѣленіе кредиторы Яковлева принесли всеподданнѣйшія жалобы, въ слѣдствіе которыхъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи настоящаго дѣла въ общемъ собраніи правительствующаго сената (*).

По выслушаніи сего дѣла въ общемъ собраніи сената, сенаторы нашли, что такъ какъ кредиторы Угрюмова и Саввы Яковлева всеподданнѣйшими жалобами, принесенными на рѣшеніе 5 департамента сената по этому дѣлу, обжаловали оное только по предмету освобожденія отъ отвѣтственности

(*) Вмѣстѣ съ сими жалобами въ общемъ собраніи правительствующаго сената и государственномъ совѣтѣ разсматривались жалобы кредиторовъ Саввы Яковлева, по производившемуся гражданскимъ порядкомъ дѣлу о взысканіи съ титулярнаго совѣтника Ивана Яковлева по заемнымъ письмамъ за поручительствомъ Саввы Яковлева. Обстоятельства этого послѣдняго дѣла изложены въ № 5 Ж. М. Ю. за май мѣсяцъ минувшаго года.

предъ ними корнета Алексѣя Яковлева, то посему всѣ прочія части рѣшенія разсмотрѣнію общаго собранія подлежать не могутъ, а долженъ быть обсужденъ только вопросъ о мѣрѣ прикосновенности къ дѣлу отца отставнаго штабсъ-ротмистра Саввы Яковлева, корнета Алексѣя Яковлева.

По сему вопросу мнѣнія сенаторовъ раздѣлились.

Въ согласительномъ предложеніи, данномъ правительствующему сенату, г. министръ юстиціи полагалъ, что домогательство кредиторовъ объ обращеніи на Алексѣя Яковлева отвѣтственности за долги сына представляется не соотвѣтствующимъ ни законамъ, ни обстоятельствамъ дѣла, по слѣдующимъ уваженіямъ: а, хотя Алексѣй Яковлевъ, какъ и самъ онъ показываетъ, платилъ нѣкоторые долги Саввы Яковлева, но обстоятельство сіе нисколько не можетъ служить основаніемъ къ обращенію на него платежа всѣхъ безъ исключенія долговъ Саввы Яковлева, какъ сына, отъ него не отдѣленнаго, ибо, по ст. 178 и 179 зак. гр., родители отвѣтствуютъ по долговымъ обязательствамъ неотдѣленныхъ дѣтей въ такомъ только случаѣ, когда обязательства тѣ даны съ ихъ согласія и удостовѣрены ихъ подписью, а претензіи кредиторовъ, привлекающихъ къ отвѣтственности по онымъ Алексѣя Яковлева, проистекаютъ изъ такихъ обязательствъ, которыя даны были отъ Алексѣя Угрюмова, за поручительствомъ Саввы Яковлева и на выдачу которыхъ Алексѣй Яковлевъ не изъявлялъ никогда согласія, не имѣлъ повидимому и свѣдѣнія о составленіи оныхъ, слѣдовательно, по точному разуму 178 и ст. т. х. Алексѣй Яковлевъ не долженъ подлежать никакой отвѣтственности по тѣмъ обязательствамъ, безъ участія его учиненнымъ. Алексѣй Яковлевъ не обязанъ былъ предъявлять письма, относящагося до частныхъ его дѣлъ и въ коемъ упоминалось о предположеніи учинить самоубійство, въ той вѣроятно цѣли, чтобы склонить симъ средствомъ Алексѣя Яковлева на удовлетвореніе безстыднаго требованія, ибо, въ самомъ дѣлѣ, сочинитель письма и не прибѣгалъ къ исполненію придуманной имъ угрозы. Впрочемъ Алексѣй Яковлевъ не только не скрывалъ сего письма, но предъявилъ оное къ слѣдствію, что всего важнѣе замѣтить должно,

что преступленіе, о коемъ упоминалъ Угрюмовъ, ни въ какомъ случаѣ не могло и не можетъ имѣть вліянія на разрѣшеніе вопросовъ о мѣрѣ отвѣтственности въ гражданскомъ дѣлѣ привлекаемыхъ къ оному лицъ; такимъ образомъ, при неимѣніи въ виду установленнаго закономъ согласія Алексѣя Яковлева на принятіе отвѣтственности, по поручительству Саввы Яковлева за Угрюмова, и по неуважительности доводовъ, относящихся до необъявленія угрозы о неприведенномъ въ исполненіе Угрюмовымъ самоубійствѣ, означенный Алексѣй Яковлевъ не можетъ быть привлекаемъ ни къ какой по настоящему дѣлу отвѣтственности.

По выслушаніи сего предложенія, въ правительствующемъ сенатѣ не составилось узаконеннаго большинства голосовъ, съ симъ предложеніемъ согласныхъ, въ слѣдствіе чего настоящее дѣло было внесено на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, расмотрѣвъ настоящее дѣло, согласился съ заключеніемъ министра юстиціи и сенаторовъ, принявшихъ его предложеніе, что Алексѣй Яковлевъ по взведеннымъ на него и разсматривавшимся уголовнымъ порядкомъ обвиненіямъ въ неотвращеніи дѣйствій сына его Саввы никакой отвѣтственности не подлежитъ и что посему рѣшеніе 1 отдѣленія 5 департамента правительствующаго сената о предоставленіи кредиторамъ получить удовлетвореніе, на основаніи гражданскихъ законовъ, изъ имѣнія самаго Угрюмова и Саввы Яковлева, слѣдуетъ утвердить.

Сіе мнѣніе государственнаго совѣта удостоилось 19 января 1853 г. Высочайшаго утвержденія.

В. ИНОСТРАННАЯ.

Процессы по обвиненію Папавуана и Генріэтты Корнье въ убійствѣ. Мономанія убійства и вліяніе ея на существо судебнаго приговора.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ процессовъ, встрѣчающихся во французской уголовной практикѣ, нужно отнести процессъ Папавуана. Дѣло это замѣчательно по совершенному отсутствію причинъ, которыя бы могли объяснить совершенное преступленіе. Лицо, повидимому, находящееся въ здравомъ разсудкѣ, совершаетъ преступленіе, которое можно оправдать только безуміемъ.

Преступленіе очевидно, преступникъ сознается, свидѣтели въ показаніяхъ согласны, улики многочисленны; повидимому, все соединяется къ совершенному обвиненію преступника, а между тѣмъ виновность его составляетъ вопросъ, который легко можетъ быть разрѣшенъ отрицательно. Въ совершенномъ убійствѣ нельзя доискаться причины, побудившей убійцу къ дѣйствію; ни корысть, месть, ненависть или ревность не руководили имъ.

Оправданіе преступленія можно искать только въ болѣзненномъ состояніи обвиненнаго. Но «мономанія убійства», болѣзнь,

возможность существованія которой нынѣ доказана, тогда еще было слово новое; ни присяжные, ни судьи не вѣрили въ нее.

Но впослѣдствіи, послѣ смерти Папавуана, когда вопросъ о томъ, былъ ли онъ виновенъ, снова былъ поднятъ, начали допускать возможность существованія той странной болѣзни, въ которой лицо помѣшано на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, находясь въ совершенно здравомъ разсудкѣ относительно остальныхъ. Въ этомъ процессѣ, какъ мы это и увидимъ впослѣдствіи, по непростительной небрежности, умственное состояніе Папавуана не было освидѣтельствовано медиками. Но годомъ позже, когда однородное преступленіе было совершено Генріэттою Корнье, безъ всякой причины, безсознательно перерѣзавшей горло дѣвочкѣ, которую она даже не знала,—три медика были призваны судомъ для освидѣтельствованія ея умственныхъ способностей. Одинъ изъ нихъ Эскироль описалъ это состояніе, которое называли древніе меланхоліей, а новѣйшіе мономаніей. Подъ вліяніемъ этой болѣзни, лицо чувствуетъ непреодолимую наклонность къ убійству; отсутствіе сознанія и раскаянія характеризуютъ это болѣзненное состояніе; дѣйствія, къ которымъ больной чувствуетъ непреодолимое влеченіе, могутъ быть имъ соображаемы, такъ что въ нихъ можно найти умыселъ, хитрость и искуство, между тѣмъ какъ воля преступника играетъ совершенно пассивную роль.

Когда наука уголовнаго права стояла еще на весьма низкой степени развитія и не раздавался голосъ философовъ XVIII вѣка, проповѣдовавшихъ уваженіе къ личности человѣка, правосудіе болѣе рубило съ плеча, не входя въ анализъ преступленія и психическую оцѣнку его; потому нерѣдко случалось, что несчастный, котораго слѣдовало посадить въ больницу, погибалъ на эшафотѣ.

Слѣдуя неизмѣнному закону постепеннаго развитія, уголовный законъ смягчается со временемъ, и нѣкоторыя дѣянія, считавшіяся преступленіями въ извѣстные періоды человѣческой исторіи, теряютъ свой характеръ преступности. Вчерашній преступникъ, сегодня несчастный больной.

Въ процессахъ Папавуана и Корнье, актъ обвиненія требовалъ крови за кровь, и головы за голову; но болѣе просвѣщенные присяжные объявили преступленіе Корнье преступленіемъ умышленнымъ, но совершеннымъ безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, хотя намѣреніе было очевидно; этимъ только можно было спасти жизнь несчастной. Казнь Папавуана спасла Генріэтту Корнье; мы разсмотримъ также и ея процессъ, такъ какъ онъ казался намъ необходимымъ дополненіемъ дѣла Папавуана.

Папавуанъ (1824 г.).

Процессъ Папавуана ясенъ, факты его немногосложны, противуположность фактовъ съ мотивами ихъ составляетъ его главный драматическій интересъ.

10-го октября 1824 г., въ числѣ гулявшихъ въ Венсенскомъ лѣсу, можно было замѣтить молодую женщину, по платью очевидно принадлежавшую къ рабочему классу, державшую за руки двухъ мальчиковъ,—одного 5-ти, другого 6-ти лѣтъ. Другая женщина, одѣтая въ розовомъ платьѣ, встрѣчается съ нею, останавливается, замѣтивъ дѣтей, и играетъ съ ними.

На эту сцену съ замѣтнымъ участіемъ смотрѣлъ человѣкъ, одѣтый въ голубую застегнутую до верху бекешу, въ шляпѣ, перевязанной крепомъ.—«Вы знаете дѣтей, съ которыми сейчасъ играли», спрашиваетъ онъ, подходя къ женщинѣ, одѣтой въ розовомъ —«Можно играть съ дѣтьми, которыхъ и незнаешь», отвѣчала та, удаляясь.

Мать обоихъ дѣтей слышала этотъ разговоръ, но, не придавая ему никакого значенія, продолжала свой путь; спустя нѣсколько времени, замѣтивъ, что небо покрылось тучами и накрапывалъ дождь, она направилась къ находившемуся вблизи деревянному балагану, съ тѣмъ, чтобы переждать въ немъ дурную погоду.

Вдругъ она видитъ передъ собою тогоже любопытнаго въ голубой бекешѣ, черты лица его блѣдны, движенія судорожны, онъ кричитъ ей грубымъ голосомъ: «вы скоро кончили вашу прогулку», и, подошедши къ одному изъ мальчиковъ, сильно ударяетъ его; мать, защищая сына своего, наноситъ нападающему ударъ по головѣ зонтикомъ, тотъ поражаетъ другаго мальчика и быстро удаляется. Дѣти, обливаясь кровью, падаютъ одинъ за другимъ на землю; мать при видѣ этого лишается чувствъ. На крики ея сбѣжался народъ; пришедши въ себя, она разсказываетъ происшествіе, описываетъ наружность убійцы. Отданъ приказъ запереть всѣ выходы изъ лѣса, жандармы разосланы по всѣмъ направленіямъ. Между тѣмъ женщину эту приводятъ въ Венсенъ; на допросѣ она объявляетъ, что зовется «Шарлоттою Эренъ, 25-ти лѣтъ, ремесломъ кружевница, и живетъ съ своимъ семействомъ въ Парижѣ. Она дѣйствительно мать убитыхъ дѣтей, хотя и не замужняя. Отецъ ихъ—нѣкто Жербодъ, сынъ богатаго каретника. Съ 1815 г. она живетъ съ нимъ въ незаконномъ бракѣ; дѣти, прижитыя въ немъ, признаны отцомъ. Отецъ Жербода сначала было согласился на бракъ сына съ дѣвицею Эренъ, но впослѣдствіи отказалъ въ своемъ согласіи, вслѣдствіе неделикатнаго обращенія съ нимъ семейства Эренъ.

Молодой Жербодъ былъ въ то время въ Брюсселѣ, куда отослалъ его отецъ, съ тѣмъ, чтобы удалить сына отъ опасной, по его мнѣнію, женщины. Во время этого отсутствія, дѣвица Эренъ пришла разъ къ старому Жербоду и настаивала на томъ, чтобы ей открыли мѣсто жительства ея любовника, и жаловалась на то, что затрудняли ихъ отношенія. Чтобы вы не дѣлали, говорила ему Эренъ, мы женимся и противъ вашей воли; говоря это, она представила Жербоду дѣтей его сына. «Дѣти эти будутъ моими, отвѣчалъ тотъ, они не будутъ ни въ чемъ нуждаться, но женитьба эта невозможна». Дѣйствительно, одному нотаріусу въ Венсенѣ, было поручено выдавать ежемѣсячно дѣвицѣ Эренъ вспомоществованіе въ 30 франковъ,

но выдача эта была прекращена послѣ поѣздки Эренъ въ Брюссель, откуда она возвратилась съ своимъ любовникомъ.

Такъ какъ дѣвица Эренъ сильно настаивала на встрѣчѣ своей съ женщиной, одѣтой въ розовомъ, предполагая, что она знакома съ убійцей, то женщину эту тотчасъ же отыскали въ Венсенѣ. Она объявила, что зовется Мальсерве, ремесломъ модистка, въ Венсенъ пріѣхала для свиданія съ лицомъ, съ которымъ находилась въ любовной связи. На вопросъ объ отношеніяхъ ея къ лицу, съ которымъ она разговаривала въ лѣсу, она отвѣчала, что видѣла его въ первый разъ, не знаетъ, кто онъ такой, и что единственный разговоръ ея съ нимъ были слова, приведенныя нами выше. Объясненіе это было найдено удовлетворительнымъ.

Въ это время явилась мелочная торговка Жанна, объявившая, что человѣкъ, похожій на того, на кого указывали какъ на убійцу, останавливался подлѣ ея лавки въ то время, когда дама въ розовомъ пила у нея ликеръ, внимательно всматривался въ эту женщину и пошелъ въ лѣсъ по ея слѣдамъ. Спустя нѣсколько времени, человѣкъ этотъ возвратился къ ней въ лавку и спросилъ ножъ; она продавала ихъ дюжинами; заплативши за дюжину, онъ выбралъ одинъ, взялъ его, и возвратился въ лѣсъ.

И такъ три лица видѣли убійцу, всѣ трое въ описаніи его наружности были между собою согласны. Онъ былъ худощавъ, высокаго роста, блѣдный, каштановые волосы, такого же цвѣта бакенбарды; шляпа перевязана крепомъ. Въ теченіи этихъ первоначальныхъ распросовъ и изысканій, жандармы искали по лѣсу. Въ аллеѣ, паралельной аллеѣ «Минимъ», жандармъ наткнулся на человѣка, наружность котораго согласовалась съ примѣтами убійцы, данными Эренъ: человѣкъ этотъ спокойно разговаривалъ съ артиллерійскимъ солдатомъ. Жандармъ арестовалъ его. «Вы меня принимаете за другаго, отвѣчалъ онъ, я съ удовольствіемъ послѣдую за вами, но вы теряете время, настоящій виновный успѣетъ скрыться».

Арестованный былъ блѣденъ; артиллеристъ объявилъ, что видѣлъ, какъ онъ, задыхаясь, выскочилъ изъ чащи. Всѣ трое отправились въ Венсенъ. Дорогой, артиллеристъ разсказалъ, что арестованный, передъ приходомъ жандарма, распрашивалъ его о дорогѣ изъ венсенскаго лѣса; внимательно осматривалъ свое платье, какъ бы желая удостовѣриться, что на немъ нѣтъ пятенъ и даже спросилъ, не замарано ли у него лицо. Между тѣмъ, арестованный спокойно говорилъ: «что ужасная вещь убить двоихъ дѣтей, что если кѣмъ нибудь не доволенъ, то можно его вызвать на дуэль, но что нужно имѣть *важныя причины*, чтобы убить 2-хъ дѣтей. На очной ставкѣ арестованнаго съ упомянутыми тремя женщинами, Эренъ вскрикнула: «вотъ оно, чудовище, убившее моихъ дѣтей». Мальсерве тотчасъ узнала любопытнаго, разговаривавшаго съ нею въ лѣсу; Жанна, съ своей стороны, узнала въ немъ покупателя ножа. На допросѣ арестованный отвѣчалъ, что его зовутъ Папавуаномъ, и съ большимъ спокойствіемъ разсказалъ слѣдующее:

Рожденный въ «Муп», въ эврскомъ департаментѣ, въ 1783 году, онъ имѣлъ отцомъ довольно богатаго суконнаго фабриканта. Получивши хорошее воспитаніе, съ 20-лѣтняго возраста, онъ занималъ административныя должности въ морской службѣ; послѣдняя должность, которую занималъ онъ, была комми перваго разряда, при брестскомъ портѣ. По слѣдствію дознано было, что на службѣ, гдѣ у него были часто на рукахъ значительныя денежныя суммы, онъ пріобрѣлъ себѣ репутацію честнаго и дѣльнаго человѣка. Въ декабрѣ 1823 г. Папавуанъ отецъ умираетъ, оставя дѣла свои разстроенными, фабрику обремененною долгами, почти равняющимися ея стоимости. Вдова не была въ состояніи заниматься одна дѣлами фабрики; Папавуанъ вышелъ въ отставку съ пенсіономъ въ 360 франковъ и пріѣхалъ на житье въ Муп. До того времени фабрика Папавуана имѣла привилегію на поставку суконъ въ армію, но случилось, что военное министерство отказалось отъ возобновленія контрактовъ, чѣмъ поставило дѣла Папавуана въ крайнее положеніе. Тогда Папавуанъ раскаял-

ся въ томъ, что оставилъ службу, но, не смотря на всѣ старанія, ему не удалось занять прежней должности. Эти затрудненія и неудачи очень разстроили его здоровье. Онъ страдалъ задержаніемъ мочи, болью въ кишкахъ; ночи его были безспокойны. При природномъ расположеніи его къ меланхоліи, хандра и безотчетная тоска еще болѣе овладѣли имъ. Видѣнія наполняли его сны, нервы были въ безпрестанномъ напряженіи, онъ никогда не зналъ покоя. Здоровье его дѣлалось хуже и хуже. Ему совѣтовали для развлеченія сдѣлать небольшое путешествіе; 2 октября онъ отправился въ Бове, для свиданія съ родственниками и нѣкимъ Браншъ, съ которымъ находился въ коммерческихъ сношеніяхъ. На другой день своего прибытія въ Бове, Папавуанъ получилъ отъ матери письмо, въ которомъ та увѣдомляла его, что два контракта на поставку суконъ приняты военнымъ министерствомъ; для утвержденія ихъ, Папавуанъ отправился въ Парижъ, занявши нѣсколько денегъ на дорогу. Въ Парижѣ, остановившись въ гостинницѣ, онъ тотчасъ же отправился къ знакомымъ негоціантамъ, которымъ передалъ свои контракты, для приложенія къ нимъ печатей. До 10-го онъ жилъ уединенно, 10-го въ воскресенье, желая развлечься, пошелъ въ Венсенъ.

Всѣ показанія его оказались совершенно вѣрными, невозможно было открыть какое-либо отношеніе между нимъ и дѣвицею Эренъ или семействомъ Жербодъ; дознано было, что и Мальсерве была незнакома съ Папавуаномъ.

Папавуанъ однако не сознавался и отпирался отъ всѣхъ возводимыхъ на него обвиненій. Противупоставляли ему трехъ женщинъ, узнавшихъ его, и нѣкоторыхъ другихъ, менѣе важныхъ свидѣтелей, видѣвшихъ его невдалекѣ отъ мѣста преступленія; тщетно показывали ему на его шляпѣ явные слѣды удара зонтикомъ, нанесеннаго Эренъ, онъ не сознавался.

По вскрытіи обоихъ труповъ, дознано было, что смерть воспослѣдовала мгновенно отъ ранъ, нанесенныхъ оружіемъ, имѣющимъ форму ножа. Жанна доставила одинъ изъ остав-

шихся у нея ножей изъ дюжины, купленной Папавуаномъ; ножъ совершенно пришелся по ранамъ.

Все стараніе слѣдователей было направлено къ распознанію новыхъ фактовъ. Имъ удалось узнать, что Папавуанъ былъ права страннаго, сосредоточеннаго, мрачнаго, но при всемъ томъ добродушнаго, услужливаго. На службѣ онъ былъ извѣстенъ за человѣка несимпатичнаго, но отличнаго дѣльца, человѣка вѣрнаго и скромнаго.

Правда, было открыто, что еще во время путешествія своего изъ Бове въ Парижъ, въ письмѣ къ матери, онъ просилъ прислать ему, въ числѣ прочихъ вещей, два наточенныхъ, незакрывающихся столовыхъ ножа. Но ножи эти были найдены въ гостинницѣ, въ Венсенъ слѣдовательно онъ не отправлялся съ цѣлью совершить убійство. Ножа, купленнаго у Жанны, не могли найти.

Что убійца былъ найденъ, въ этомъ не было сомнѣнія, но что было причиною ужаснаго злодѣянія, повидимому совершеннаго съ такимъ невѣроятнымъ хладнокровіемъ? Всѣ сношенія семейства Жербодъ были тщательно изслѣдованы; въ нихъ нельзя было найти основанія къ подозрѣнію его въ сообществѣ съ Папавуаномъ. Жербодъ сынъ былъ тихаго и скромнаго права, Жербодъ отецъ и оба зятя его были извѣстны за честныхъ людей. Слѣдствіе терялось въ самыхъ противорѣчащихъ догадкахъ.

15 ноября Папавуанъ вдругъ отказывается отъ своихъ прежнихъ показаній. Онъ сознается въ совершеніи убійства, но прибавляетъ при томъ, что ошибся, нанося смерть сыну и дочери Эренъ; что намѣреніе его было убить *дѣтей Герцога Беррійскаго*. Четыре года прошло только съ тѣхъ поръ, какъ герцогъ беррійскій палъ подъ ножомъ Лувеля; первое время слѣдователи полагали, что встрѣтили въ Папавуанѣ новаго политическаго фанатика. Папавуанъ просилъ свиданія съ герцогинями беррійскою и ангулемскою, ему въ этомъ отказали. Но какое могло быть вѣроятіе, чтобы человѣкъ, на-

ходящійся въ здравомъ разсудкѣ, могъ принять двухъ дѣтей, находящихся подъ присмотромъ гризетки, за дѣтей герцога беррійскаго.

Спустя нѣсколько времени, Папавуанъ, заключенный въ тюрьмѣ, поджигаетъ свою постель; на вопросъ, для чего онъ сдѣлалъ это, онъ хладнокровно отвѣчалъ, что желалъ сжечь своихъ блохъ. 17 ноября, онъ наноситъ ударъ ножомъ другому заключенному Лабіе. Въ оправданіе этого покушенія, онъ говоритъ, что Лабіе принадлежитъ къ ненавистной ему орлеанской партіи. Лабіе былъ раненъ, но скоро излеченъ.

Въ этихъ новыхъ фактахъ слѣдствіе увидѣло только притворство Папавуана, желавшаго себя выдать за сумасшедшаго. Мотивы перваго преступленія еще не были раскрыты, когда 23 февраля 1825 г. открылись засѣданія сенскихъ ассизовъ.

Аудиторія была многочисленна. Свойство преступленія сообщало процессу большой драматическій интересъ. Ни общественное мнѣніе, ни судьи не могли вѣрить въ преступленіе безъ мотива. Ждали раскрытія какой нибудь страшной тайны. Засѣданіе открыто въ 11-ть час. На столѣ расположены вещественныя доказательства преступленія: окровавленныя одежды дѣтей, бекеша, бывшая на Папавуанѣ 10 октября, на которой видится кровавое пятно, шляпа его, на которой замѣтны слѣды зонтичнаго удара. Вводятъ Папавуана. Видъ его производитъ въ аудиторіи впечатлѣніе, похожее на разочарованіе. Вмѣсто безумнаго съ блуждающими глазами, злодѣя съ звѣрскимъ лицомъ, передъ собою видятъ человѣка въ застегнутомъ фракѣ, съ добродушнымъ лицомъ. Папавуанъ говоритъ съ своимъ адвокатомъ, голосъ его тихъ, онъ чуть чуть заикается.

Актъ обвиненія прочтенъ, его составлялъ генералъ-прокуроръ Белларъ, факты изложены ясно; но въ главномъ пунктѣ процесса, гдѣ нужно объяснить мотивы преступленія доказательства смѣшиваются, путаются, противорѣчатъ другъ, другу. Разсмотримъ здѣсь разсужденія генералъ-прокурора.

«Папавуанъ одинъ ли виновный, или имѣетъ сообщниковъ, подстрекателей, или онъ только простой исполнитель?

Обыкновенно, совершающій преступленіе имѣетъ въ совершеніи его цѣль, вещественную выгоду, или удовлетвореніе какой нибудь страсти—ревности, мщенія, ненависти! Но какой интересъ могъ заключаться для преступника въ убійствѣ двухъ бѣдныхъ дѣтей? Можетъ, Папавуанъ исполнялъ волю семейства Жербодъ, желавшаго смерти дѣтей, чтобы тѣмъ воспрепятствовать браку, на который оно было несогласно.

Здѣсь актъ обвиненія разсматриваетъ эту гипотезу и приходитъ къ заключенію, что нельзя обвинять семейство Жербодъ въ какомъ бы то ни было участіи въ преступленіи.

Если Папавуанъ не имѣетъ сообщниковъ, то что могло побудить его къ совершенію убійства? Убійство дѣтей берійскихъ? Что онъ не имѣлъ этого намѣренія, это ясно; этимъ онъ хотѣлъ облагородить свое низкое преступленіе, возвести его на степень убійства политическаго.

Если предположить, что дѣйствія его—результаты безумія; конечно, Папавуанъ желалъ и до сихъ поръ желаетъ, заставить всѣхъ насъ этому повѣрить. Онъ покусился безъ всякой причины на другое убійство, чтобы только заставить насъ вѣрить въ его безуміе. Въ этомъ отношеніи усилія его до сихъ поръ были тщетны; во всемъ слѣдствіи до сихъ поръ нельзя найти ни одного факта, который бы могъ насъ заставить усумниться въ его умственныхъ способностяхъ. Напротивъ, отвѣты его на допросахъ могутъ послужить образцами діалектики, ясности идей, послѣдовательности въ разсужденіяхъ. Стоитъ только прочесть ихъ, чтобы убѣдится въ томъ, что Папавуанъ вполнѣ обладаетъ своимъ здравымъ разсудкомъ. Можетъ быть разсудокъ его не въ силахъ бороться со страстями. Можетъ въ болѣзненной организаціи его скрывается инстинктивная природная жестокость; или капризы мизантропіи доходятъ у него до бѣшенства противъ людей болѣе его счастливыхъ, можетъ въ бѣшенной зависти счастью ближнихъ

нужно искать объясненія его преступленія. Можетъ статься также, что преступленіе его есть слѣдствіе какой нибудь тайны, раскрыть которую не могло слѣдствіе, не смотря на употребленныя имъ усилія. Но правосудію незачѣмъ изслѣдовать всѣхъ тайнъ человѣческаго сердца. Все, что нужно ему было знать, узнано и доказано, преступленіе очевидно. Виновность Папавуана доказана, доказательства ясны, сознаніе преступника ихъ подтверждаетъ.

Законъ произноситъ приговоръ свой надъ тѣмъ, кто изъ корысти, мести, ревности или кровожадности, посягаетъ на жизнь своихъ ближнихъ. Можно сомнѣваться въ мотивѣ преступленія, въ самомъ же преступленіи сомнѣваться нельзя. Остальное остается между Богомъ и обвиненнымъ. Правосудіе узнало достаточно, оно должно защитить и удовлетворить общество».

Вотъ вся тема обвиненія. Преступленіе очевидно, убійца сознался. Общество должно быть отомщено, дѣло правосудія— дать ему удовлетвореніе. Причина убійства—вещь посторонняя.

Посему Людвигъ-Августъ Папавуанъ обвиняется: 1) въ умышленномъ, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, убійствѣ обоихъ дѣтей Жербодъ; 2) въ умышленномъ покушеніи 17-го ноября на убійство Лабіе, покушеніи, неудавшемся только вслѣдствіе обстоятельствъ, не зависѣвшихъ отъ воли покусившагося.

Затѣмъ переходятъ къ допросу обвиненнаго.

Презид. Въ которомъ году поступили вы въ морскую службу? *О.* Въ 1805-мъ.

В. По смерти вашего отца средства къ существованію васъ и вашей матери заключались въ 360 франковъ пенсіи изъ морскаго министерства? *О.* Да.

В. Для чего отправились вы изъ Муи въ Бове? *О.* Чтобы разсѣяться; я былъ безпокоенъ, измученъ, въ болѣзненномъ настроеніи духа.

В. Какая была цѣль поѣздки вашей въ Парижъ? *О.* Меня послала мать утвердить контракты, заключенные съ министерствомъ.

В. Для чего взяли вы 2 ножа, отправляясь изъ Бове въ Парижъ? *О.* Я уже говорилъ вамъ, что былъ въ то время очень болѣнъ, часто вставалъ ночью, воображеніе рисовало постоянно какія то опасности. Я имѣлъ привычку класть подлѣ себя ночью шпагу и заряженные пистолеты; позабывши ихъ, я бралъ 2 ножа, одинъ клалъ подлѣ себя, а другой пряталъ подъ тюфякъ.

В. Съ какою цѣлью поѣхали вы 10-го октября въ Венсенъ? *О.* Чтобы разсѣяться; измученный страданіями, я хотѣлъ подышать свѣжимъ воздухомъ.

В. Въ чемъ были вы одѣты? *О.* Я былъ въ синей бекешѣ, черныхъ чулкахъ и башмакахъ.

В. Бекеша ваша была застегнута? *О.* Кажется да.

В. Въ Венсенѣ вы слѣдовали за женщиной, одѣтой въ розовомъ. *О.* Можетъ быть, но машинально; я былъ такъ взволнованъ, что не помнилъ, что дѣлалъ.

В. Вы послѣдовали за этой женщиной въ лавку? *О.* Не помню.

В. Вы видѣли ее говорящею съ дѣтьми? *О.* Не помню, я тогда былъ въ печальномъ состояніи и не зналъ, что дѣлалъ; я совсѣмъ не припоминаю этихъ обстоятельствъ.

В. Во время слѣдствія у васъ память была свѣжѣе. *О.* Впрочемъ я готовъ согласиться съ показаніями этой дамы.

В. Гдѣ купили вы ножъ? *О.* Навѣрно сказать не могу. Во время слѣдствія, я былъ жестоко пораженъ своимъ грустнымъ положеніемъ, столь новымъ для меня, на меня надѣли наручники, все это было невыносимо тяжело. Я не защищался, а нарочно наговаривалъ на себя, желая только скорѣйшаго окончанія дѣла, какъ бы печально оно для меня ни окончилось.

В. Слѣдственный судья имѣлъ однако къ вамъ большое вниманіе. Когда вы жаловались на усталость, онъ откладывалъ допросъ до другаго дня. Вы благодарили его, это означено въ допросахъ. *О.* Я былъ спокоенъ передъ слѣдственнымъ судьею, но могъ ли я быть спокоенъ ночью, связанный, стра-

дая отъ задержанія мочи. Я страдалъ невыносимо, и нравственная пытка, которую переносилъ я, была во сто кратъ мучительнѣе физической.

В. Для чего купили вы ножъ? *О.* Я увидѣлъ башню въ Венсенѣ и полагалъ, что въ ней есть заключенные; съ моимъ ножомъ я думалъ ихъ освободить.

В. Въ предшествовавшихъ допросахъ вы не упоминали объ этомъ обстоятельствѣ, о вашемъ желаніи освободить заключенныхъ. *О.* У меня была горячка, мысли были неясны, я не зналъ, что дѣлалъ. . .

В. Что понудило васъ къ убійству дѣтей? *О.* Не вслѣдствіе моей сознательной воли убилъ я этихъ дѣтей; я не въ состояніи объяснить, какъ это случилось, и охотно бы отдалъ свою кровь, чтобы только ихъ кровь не была пролита; припадокъ бѣшенства подвинулъ меня на ничѣмъ необъяснимое дѣйствіе.

В. Вы помните, что убили ихъ? *О.* Да.

В. Вы скрылись потомъ въ чащу лѣса? *О.* Да.

В. Что сдѣлали вы съ ножемъ? *О.* Я закопалъ его въ землю.

В. Вы старались скрыться, слѣдовательно сознавали совершенное вами преступленіе.

О. Совершенное дѣйствіе пробудило меня, я получилъ сознаніе о совершенномъ мною поступкѣ.

В. Подтверждаете ли вы ваше показаніе о намѣреніи убить августѣйшихъ дѣтей? *О.* Нѣтъ . . Безвыходное положеніе меня такъ утомило, что, не имѣя возможности прибѣгнуть къ самоубійству, я изыскивалъ средства, чтобы положить конецъ мученіямъ своимъ.

В. Вы писали, однако, со времени вашего задержанія, дѣловыя письма къ вашей матери, которыя по ясности и разумности изложенія, не могутъ быть приписаны человѣку сумасшедшему.—*О.* Нѣтъ дѣйствія безъ причины; какой же пите-

ресъ могъ заключаться для меня въ убійствѣ этихъ несчастныхъ дѣтей; я бы охотно отдалъ свою жизнь, чтобы возвратить ихъ къ жизни.

В. Вы говорили, что были обманутыя сходствомъ одного изъ дѣтей Жербодъ съ покойнымъ герцогомъ беррійскимъ? *О.* Я не зналъ, что говорилъ, и *не знаю, какъ случилось это несчастіе.*

В. Не для того ли, чтобы убѣдить насъ въ сумасшествіи вашемъ 10-го октября, вы 17-го ноября, въ тюрьмѣ ударили ножомъ Лабіе? *О.* Опять повторяю, что не знаю, какъ и это случилось. Страданія, безпрестанныя безсонницы разстроили мое здоровье. Я съ радостію узналъ, что раны молодаго человѣка не имѣли для него дурныхъ послѣдствій.

В. Объясните, почему ваши припадки бѣшенства преходящи, почему за ними слѣдуетъ долгій промежутокъ спокойствія? *О.* Пусть доктора вамъ объяснятъ это, *сумасшествіе не однообразно.*

В. Вы объяснялись съ слѣдователемъ, какъ ученый криминалистъ, припоминали случаи, гдѣ какъ въ дѣлѣ Лезюркъ (Lesurques) ошибка, несчастное сходство, ввели въ заблужденіе и свидѣтелей и присяжныхъ. Ваши отвѣты были ясны, вы показали себя человѣкомъ не дюжиннаго ума. Въ вашей теперешней системѣ оправданія, безуміе, которымъ вы прикрываетесь, вымышлено; за нимъ скрываете вы важную тайну. Усилія правосудія къ открытію ея были до сихъ поръ тщетны; но присяжные оцѣнятъ мотивы вашего поступка. *О.* Пусть вамъ это объяснитъ докторъ, я не выдаю себя за постоянно сумасшедшаго.

В. Вы утверждаете, что поступокъ вашъ 10-го октября есть слѣдствіе вашего умственнаго разстройства, но все поведеніе ваше со времени отъѣзда изъ Бове говоритъ въ пользу вашего здраваго разсудка. *О.* Но чѣмъ же могу я объяснить убійство этихъ дѣтей; оно совершено безъ всякой причины.

Презид. Это ваша тайна, объ этомъ еще до сихъ поръ

ничего не дознано; но если разсмотрѣть то, что произошло передъ убійствомъ и послѣ совершенія его, то изъ этого надо заключить, что сошли съ ума вы, при видѣ дѣтей, и пришли въ себя тотчасъ по совершеніи убійства. Когда васъ поставили на очную ставку съ матерью, она тотчасъ вскрикнула: «вотъ убійца моихъ дѣтей»! На это вы отвѣчали, что не знаете ее и не узнали тѣлъ убитыхъ вами дѣтей. Всѣ ваши отвѣты были полны смысла.

Папав. Преступленіе было такъ далеко отъ моей мысли, *что я тогда былъ дѣйствительно убѣжденъ, что не совершилъ его.*

Презид. Въ теченіи цѣлой недѣли вы отпирались отъ совершеннаго вами преступленія; вы утверждали, что васъ принимаютъ за другаго, и защищались съ большимъ умомъ и тактомъ; вы объявили, что желали убить дѣтей герцога беррійскаго, только тогда, когда васъ предупредили, что васъ узнаютъ и мать убитыхъ, и много другихъ лицъ. Объясните эти обстоятельства присяжнымъ; все вмѣстѣ доказываетъ, что вы сумасшедшимъ не были никогда.

Папав. Правда, меня постоянно волнуютъ необъяснимый страхъ, ничѣмъ неоправдываемыя опасенія; но до тѣхъ поръ я не испытывалъ нужды пролить кровь. Я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ неразумно, безсознательно.

Презид. Теперь вотъ вы отлично защищаетесь и находитесь въ здравомъ разсудкѣ.

Папав. Я никогда не утверждалъ, чтобы былъ постоянно лишенъ ума.

Презид. Что заставило васъ 17-го ноября покуситься на жизнь Лабіе?

Папав. Я его ударилъ въ припадкѣ бѣшенства.

Другіе свидѣтели объявляютъ Папавуана человѣкомъ характера мрачнаго, задумчиваго, но при этомъ выхваляютъ его честность и умъ: онъ любилъ дѣтей. Послѣ этихъ допросовъ въ залу вводятъ дѣвицу Эренъ. Какъ только успокоиваются

первическіе припадки, возбужденные въ ней видомъ Папавуана и окровавленныхъ одеждъ дѣтей, съ нея снимаютъ показаніе; показаніе это перечень событій, разсказанныхъ уже нами вначалѣ. Въ продолженіи всего разсказа, лицо Папавуана неподвижно, глаза сухи; очевидно, что онъ сожалѣетъ о совершившемся, но не чувствуетъ раскаянія. Генералъ-адвокатъ Перонне, произноситъ обвинительную рѣчь, наполненную звонкими, блестящими фразами. Все обвиненіе свое, генералъ-адвокатъ строитъ на догадкахъ; такъ какъ слѣдствіе не могло доискаться до настоящей причины преступленія, то генералъ-адвокатъ ищетъ причину эту въ инстинктивной природной жестокости Папавуана, подтверждаетъ свои догадки примѣрами, взятыми изъ среднихъ вѣковъ, и наконецъ приходитъ къ тому заключенію, что слишкомъ много было бы требовать отъ правосудія, чтобы оно доискивалось многообразныхъ причинъ, побуждающихъ къ дѣйствію преступника; достаточно совершеннаго преступленія — общество должно быть удовлетворено. Мы приводимъ здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ его рѣчи.

«Честолюбіе, говоритъ генералъ-адвокатъ, ненависть, месть, «корысть, суть по большей части единственныя страсти, побуж«дающія порочную душу къ совершенію преступленія. Но, къ «несчастію, мы встрѣчали людей, дѣлавшихся преступными, един«ственно по своей наклонности къ жизни порочной, по врож«денной жестокости, обыкновенно составляющей исключеніе въ «человѣческой природѣ. Когда намъ приходится заявлять пра«восудію о подобныхъ дѣйствіяхъ, мы не можемъ скрыть, сколько «исполненіе обязанности нашей больно и тяжко для насъ. Дѣй«ствительно, трудно повѣрить такой жестокости въ ближнемъ, «желалъ бы сомнѣваться въ грустной дѣйствительности; но раз«смотрите внимательно дѣло, можете ли теперь послѣдовать этому «первому влеченію вашего сердца. Защита обвиненія не разру«шила; доказательства, подтверждавшія его, только усилились». Затѣмъ, генералъ-адвокатъ разсматриваетъ всю жизнь обвиненнаго, на службѣ, на фабрикѣ Муи, и вездѣ находитъ его исполняющимъ свои обязанности добросовѣстно и съ пониманіемъ вещей.

Переходя къ разсмотрѣнію самыхъ фактовъ обвиненія, существовало ли заранѣе обдуманное намѣреніе, онъ продолжаетъ:

«Обвиненный, говоритъ онъ, чтобы отдалить отягчающее «обстоятельство предварительнаго умысла, объявляетъ, что ку«пилъ ножъ тотчасъ послѣ прибытія своего въ Венсенъ. Это же «обстоятельство подтверждаетъ Мальсерве, но вы сами поймете, «милостивые государи, что мы не можемъ имѣть довѣрія къ «подобному свидѣтелю, потому особенному положенію, въ кото«ромъ она до сихъ поръ находилась и находится нынѣ». Непонятно, что хочетъ сказать этимъ генералъ-адвокатъ; онъ придирается къ обстоятельству, которое вовсе не имѣетъ того важнаго значенія, какое онъ ему приписываетъ, и наконецъ что за дѣло ему до поведенія Мальсерве. Далѣе, генералъ-адвокатъ говоритъ: «требовать отъ насъ, чтобы мы разъяснили всѣ причины, по«будившія Папавуана къ совершенію преступленія, было бы «требовать отъ насъ болѣе, чѣмъ мы по своей обязанности должны «сдѣлать. Мы были бы въ правѣ отвѣтить: что какая бы страсть «ни увлекала обвиненнаго, онъ долженъ подвергнуться приложе«нію закона, во всей его строгости, если онъ виновенъ. Но мы «не воспользуемся этимъ правомъ; въ столь важномъ дѣлѣ ничто «не должно оставаться неразъясненнымъ; надо стараться раз«гадать эту тайну». Затѣмъ генералъ-адвокатъ приходитъ къ заключенію, что, если отказаться отъ подозрѣній, падавшихъ сначала на семейство Жербодъ, то остается приписать преступленіе Папавуана врожденной жестокости; онъ совершилъ преступленіе изъ удовольствія пролить человѣческую кровь.

«Я знаю, что съ перваго взгляда мнѣніе это вамъ пока«жется невѣроятнымъ; но, выслушавъ примѣры, собранные мною, «невѣроятность эта точно также для васъ исчезнетъ, какъ она «исчезла и для насъ. Я припомню вамъ только два менѣе дру«гихъ извѣстные факта.

«Донъ Карлосъ, сынъ Филиппа II, съ удовольствіемъ смо«трѣлъ на предсмертныя мученія животныхъ, безчеловѣчно ис«терзанныхъ имъ; будучи еще ребенкомъ, онъ просилъ, чтобы

«повѣсили непоправившагося ему мальчика; чудовищный капризъ «этотъ на силу удовлетворили тѣмъ, что совершили передъ нимъ «подобіе казни.

«Когда вели на эшафотъ Кабрино Фондули, приговореннаго «къ смерти за многія преступленія, онъ объявилъ въ рѣшитель-«ную минуту, что не чувствуетъ никакого раскаянія и сожа-«лѣетъ только объ одномъ, что не сбросилъ съ кремонской башни «папу Іоанна XXII и императора Сигизмунда, когда онъ на ней «вмѣстѣ съ ними находился. Увѣковѣчить свое имя была един-«ственная причина этого желанія».

Что за напыщенная реторика, громкія звучныя фразы безъ всякаго значенія! Дикія сравненія, которыя не въ столь важномъ дѣлѣ должны бы были возбудить смѣхъ. Скромнаго чиновника сравнивать съ сыномъ мрачнаго деспота, съ итальянскимъ кондотьери. Грустно видѣть, что умный человѣкъ, какъ Перонне, строитъ такую нелѣпую систему обвиненія, съ такимъ усердіемъ добивается смерти сумасшедшаго Папавуана, рисуетъ изъ него какого то Нерона или Домиціана. Рѣчь эта замѣчательна, какъ доказательство той крайности, въ которую иногда впадаютъ французскіе генералъ-адвокаты, во что бы то ни стало добиваясь головы обвиненнаго. Ихъ не устрашитъ никакая гипотеза, никакое сравненіе; все хорошо, лишь бы вело къ надлежащей цѣли, осужденію обвиненнаго.

Оставалось разсмотрѣть защиту Папавуана, приводящаго въ оправданіе умственное разстройство; генералъ-адвокатъ, въ опроверженіе оправданія, указываетъ на жизнь обвиненнаго, на допросы его. Человѣкъ въ здравомъ умѣ не могъ сдѣлаться на минуту сумасшедшимъ.

Палье младшій, другъ Папавуана, нарочно для защиты его пріѣхавшій изъ Соассона, произноситъ защитительную рѣчь.

«Гг. присяжные! Въ процессѣ, подобнаго рода въ «особенности, должны были вы проникнуться всею важ-«ностью, всѣмъ значеніемъ порученной вамъ закономъ обя-«занности, и оставить въ сторонѣ тѣ предразсудки, кото-

«рые столь часто влекли за собою гибельныя послѣдствія. «Дѣйствительно, на обвиненномъ лежитъ тяжесть доказаннаго пре«ступленія. По своему характеру, преступленіе было столь тяжко, «что всѣ ожидали найти въ убійцѣ человѣка изъ тѣхъ, для ко«торыхъ убійство составляетъ ремесло, и ножъ которыхъ имѣетъ «свою таксу.

«Не безъизвѣстно было, что несчастные дѣти эти, прои«зошли отъ связи, не одобренной семействомъ ихъ отца и по«селили въ семействѣ этомъ несогласія. Но мы знаемъ, что отъ «семейства Жербодъ нынѣ отклонено всякое подозрѣніе; Маль«серве, сначала подозрѣваемая въ соучастіи, тоже невиновна; «кто же такой убійца? Онъ вамъ извѣстенъ, гг. присяжные. Онъ «принадлежитъ ко всѣми уважаемому семейству; достигши 42 «лѣтъ, онъ въ свидѣтельство приноситъ вамъ безукоризненную «жизнь свою, которую почти всю посвятилъ служенію отечеству. «Онъ былъ и хорошимъ сыномъ, и честнымъ гражданиномъ. И «такой человѣкъ можетъ взойти на эшафотъ!

Здѣсь защитникъ представляетъ обвиненнаго человѣкомъ мрачнаго, меланхолическаго темперамента; природное расположеніе это усилилось отъ безпрестанныхъ несчастій, преслѣдовавшихъ его въ жизни.

«Но гдѣ же причина преступленія? Искать-ли ее въ при«знаніяхъ, которыя дѣлалъ обвиненный, во время слѣдствія; но «если справедливы эти признанія, если справедливо, что, пора«жая дѣтей Жербодъ, Папавуанъ думалъ убить дѣтей герцога «беррійскаго, то надо бы было сознаться, что само намѣреніе «ошибки въ исполненіи составляютъ ощутительнѣйшее доказа«тельство умственнаго разстройства, въ которомъ онъ тогда нахо«дился. *Намѣреніе*—ибо оно прямо противорѣчило бы политиче«скимъ убѣжденіямъ обвиненнаго и всего его семейства. *Ошибки «въ исполненіи*: ибо могъ ли предположить обвиненный, еслибы «онъ находился въ здравомъ разсудкѣ, что встрѣтитъ августѣй«шихъ дѣтей въ Венсенѣ, (куда они одни никогда не ѣздятъ), «посреди лѣса, открытаго для всѣхъ. Наконецъ, могъ ли бы онъ

«предположить, что два одинаково по мужскому одѣтые ребенка «были бы между тѣмъ различнаго пола. Но въ этомъ пунктѣ «и обвиненіе и защита согласны; эти воображаемыя признанія, «отъ которыхъ впослѣдствіи отказался обвиненный, были про«сто выдумка, фантазія.

«Но г. генералъ-адвокатъ приписываетъ ихъ системѣ опра«вданія, которой будтобы придерживается обвиняемый, утверж«даетъ, что обвиняемый притворно выдаетъ себя за сумасшед«шаго; я же утверждаю, что признанія эти только доказываютъ «сумасшествіе Папавуана, ибо одна изъ замѣчательнѣйшихъ «странностей этой болѣзни та, что безумный часто упорно обви«няетъ себя въ совершеніи преступленія, котораго не совершилъ «и не былъ въ состояніи совершить.

«Обратите вниманіе и на то, гг. присяжные, въ какихъ обстоя«тельствахъ Папавуанъ дѣлалъ эти признанія: 15-го говоритъ онъ «въ 1 разъ, 16-го дѣлаетъ онъ нѣкоторыя дополненія къ сказанному, «въ тотъ же день поджигаетъ онъ свой тюфякъ, чтобы истребить «надоѣдавшихъ ему блохъ; наконецъ утромъ 17-го онъ поку«шается на жизнь Лабіе. Спрашивается, есть ли возможность «не узнать во всѣхъ этихъ фактахъ одного общаго источника, «т. е. возобновлявшихся припадковъ безумія, возбуждаемыхъ въ «обвиняемомъ столь новымъ и тяжкимъ для него положеніемъ, «безпрестанными допросами, постоянными безсонницами! . . .

«Еще разъ, продолжаетъ защитникъ, гдѣ же мотивъ пре«ступленія? Нужно ли согласиться съ г-номъ генералъ-адвока«томъ видѣть въ Папавуанѣ дикаго звѣря; и вмѣсто того, что«бы извинить сумасшедшаго, безуміе котораго столько же до«казано, сколько и его безукоризненная нравственность, сдѣлать «изъ него людоѣда, вампира, чтобы отдать палачу.

«Ничѣмъ не мотивированное преступленіе! Вникните хо«рошенько, гг. присяжные въ значеніе этихъ словъ, и какое «преступленіе, убійство двухъ дѣтей! Скажите, кто услышавъ «объ этомъ, не скажетъ тотчасъ же, убійца былъ вѣрно сума«сшедшій! И этотъ простой, если хотите тривіальный возгласъ

«есть послѣднее слово въ этомъ дѣлѣ; да, человѣкъ этотъ былъ «не въ своемъ умѣ; вся тайна процесса заключается въ этомъ.

Затѣмъ адвокатъ переходитъ къ физіологическому разбору преступленія, столь странно сокращенному въ обвиненіи.

«Виды безумія разнообразны. Одни лишены ума на все-«гда, но внезапныя сильныя ощущенія, или болѣзнь, могутъ на «время отнять у человѣка здравый разсудокъ. Между этими ви-«дами безумія разница только въ продолжительности, и тотъ, «у кого отчаяніе затемняетъ разсудокъ на нѣсколько часовъ, «въ продолженіи этихъ часовъ совершенно такъ же безуменъ, «какъ и тотъ, кто теряетъ употребленіе умственныхъ способ-«ностей на многіе годы.

«Не говоря уже о томъ, что наказаніе безумнаго,—жесто-«кость безполезная для общества; если наказаніе полезно тог-«да, когда примѣрно, то наказаніе, не могущее быть поста-«новленнымъ въ примѣръ,—варварство. Казнь горячечнаго не «помѣшаетъ никому имѣть горячку. Если лишенный разсудка «причинилъ вредъ, его конечно надо бояться; дѣло справедли-«вости и осторожности наблюдать надъ нимъ, связать его, за-«ключить; но было бы безполезною жестокостью послать его «на эшафотъ! Нѣтъ, гг. присяжные, вы не захотите, чтобы под-«судимый увеличилъ собою толпу тѣхъ несчастныхъ, на кото-«рыхъ указываетъ медицинская наука, несчастныхъ, которые «были болѣе достойны участія общества, чѣмъ мщенія пра-«восудія.

«Въ эту минуту, г-да, я даже не говорю отъ имени под-«судимаго; что ему до приговора, который вы надъ нимъ про-«изнесете, жизнь или смерть, для него таже мука, послѣдняя «по крайней мѣрѣ будетъ короче; но я говорю отъ имени «60-ти лѣтней матери его, любимой, уважаемой всѣми окру-«жающими ее, испытавшей столько несчастій, ... а про-«цессъ этотъ намъ показалъ, что стоитъ матери потеря ея «дѣтей»!

Защита превосходила обвиненіе, хотя въ рѣчи Палье и замѣчаются насильственные эффекты, безъ которыхъ впрочемъ

рѣчи французскихъ адвокатовъ никогда не обходятся. Страсть къ драппировкѣ, къ эффектамъ врождена французскому адвокату; къ концу своей рѣчи онъ всегда прибережетъ нѣсколько слезливыхъ трогательныхъ фразъ, имѣющихъ въ предметѣ разжалобить присяжныхъ. Не смотря на свои недостатки, неясность физіологическихъ доказательствъ, вычурность выраженій, рѣчь Палье имѣла успѣхъ; теплое чувство, которымъ она была проникнута, превосходная дикція, тронули присяжныхъ, но при всемъ томъ не могли убѣдить ихъ. Теоріи защиты были еще слишкомъ смѣлы и новы. Мономанія,—было еще слово вчерашнее, не признанное; ни общественное мнѣніе, ни судьи, не вѣрили еще въ эти минутныя затемнѣнія разсудка, непреодолимыя увлеченія, содѣлывающія преступленіе безотвѣтственнымъ.

Присяжные объявили Папавуана виновнымъ во всѣхъ пунктахъ обвиненія.

Президентъ произноситъ смертный приговоръ. На лицѣ Папавуана не замѣтно никакой перемѣны: *прошу суда у божественнаго правосудія*, спокойно сказалъ онъ, подымаясь съ мѣста. Семейство его тщетно просило короля о помилованіи. Несчастный былъ казненъ 25-го марта на гревской площади.

Конечно теперь бы не приговорили его къ смерти. До настоящаго времени наука еще не достаточно ознакомилась со всѣми многообразными видами безумія; и самое слово, галлюцинація, еще не имѣло того смысла, какой придаютъ ему нынѣ. Слово это означаетъ, для современныхъ психологовъ, ложныя ощущенія, не имѣющія дѣйствительнаго основанія въ внѣшнемъ мірѣ. Эти ложныя ощущенія проявляются въ духѣ больнаго (который необходимо долженъ имъ подчиниться), не менѣе сильно и ясно ощущеній дѣйствительныхъ. Для больнаго они составляютъ какъ бы особый міръ, міръ, наполненный видѣній и грезъ, дѣйствительность которыхъ не можетъ быть имъ оспариваема. Эти ложныя ощущенія, смотря по силѣ своей,

или только терзаютъ, утруждаютъ духъ больнаго, или подчиняютъ его себѣ совершенно; они имѣютъ постоянное отношеніе съ болѣзненнымъ состояніемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ ипохондріи. Эти кажущіяся ощущенія проявляются во снѣ и на яву, бываютъ постоянны и преходящи. Въ галлюцинаціи ложный образъ принимаетъ вещественную форму, обманываетъ одно изъ нашихъ чувствъ, или всѣ чувства вмѣстѣ, соглашаетъ съ собою разсудокъ, и увлекаетъ волю къ совершенію дѣйствій, которыя могутъ быть и преступными, что зависитъ отъ настроенія духа больнаго и отъ случая. Паскаль, Жанъ-Жакъ Руссо, министръ Жюрье страдали отъ своего болѣзненнаго воображенія, но не убили никого.

Паскаль постоянно видѣлъ передъ собою разверзтую пропасть, Жюрье казалось, что въ желудкѣ его пляшутъ семь апокалипсическихъ всадниковъ, Декарта преслѣдовалъ великанъ, Лютера дьяволъ; наконецъ Руссо мечталъ о всемірномъ заговорѣ, составлявшемся всѣмъ обществомъ противъ него. Тѣже мечты, видѣнія, грезы, подъ вліяніемъ которыхъ Сведенборгъ проповѣдывалъ свое мистическое ученіе, которыя вдохновили Данту, лучшія мѣста его поэмы, могутъ побудить организаціи, менѣе духовноразвитыя, къ совершенію низкихъ дѣяній. Иногда, дѣйствительно, сонъ на яву принимаетъ такой характеръ вѣроятности, кажущееся столь дѣйствительно, что побуждаетъ больнаго къ дѣйствіямъ, согласнымъ съ ложнымъ представленіемъ. Отъ несогласія же между этими ложными представленіями и предметами дѣйствительнаго міра могутъ имѣть мѣсто грустныя послѣдствія.

Въ Брюсселѣ француженка, жена профессора, однажды, въ отсутствіи мужа, увидѣла ангеловъ, приказывавшихъ ей убить своего ребенка; потомъ явился ей мужъ ея, съ головой, покрытой вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ; онъ былъ раненъ, въ рукахъ держалъ окровавленный ножъ, и открылъ ей, что лишилъ себя жизни, чтобы войти въ рай, что онъ ждетъ ее и сына, котораго тоже надо убить, чтобы открыть ему путь спасенія. Несчастная, подъ вліяніемъ этихъ

видѣній, забиваетъ сыну ротъ хлѣбнымъ мякишемъ, и наконецъ, чтобы ускорить смерть, задушаетъ его руками; потомъ наноситъ себѣ нѣсколько ударовъ въ грудь перочиннымъ ножемъ, но боль и инстинктъ самосохраненія превозмогаютъ, она падаетъ въ изнеможеніи и ждетъ смерти, которая должна соединить ее съ сыномъ. Несчастную отдали въ больницу; въ другое время ее бы ожидалъ эшафотъ.

Другое лицо видитъ постоянно около себя жандармовъ, ведущихъ его на казнь. Желая убить жену, чтобы спасти ее отъ этого безчестія, онъ цѣлую ночь однажды простоялъ съ ножомъ подлѣ ея кровати; но къ счастью не исполнилъ своего намѣренія. На другое утро, измученный видомъ своихъ воображаемыхъ преслѣдователей, онъ не въ состояніи былъ болѣе переносить это и утопился въ бочкѣ. Былъ ли бы онъ болѣе виновенъ, если бы убилъ жену, вмѣсто того, чтобы лишить себя самого жизни?

Несносное постоянство и упорство видѣній и грезъ, преслѣдующихъ волю больнаго, есть одинъ изъ отличительныхъ признаковъ этой странной болѣзни. Разсудокъ долго противится и наконецъ уступаетъ.

«Кастельно», въ своей судебной медицинѣ, разсказываетъ про цирюльника, намѣренно ранившаго въ шею человѣка, котораго онъ брилъ; онъ не можетъ объяснить совершеннаго дѣйствія: что-то побудило его къ этому. Умыселъ долго мучилъ его, прежде нежели онъ его привелъ въ исполненіе. Въ судебной медицинѣ «Боамона» вотрѣчаемъ мы случай, имѣющій большое сходство съ дѣломъ Папавуана. Полицейскій коммисаръ призванъ, чтобы освидѣтельствовать совершенное убійство. Обвиненный сожалѣетъ о совершенномъ имъ преступленіи; онъ объявляетъ коммисару, что совершилъ убійство, потому что *всѣ желали ему зла*, но что онъ не имѣлъ никакого основанія *ненавидѣть убитаго*. Почему же вы нанесли ударъ только что выточеннымъ ножомъ? спрашиваютъ у него. Онъ отвѣчаетъ, что его постоянно преслѣдуютъ злодѣи, что какое

то лицо схватило его за горло. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ видѣлъ слѣдовавшихъ за нимъ пять или шесть человѣкъ, говорившихъ другъ другу: *его надо убить, его надо убить*. Сравните это съ ночными боязнями Папавуана. Далѣе, Соэца, такъ звали убійцу, перевели въ Бисетръ. Нѣсколько мѣсяцевъ проводитъ онъ, погруженный въ мрачную задумчивость. Въ одинъ прекрасный день онъ ударяетъ ножомъ больничнаго служителя, съ которымъ былъ всегда очень хорошъ. На допросѣ Соэцъ объявилъ, что сдѣлалъ это въ припадкѣ сумасшествія, но притомъ прибавилъ, что припадокъ этотъ у него прошелъ, и сильно протестовалъ въ пользу своего здраваго разсудка, который впрочемъ сталъ постепенно исчезать у него и наконецъ исчезъ совершенно.

Во всѣхъ этихъ приведенныхъ нами примѣрахъ, точно также какъ и въ дѣлѣ Папавуана, отвѣтственность не должна была имѣть мѣста. Слѣдовало предупредить возможность повторенія подобнаго случая, учредить строгій надзоръ, отдать въ больницу, заключить въ тюрьму, но было непростительною жестокостью послать безумнаго на эшафотъ.

Генріэтта Корнье. (1825 г).

Мы приводимъ здѣсь дѣло Генріэтты Корнье, такъ какъ намъ оно казалось необходимымъ дополненіемъ дѣла Папавуана, по однородности совершеннаго преступленія, и по сходству характеровъ обоихъ осужденныхъ.

Генріэтта была счастливѣе, ее спасъ отъ смерти процессъ Папавуана.

4-го ноября, въ первомъ часу пополудни, молодая женщина, находящаяся въ услуженіи въ гостинницѣ улицы Пепиньеръ №. 52, сошла внизъ въ лавку супруговъ Белонъ, для какой-то домашней покупки. Женщина эта, недавно еще вступившая въ услуженіе къ Фурнье, содержателямъ гостинницы, приходила уже нѣсколько разъ за покупками въ эту лавку. Генріэтта Корнье, такъ звали ее, не смотря на свой угрюмый

и несообщительный нравъ, была очень хорошо принята у Белонъ; она съ какой то страстью всегда ласкала хорошенькую девятимѣсячную дочку ихъ Фанни, что конечно нравилось родителямъ.

Когда Генріэтта вошла въ лавку, г-жа Белонъ собиралась идти гулять; пока будете одѣваться, сказала ей Генріэтта, отпустите со мною поиграть Фанни; мать согласилась.

Возвратившись съ Фанни въ гостинницу, Генріэтта захватила въ кухнѣ большой поварской ножъ. Комната ея находилась въ 1-мъ этажѣ; на лѣстницѣ съ нею встрѣтился Друо, придверникъ дома.

—Это вашъ такой милый ребенокъ? спросилъ тотъ.

—Нѣтъ, отвѣчала грустно Генріэтта, мнѣ не далъ Богъ такого счастія.

Пришедши въ свою комнату, она тщательно заперла дверь, положила дѣвочку поперегъ кровати, еще разъ поцѣловала ее, и, взявъ за голову, такъ быстро и вѣрно перерѣзала ей горло, что та даже не успѣла и вскрикнуть. Окровавленное тѣло упало на кровать, голова осталась въ рукахъ Генріэтты, кровь ручьями текла съ кровати на полъ. Генріэтта съ минуту оставалась неподвижной и смотрѣла на свои замаранныя кровью руки; только тогда въ ней пробудилось смутное чувство ужаса и отвращенія; она бросила головку на полъ и потомъ вдругъ, испугавшись безъ всякой причины, спряталась въ комнату хозяевъ. Но скоро она вышла оттуда и возвратилась къ себѣ, взяла тѣло, положила его на полъ подлѣ головы, вытерла руки, не умывая ихъ, сѣла и оставалась погруженною въ задумчивость.

—«Генріэтта! спустите Фанни, я готова», послышался снизу голосъ матери.

Генріэтта отворила дверь, Белонъ поднималась по лѣстницѣ; я пришла за Фанни, говорила она. Вашъ ребенокъ умеръ, отвѣчала спокойно Генріэтта. Белонъ засмѣялась, принимая слова эти за шутку. Въ дверяхъ она встрѣтилась съ Генріэттой, за-

гораживавшею ей дверь, и тихо повторившею, подите же, я говорила вамъ, что ребенокъ вашъ умеръ. Испуганная Белонъ оттолкнула Генріэтту и вошла въ комнату. Пораженная ужаснымъ видомъ, отъ внезапнаго волненія она не можетъ ни кричать, ни идти, но Генріэтта сохраняетъ все свое хладнокровіе. «Бѣгите скорѣе, говоритъ она ей, а то попадете въ свидѣтели.» Та, опомнившись, сбѣгаетъ внизъ, кричитъ и сзываетъ на помощь.

Белонъ мужъ, не понимая, что могло такъ долго задержать на верху жену его, вышелъ изъ лавки; въ эту минуту изъ отворившагося надъ нимъ окна выбрасываютъ головку Фанни на мостовую.

На крики его и жены сбѣгается народъ, всѣ идутъ на верхъ и находятъ Генріэтту спокойно сидящую на стулѣ подлѣ кровати, въ двухъ шагахъ отъ тѣла. Лицо ея блѣдно, взглядъ тусклъ.

На допросѣ у полицейскаго коммисара Генріэтта сознается, разсказываетъ подробно всѣ обстоятельства. Что васъ побудило къ этому? спрашиваютъ у нея. Я желала ее убить, отвѣчала она, мнѣ пришла въ голову эта мысль, такова была моя судьба.

Призванный докторъ объявилъ, что нашелъ Генріэтту спокойною, пульсъ ея правильнымъ, что замѣтилъ въ ней только большую усталость, сильный упадокъ духа. Полагали сначала, что она беременна, но скоро убѣдились въ противномъ.

Слѣдствіе, стараясь раскрыть цѣль преступленія, думало найти ее въ предъидущей жизни Генріэтты; но въ ней ничего не нашли такого, чтобы могло объяснить совершенное преступленіе. Она родилась въ 1799 г., родители ея были булочники; потерявши еще въ раннихъ лѣтахъ и мать и отца, она проживала у нѣсколькихъ родственниковъ своихъ, довольно дурно обращавшихся съ нею. По настоянію тѣхъ же родственниковъ, 17 лѣтъ, она вышла замужъ за нѣкого Бертона, котораго не могла полюбить за его грубость и дурное

обращеніе съ ней; она оставила его послѣ 4-хъ мѣсячнаго сожитія. Генріэтта поѣхала въ Парижъ, гдѣ находился ея братъ, служившій кондукторомъ при королевскихъ мессажри; онъ хорошо принялъ ее и доставилъ ей нѣсколько мѣстъ.

Первое время Генріэтта вела жизнь довольно безпорядочную, жила съ любовниками, отъ которыхъ имѣла двухъ дѣтей; она была въ эти года необыкновенно веселаго и безпечнаго характера; но въ теченіи 1825 года изъ веселой она становится мрачною, угрюмою, молчаливою, и въ концѣ сентября сознается брату, что желала бы лишить себя жизни. Такова была жизнь этой женщины, совершившей необъяснимое убійство.

Розъискали тѣхъ лицъ, у которыхъ въ разное время находилась въ услуженіи Генріэтта. Такъ Віо, табачный торговецъ, показалъ, что знаетъ Генріэтту за вѣрную, послушную слугу, чрезвычайно нѣжную въ обращеніи съ дѣтьми, которыхъ она очень любила.

Изъ всѣхъ показаній любопытнѣйшимъ было показаніе кондитеровъ супруговъ Тришонъ, къ которымъ Генріэтта нѣсколько разъ поступала въ услуженіе. Тришонъ объявилъ, что въ послѣднее время онъ замѣтилъ въ характерѣ Генріэтты большую перемѣну; она казалась безпокойною, ее мучили неопредѣленныя опасенія; ночью часто бывала она въ состояніи сомнанбулизма, разсказывала, что сдѣлала, или что была намѣрена дѣлать. Послѣднее время она была постоянно задумчива, угрюма. Фурнье, послѣдняя госпожа ея, говорила, что неоднократно спрашивала ее о причинахъ ея грусти, но никогда не получала удовлетворительнаго отвѣта. Вотъ все, что было раскрыто слѣдствіемъ. На этотъ разъ потребовали мнѣнія медицины.

По прочтеніи обвинительнаго акта, генералъ эдвокатъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ, что хотя изъ обстоятельствъ дѣла и было видно, что умственныя способности Корнье находились въ совершенномъ порядкѣ, что доказывалось какъ и прежнею жизнію ея, такъ и отвѣтами ея, на

вопросы, предложенные президентомъ, съ цѣлію удостовѣриться въ состояніи ея умственныхъ способностей; но такъ какъ *достаточно было нѣсколькихъ выраженныхъ сомнѣній*, чтобы правосудіе подтвердило свой приговоръ свидѣтельствомъ медиковъ, то г-нъ президентъ назначилъ коммисію изъ 3-хъ медиковъ для освидѣтельствованія умственнаго состоянія Корнье.

Послѣ 2-хъ кратнаго освидѣтельствованія медиками Корнье, они объявили, что не находятъ умственныя способности обвиненной сколько нибудь поврежденными; что 3-іе освидѣтельствованіе, сдѣланное ими порознь, въ разные часы, привело къ тѣмъ же результатамъ, что слѣдовательно ими не найдено признаковъ, указывавшихъ на какой либо родъ безумія, а что по одному виду ея, хотя грустному и убитому, или по медленнымъ, и не всегда удачнымъ отвѣтамъ, нельзя еще вывести, что разсудокъ ея былъ бы поврежденъ. Но при всемъ томъ, рѣшительнаго приговора о состояніи обвиненной, по кратковременности наблюденій своихъ, они произнести не могутъ.

Посему онъ (генералъ адвокатъ) полагаетъ, что достаточно самаго неосновательнаго сомнѣнія, которое могло бы оставаться въ умахъ нѣкоторыхъ лицъ, чтобы побудить правосудіе дать возможность медикамъ продлить свои наблюденія настолько, чтобы они имѣли возможность произнести рѣшительный приговоръ.

Судъ согласился на предложеніе генералъ-адвоката. Разсмотрѣніе дѣла было отложено до слѣдующихъ ассизовъ.

Генріэтту перевели въ госпиталь Сальпетріеры; тамъ она оставалась до іюня мѣсяца, подъ наблюденіемъ медиковъ; результатомъ этихъ наблюденій было слѣдующее донесеніе:

Въ продолженіи нашихъ наблюденій надъ Корнье, отъ 25-го февраля до 3-го іюня, мы замѣтили въ ней только глубокую грусть и сильный упадокъ духа, что впрочемъ достаточно объясняется настоящимъ ея положеніемъ, и не нашли въ ней тѣхъ признаковъ, которыми характеризуется совершенное разстройство умственныхъ способностей.

Но мы, нижеподписавшіеся доктора, считаемъ долгомъ справедливости и нашей совѣсти объявить, что приговоръ нашъ о духовномъ состояніи (état moral) подсудимой, не можетъ быть рѣшительнымъ; если доказано слѣдствіемъ, какъ впрочемъ это и упомянуто въ обвинительномъ актѣ, что до 4-го еще ноября характеръ и привычки подсудимой вдругъ измѣнились, что она стала молчалива, угрюма, безпокойна; въ такомъ случаѣ настоящее состояніе ея можетъ быть объяснено болѣзненнымъ расположеніемъ, существующимъ въ ней уже болѣе одного года. Мы тѣмъ болѣе считаемъ необходимымъ сдѣлать эту оговорку, что, дѣлая заключеніе о духовномъ состояніи (état moral) извѣстнаго лица, необходимо сравнить настоящій образъ жизни его съ образомъ жизни его до сего времени.

Дѣло было назначено къ разсмотрѣнію 24-го іюня. Генріэтта вошла, поддерживаемая подъ руку жандармомъ. Она довольно большаго роста, лицо ея было бы пріятно, если бы не безпокойное и мрачное выраженіе глазъ, руки ея дрожали конвульсивно.

По прочтеніи обвинительнаго акта, президентъ переходитъ къ допросу; она отвѣчаетъ слабымъ и медленнымъ голосомъ.

В. Въ какое время поступили вы въ услуженіе къ Фурнье? *О.* Въ ноябрѣ.

В. Хорошо ли вамъ было у Фурнье, не имѣли ли вы причины жаловаться на нихъ? *О.* нѣтъ.

В. 4-го ноября вы были у торговки Белонъ, видѣли тамъ маленькую Фанни, и ласкали ее; потомъ просили вы позволенія у матери взять дѣвочку съ собою? *О.* *Да.*

В. Вы цѣловали ее, поднимаясь по лѣстницѣ? *О.* Не помню.

В. На лѣстницѣ вы встрѣтились съ Друо и говорили съ нимъ? *О.* Да.

В. Передъ тѣмъ, чтобы подняться по лѣстницѣ, вы заходили въ кухню и взяли ножъ? *О.* Да.

В. Какое было ваше намѣреніе? *О.* Я сдѣлала это безсознательно.

В. Какая мысль была у васъ, когда вы брали ножъ?... отвѣчайте *О.* Я не знала, что дѣлала.

В. Вы положили ребенка на кровать? *О.* Да.

В. На кровати вы и нанесли ему смерть? *О.* Да.

В. Потомъ положили его на полъ? *О.* Да.

В. Вы помните всѣ эти обстоятельства? *О.* Да.

В. Когда мать пришла за ребенкомъ, вы отвѣчали ей, что онъ умеръ? *О.* Да.

В. Для чего выбросили вы голову ребенка изъ окошка? Подсудимая отвѣчаетъ послѣ долгаго молчанія и чуть слышнымъ голосомъ:—чтобы показать, что я была одна.

В. Вы знали, что совершали ужасное преступленіе? *О.* Все прошло быстрѣе молніи и противъ моего желанія.

В. Васъ не остановилъ страхъ наказанія Божьяго? *О.* Въ этотъ день я оставила Бога.

Одинъ изъ присяжныхъ: Въ то время еще, когда желали лишить себя жизни, думали вы о совершеніи убійства? *О.* нѣтъ... никогда!

В. Значитъ вамъ до 4-го ноября не приходило въ голову убить ребенка? *О.* Нѣтъ.

В. Когда же именно начали вы думать объ этомъ? *О.* Когда я взошла въ свою комнату.

В. Для чегожъ тогда вы брали ножъ? *О.* Мнѣ пришла эта мысль въ кухнѣ.

Доктора были призваны. Г-нъ Эскироль подробно описалъ болѣзненное состояніе—мономанію, гдѣ лицо, повидимому находящееся въ здравомъ разсудкѣ, теряя его на какомъ нибудь пунктѣ, можетъ сдѣлаться виновнымъ въ насиліи, которое однакоже въ вину ему не можетъ быть поставлено, хотя лицо и совершаетъ его иногда съ предварительнымъ намѣреніемъ, извѣстнымъ искуствомъ и можетъ помнить малѣйшія его подробности.

Не смотря на усилія генералъ-адвоката Баіё, требовавшаго приложенія закона во всей его строгости, послѣ защитительной рѣчи, произнесенной г. Готье Бизо, Генріэтта Корнье была признана виновною въ совершеніи умышленнаго убійства, но безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, и приговорена къ вѣчной каторжной работѣ. 17-го ноября она была клеймена, а потомъ заключена сначала въ Сенъ-Лазарѣ, а потомъ въ Клермонѣ. Когда ее видѣлъ Сентъ-Эдмъ въ 1829 году, она была по прежнему грустна и спокойна. Думаете ли вы когда нибудь о совершенномъ вами преступленіи? спросилъ онъ у нея. Рѣдко, отвѣчала она. Чувствуете ли раскаяніе? Нѣтъ, можетъ быть потому, что тогда мнѣ надоѣла жизнь, я потеряла голову, хотѣла лишить себя жизни; воспоминанія тѣмъ менѣе мучатъ меня, что теперь уже я неясно припоминаю обстоятельства.

ОТДѢЛЪ IV.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

Вопросы, возбужденные Мейеромъ. Покойный профессоръ казанскаго университета, Д. И. Мейеръ, читая тамъ послѣдній курсъ своихъ лекцій гражданскаго права (1854—1855 г.), во вступительной лекціи, въ доказательство недостаточности практическаго изученія гражданскихъ законовъ, представилъ нѣсколько весьма интересныхъ примѣровъ, или, правильнѣе, вопросовъ, которые не разрѣшаются прямо положительнымъ нашимъ законодательствомъ. Лекція эта, къ сожалѣнію, упущена г. Вицынымъ въ его изданіи чтеній г. Мейера. Какъ по оригинальности ея, такъ и по интересности сообщаемыхъ въ ней вопросовъ, мы считаемъ умѣстнымъ помѣстить ее на страницахъ нашего журнала отчасти и съ тою цѣлію, чтобы дать случай нашимъ юристамъ заняться разрѣшеніемъ самыхъ вопросовъ. Во всякомъ случаѣ, редакція ж. м. ю. поставитъ обязанностію, и съ своей стороны, представить читателямъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ. Въ настоящемъ нумерѣ журнала помѣщены уже двѣ статьи, имѣющія предметомъ разрѣшеніе двухъ изъ предложенныхъ Мейеромъ вопросовъ. Одна статья разсматриваетъ вопросъ о пространствѣ правъ нанимателей не движимыхъ имуществъ, въ случаѣ пе-

рехода этихъ имуществъ къ другимъ лицамъ отъ тѣхъ собственниковъ, съ которыми нанимателями заключены контракты о наймѣ. Другая статья касается вопроса о томъ, къ какому браку должны быть причисляемы лица, зачатыя, по предположенію, въ одномъ бракѣ, а рожденныя въ новомъ бракѣ. Редакціи ж. м. ю. положительно извѣстно, что Д. И. Мейеръ, знакомившій своихъ слушателей съ гражданскимъ правомъ посредствомъ практическихъ занятій, предлагалъ имъ для разрѣшенія (словеснаго или письменнаго) много интересныхъ вопросовъ по русскому законодательству, вопросовъ, подобныхъ печатаемымъ здѣсь; но, къ сожалѣнію, эти вопросы оставлялись безъ вниманія и, вѣроятно, должны считаться утраченными для насъ.

Вотъ что говорилъ Мейеръ во вступительной своей лекціи.

Чтобы показать недостаточность одного практическаго изученія гражданскихъ законовъ, представимъ нѣсколько примѣровъ:

1 случай. Вдовѣ предоставляется, по нашему законодательству, извѣстная часть имущества мужа. Эта часть называется *указною частью.* Право на указную часть, по древнему воззрѣнію, не представляетъ собственно права наслѣдованія: жена не считается наслѣдницею мужа, хотя въ обыкновенномъ быту нерѣдко супругъ получаетъ часть изъ имущества другаго супруга и называется *наслѣдникомъ.* Лицо составляетъ духовное завѣщаніе, по которому предостовляетъ женѣ то, что ей слѣдуетъ по закону изъ имущества, но освобождаетъ ее отъ участія въ платежѣ долговъ. По смерти завѣщателя возникаетъ вопросъ: слѣдуетъ ли вдовѣ имѣть участіе въ платежѣ долговъ, или нѣтъ? На столько ли дѣйствительна воля завѣщателя, что жена его дѣйствительно можетъ освободиться отъ участія въ платежѣ долговъ или нѣтъ? Если бъ даже и не было такого распоряженія со стороны завѣщателя, все равно и тогда бы возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли вдовѣ участвовать въ платежѣ долговъ или нѣтъ? По существующему въ настоящее время воззрѣнію, мы признаемъ супруга, который пользуется частью имущества умершаго супруга, обязаннымъ нести и всѣ тягости наслѣдованія, стало быть, участвовать и въ платежѣ долговъ. Наше современное

юридическое воззрѣніе отлично отъ воззрѣнія древнихъ. Съ другой стороны, намъ свойственно воззрѣніе, что воля умершаго священна и что неприкосновенность этой воли должна быть сохранена до послѣдней крайности. Такимъ образомъ, съ одной стороны представляется основаніе признать вдову обязанною участвовать въ платежѣ долговъ покойнаго мужа, а съ другой представляется основаніе соблюсти волю завѣщателя и, стало быть, освободить вдову отъ платежа долговъ.

2 случай. По нашему законодательству, дитя можетъ быть признано законнымъ, хотя бы оно родилось и по прекращеніи брака. Бракъ прекращается, напр., смертью мужа; оказывается, что жена овдовѣла беременною: такое дитя, которое родилось въ теченіи извѣстнаго срока (*) по смерти мужа, считается законнымъ. Съ другой стороны, законодательство опредѣляетъ, что когда бы ни родилось дитя по совершеніи брака, хотя бы и задолго до наступленія нормальнаго срока, оно все-таки считается законнымъ. Напримѣръ, бракъ совершился сегодня, а чрезъ нѣсколько дней жена разрѣшается отъ бремени; когда нѣтъ спора со стороны мужа, дитя считается законнорожденнымъ. Положимъ, что бракъ прекратился смертью мужа, что черезъ нѣсколько недѣль вдова вступаетъ въ новый бракъ, и въ этомъ новомъ бракѣ рождается дитя до срока, нормальнаго для беременности, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ предѣлахъ срока, въ теченіи котораго дитя, рожденное по смерти мужа, считается законнымъ; возникаетъ вопросъ: къ которому браку должно быть отнесено это дитя—къ первому ли, прекратившемуся смертью мужа, или ко второму, въ которомъ всякое дитя считается законнымъ, какъ скоро совершился бракъ, хотя бы и до нормальнаго срока?

3 случай. Во владѣніи опекуна находится имущество несовершеннолѣтняго. Въ составъ его входитъ недвижимое имущество, есть также и движимое; къ имуществу опекаемаго принадлежатъ каменныя строенія въ городѣ, принадлежитъ нѣ-

---

(*) Т. е. въ теченіи 306-ти дней, по 119 ст. х т. ч. 1-й зак. гражд.

сколько деревень, между прочимъ этимъ деревнямъ принадлежитъ обширное скотоводство. Въ теченіи опеки одинъ изъ домовъ опекаемаго сгораетъ, не отъ вины опекуна; но опекаемый терпитъ отъ пожара убытокъ, потому что домъ не былъ застрахованъ. Равнымъ образомъ погибаетъ значительная часть скота, принадлежащаго опекаемому, такъ какъ и скотъ оказался тоже не застрахованнымъ. Возникаетъ споръ между опекуномъ и опекаемымъ. Опекаемый упрекаетъ опекуна въ нарушеніи обязательства, будто-бы для опекуна существовало обязательство застраховать по крайней мѣрѣ строенія, что упущеніемъ страховки опекунъ нарушилъ свое обязательство и подлежитъ отвѣтственности. И вотъ возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли представляется нерадѣніемъ со стороны опекуна незастрахованіе, тогда какъ опекунъ могъ отозваться, что онъ, щадя опекаемаго, не рѣшался на издержки?

4 случай. Лицо присвоиваетъ себѣ право собственности на поземельный участокъ на томъ основаніи, что поземельный участокъ входитъ въ составъ значительнаго пространства земли, которое досталось лицу по наслѣдству, только что объ этомъ участкѣ земли, о принадлежности его ко всему пространству наслѣдникъ не имѣлъ свѣдѣнія, такъ что долгое время не считалъ его своимъ, отчуждая все остальное пространство земли со всѣми принадлежностями. Въ настоящее же время пріобрѣтатель присвоиваетъ себѣ участокъ этотъ на томъ основаніи, что онъ пріобрѣлъ все пространство со всѣми принадлежностями, а слѣдственно и этотъ участокъ входилъ въ составъ его собственности. Спрашивается: кто же собственникъ этого участка земли: пріобрѣтатель ли всего участка, или прежній хозяинъ всего пространства?

5 случай. Лицу принадлежатъ два городскія мѣста, смежныя. На одномъ мѣстѣ онъ выстроилъ зданіе, окна котораго выходятъ на другое мѣсто. Потомъ хозяинъ продаетъ мѣсто, на которое выходятъ окна его строенія, и пріобрѣтатель этого мѣста или покупщикъ имѣетъ въ виду застроить эти окна. Тотъ отзывается, что право имѣть окна, которыя бы выходили на сосѣднее мѣсто, осталось за нимъ, и что поэтому

новый пріобрѣтатель не имѣетъ права заслонять ему окна. Спрашивается: дѣйствительно ли существуетъ такое право — имѣть окна на проданное мѣсто у хозяина строенія, или существуетъ право у другаго хозяина застроить ихъ?

6 случай. У лица выговаривается право прохода и проѣзда чрезъ сосѣдственный участокъ земли, не застроенный, не заселенный. Впослѣдствіи хозяинъ этого участка земли даетъ ему назначеніе, несовмѣстное съ такимъ проходомъ и проѣздомъ. Вслѣдствіе того лицо, имѣющее право прохода и проѣзда, протестуетъ и требуетъ, чтобы право это было сохранено, или чтобъ ему было назначено вознагражденіе за отходящее право прохода и проѣзда Спрашивается: основательно ли такое требованіе, и въ правѣ ли хозяинъ участка, вслѣдствіе существующаго права прохода и проѣзда, измѣнить назначеніе этого участка?

7 случай. Заключены съ однимъ и тѣмъ же лицомъ два договора, и исполненіе втораго договора предполагаетъ исполненіе перваго. Лицо оказывается неисправнымъ въ исполненіи перваго договора, хотя изъявляетъ готовность исполнить его, только съ отступленіемъ отъ прежнихъ условій. Но другой контрагентъ не допускаетъ его къ исполненію перваго договора, и вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ и второй договоръ нарушеннымъ, на томъ основаніи, что исполненіе втораго договора предполагаетъ исполненіе перваго. Именно такой случай, что по первому договору лицо обязывается представить извѣстное количество строительныхъ матеріаловъ, а по второму произвести изъ этихъ матеріаловъ сооруженіе. Первый договоръ не былъ исполненъ, матеріалъ можетъ быть выставленъ по истеченіи срока, но другой контрагентъ отказывается отъ производства работы: вслѣдствіе сего лицо, неисправное по первому договору, указываетъ, что второй договоръ нарушенъ не имъ и что потому оно не обязано на вознагражденіе втораго договора.

8 случай. Совершенъ договоръ купли-продажи по недвижимому имуществу, которое было предметомъ *найма.* Срокъ найма не прекратился совершеннымъ договоромъ купли-про-

дажи. Покупщикъ, сдѣлавшись собственникомъ недвижимаго имущества, потребовалъ, чтобы наемъ считался прекратившимся, между тѣмъ наниматель ссылался на продолженіе срока найма. Покупщикъ указывалъ на свое право собственности, а наниматель, съ своей стороны, указывалъ на право пріобрѣтенія по найму, по которому право пользованія остается за нимъ въ теченіи извѣстнаго срока. Спрашивается: какъ разрѣшить столкновеніе между правомъ одного лица и правомъ другаго?

9 случай. Былъ заключенъ договоръ купли-продажи по недвижимому имуществу. Впослѣдствіи явилось лицо, которое стало оспаривать право покупщика на недвижимое имущество, и судъ призналъ это оспариваніе основательнымъ, вслѣдствіе чего недвижимое имущество было отчуждено отъ покупщика. Покупщикъ обратился къ продавцу и требовалъ отъ него вознагражденія, но продавецъ отозвался, что, продавая имущество, онъ не принялъ на себя отвѣтственности за всякое позднѣйшее вступательство, что онъ не обязался условіемъ очистки (которое обыкновенно помѣщается въ купчихъ крѣпостяхъ), и что поэтому онъ не имѣетъ обязанности вознаградить покупщика. Спрашивается: правъ ли покупщикъ, который, за отсутствіемъ обязательства очистки, выводитъ, что онъ не обязанъ вознаградить покупщика, или правъ покупщикъ, который указываетъ на право отчужденія, какъ достаточное основаніе вознагражденія?»

«Вотъ рядъ случаевъ, которые даютъ понятіе о томъ, что составляетъ *предметъ* и *содержаніе* гражданскаго права. Вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что всѣ эти случаи для правильнаго ихъ разрѣшенія требуютъ не только знакомства съ существующими законами, но требуютъ также умѣнья разбирать эти случаи, отыскать, что́ въ нихъ существенно, приготовить такъ сказать, чтобъ законы были къ нимъ приложены. Кромѣ того видимъ, что эти случаи касаются вопроса о правѣ: вездѣ говорится о томъ, принадлежитъ ли лицу право или не принадлежитъ ему права; во всѣхъ этихъ случаяхъ идетъ рѣчь о какомъ-нибудь имущественномъ отношеніи, по крайней мѣ-

рѣ разрѣшеніе всѣхъ ихъ должно оказать существенное вліяніе на имущественныя отношенія,—идетъ рѣчь о томъ, имѣетъ ли лицо право не исполнить договора, или принадлежитъ ли лицу право на пользованіе чужой собственности, имѣетъ ли оно право на какое-либо дѣйствіе. И такъ, этимъ осязательнымъ, нагляднымъ путемъ мы приходимъ къ тому понятію, что *гражданское право есть наука объ имущественныхъ правахъ*».

Цитаты подъ статьями свода законовъ. По случаю спора о значеніи 1140 статьи I ч. X т., въ которомъ мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе почтеннаго редактора Юридическаго Вѣстника, между прочимъ было высказано въ 4-мъ выпускѣ этого журнала (стр. 42) и потомъ повторено въ 9-мъ выпускѣ (стр. 30, примѣч.) то мнѣніе, что въ цитатахъ къ статьямъ свода законовъ приводятся, съ цѣлью практическою и какъ пособіе для историческаго изученія законовъ, не только тѣ узаконенія, которыя имѣютъ силу въ настоящее время, но и тѣ постановленія, которыя отчасти или даже *вполнѣ* отмѣнены; онѣ оставляются въ цитатахъ, какъ указаніе на источники, служившіе къ составленію статьи. Одинъ изъ принимавшихъ участіе въ спорѣ замѣчалъ, что въ текстѣ дѣйствующихъ законовъ цитаты, какъ и во всякомъ историческомъ и ученомъ сочиненіи, составляютъ ссылки на тѣ источники, изъ которыхъ взяты основанія и положенія текста, а потому, въ случаѣ неясности или вообще для объясненія значенія дѣйствующей статьи, нельзя обратиться къ цитатѣ, заключающей въ себѣ ссылку на законъ, вполнѣ отмѣненный. Намъ кажется, что мнѣніе это вполнѣ справедливо; въ подтвержденіе же справедливости такого взгляда мы сошлемся на мнѣніе составителей свода законовъ. Въ «обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о сводѣ законовъ» (1833 г. напеч. при II отдѣленіи собственной канцеляріи), при изложеніи правилъ составленія свода говорится (стр. 104—107), что для этого были приняты слѣдующія начала, установленныя Бэкономъ, въ его афоризмахъ: 1) исключить изъ свода всѣ законы, вышедшіе

изъ употребленія, 2) исключить всѣ повторенія и вмѣсто многихъ постановленій, одно и тоже излагающихъ, принять въ сводъ одно изъ нихъ—полнѣйшее; 3) сохранить слово закона, извлекая статьи свода изъ самаго ихъ текста, хотя бы то было самыми мелкими и дробными частями; потомъ сіи мелкія части связать и соединить по порядку: ибо въ законѣ не столько изящество слога, сколько сила и важность его, а для важности древность драгоцѣнны. Безъ сего сводъ былъ бы книгою учебною или ученою, а не составомъ законовъ положительныхъ. На основаніи этого послѣдняго правила Лорда Бэкона, составителями было принято: «подъ каждою статьею означать съ «точностью тѣ указы и постановленія, изъ коихъ она составлена». Не очевидно ли изъ этихъ словъ, что прежніе законы, изъ коихъ статья не составлена, не должны быть приводимы въ цитатахъ (*)?

Годичный актъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія. Въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, по случаю XXII выпуска воспитанниковъ на службу, происходилъ 22 минувшаго мая годичный актъ, въ присутствіи попечителя училища принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, Совѣта, профессоровъ и прочихъ должностныхъ лицъ училища, также приглашенныхъ особъ и родителей выпускаемыхъ.

Актъ былъ открытъ прочтеніемъ директоромъ училища приказа по вѣдомству министерства юстиціи объ утвержденіи въ чинахъ и опредѣленіи на службу 23 окончившихъ курсъ воспитанниковъ.

(*) Замѣтимъ, что еще одно правило Лорда Бэкона, приводимое въ означенномъ сочиненіи: «изъ законовъ противурѣчащихъ избирать тотъ, который лучше другихъ», не принято составителями свода, а заключено: изъ двухъ несходныхъ надлежитъ слѣдовать позднѣйшему, не разбирая, лучше ли онъ или хуже прежнихъ (ст. 109).

Изъ нихъ восемнадцать утверждены въ чинѣ титулярнаго совѣтника: 1., Петръ Бутовскій, 2., Эмилій Гюне, 3., Юлій Рихтеръ 1-й, 4., Николай Ясинскій, 5., Александръ Чуйкевичъ, 6., Константинъ Жуковъ, 7., Яковъ Замятнинъ, 8., Карлъ Рихтеръ 2-й, 9., Августъ Герке, 10., Александръ Дурново, 11., Игнатій Закревскій, 12., Александръ Языковъ, 13., Владиміръ Ковалевскій, 14., Борисъ Бартеневъ, 15., баронъ Владиміръ Штакельбергъ, 16., Николай Коптевъ, 17., Михаилъ Бенкендорфъ и 18., Отто Буксгевденъ.

Двое—въ чинѣ коллежскаго секретаря: Владиміръ Танѣевъ и Павелъ Пецулевичъ.

Трое—въ чинѣ губернскаго секретаря: Ѳедоръ Каменскій, Алексѣй Толстой 2-й и Андрей Толстой 1-й.

Бутовскій и Гюне награждены золотыми медалями, Рихтеръ 1, Ясинскій, Чуйкевичъ и Жуковъ серебряными; причемъ имя перваго помѣщено на мраморной доскѣ въ конференцъ—залѣ училища.

Затѣмъ произнесены были соотвѣтствующія сему случаю рѣчи, гг. Рихтеромъ 1-мъ на латинскомъ языкѣ, Закревскимъ на англійскомъ, Гюне на нѣмецкомъ, Бутовскимъ на французскомъ и Ясинскимъ на русскомъ.

Заключеніемъ акта было напутственное слово законоучителя въ церкви училища, присяга выпущенныхъ на вѣрность службы и благодарственное молебствіе.

Всѣ выпущенные распредѣлены на службѣ по вѣдомству министерства юстиціи и четверо изъ нихъ назначены къ отправленію за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія въ юридическихъ наукахъ, именно: гг. Гюне, Закревскій, Штакельбергъ и Буксгевденъ.

Переводъ въ слѣдующіе классы прочихъ воспитанниковъ произведенъ былъ по заключеніи учебнаго курса $\frac{1860}{1861}$ года 29 мая.

Юридическая консультація въ казанскомъ университетѣ. Въ обществѣ часто раздаются жалобы на недостатокъ у насъ образованныхъ людей для занятія должностей по судебному вѣдомству; часто приходится слышать, что въ судебныхъ нашихъ учрежденіяхъ состоитъ на службѣ гораздо менѣе воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, нежели въ прочихъ вѣдомствахъ и что отъ этого правосудіе отправляется у насъ не съ тѣмъ достоинствомъ, котораго требуетъ важность судейской профессіи. Тѣмъ страннѣе кажутся намъ эти жалобы, что онѣ исходятъ иногда отъ людей, близко знакомыхъ съ судебнымъ вѣдомствомъ и съ его организаціею. Мы не можемъ, конечно, спорить противъ факта, что у насъ весьма ощутителенъ недостатокъ въ людяхъ съ юридическимъ образованіемъ, но не можемъ согласиться и съ тѣмъ, что на долю нашихъ судебныхъ учрежденій выпало гораздо менѣе воспитанниковъ университетовъ и училища правовѣдѣнія, нежели на долю прочихъ вѣдомствъ. Не говоря уже о департаментѣ министерства и о всѣхъ департаментахъ сената, гдѣ всѣ должности дѣлопроизводителей и докладчиковъ заняты студентами университетовъ и воспитанниками училища правовѣдѣнія, чего, конечно, нѣтъ въ другихъ вѣдомствахъ, мы замѣчаемъ довольно значительный элементъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній и въ губернскихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Почти всѣ губернскіе прокуроры и стряпчіе получили образованіе или въ университетѣ или въ училищѣ правовѣдѣнія; почти всѣ члены губернскихъ судебныхъ мѣстъ, назначаемые отъ правительства, имѣютъ ученые дипломы; во многихъ палатахъ и даже уѣздныхъ судахъ, должности секретарей, а иногда и столоначальниковъ заняты студентами. Такимъ образомъ, нельзя пожаловаться, чтобы у насъ уже слишкомъ мало образованныхъ людей служило по судебному вѣдомству. Дѣло только въ томъ, что эти молодые юристы почти всегда поступаютъ въ судебныя должности безъ достаточной къ нимъ подготовки, безъ положительнаго на опытѣ основаннаго удостовѣренія въ томъ, что они дѣйствительно способны къ исполненію судейскихъ обязанностей.

Въ Пруссіи и вообще во всей Германіи молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ университетѣ, хотя бы и съ блестящимъ успѣхомъ, не допускается тотчасъ къ самостоятельнымъ занятіямъ по судебному вѣдомству, а подвергается предварительному искусу, который продолжается до трехъ лѣтъ. Возьмемъ прусскаго или германскаго студента тотчасъ по выпускѣ его изъ университета, и прослѣдимъ его судьбу до тѣхъ поръ, пока онъ получитъ какое либо самостоятельное значеніе по судебному вѣдомству.

Выслушавъ трехлѣтній курсъ въ университетѣ, молодой человѣкъ избираетъ какое либо судебное мѣсто и въ присутствіи членовъ его подвергается экзамену чисто теоретическому; затѣмъ онъ получаетъ званіе *аускультанта*; въ этомъ званіи онъ изучаетъ практически судейскія обязанности, по части гражданской, уголовной и государственной прокуратуры. Съ перомъ въ рукѣ онъ засѣдаетъ въ залѣ присутствія и занимаетъ мѣсто подлѣ секретаря; попеременно онъ занимается въ разныхъ секретарствахъ, то въ качествѣ составителя протоколовъ, то какъ секретарь присутствія, то какъ помощникъ секретаря. Въ званіи аускультанта студентъ занимается около года и въ теченіе этого времени онъ не получаетъ никакого жалованья.

По прошествіи года, студентъ подвергается въ высшихъ судебныхъ мѣстахъ вторичному экзамену, теоретическому и практическому и затѣмъ получаетъ званіе *референдарія*. Возобновляя въ этомъ званіи практическое изученіе судейскихъ обязанностей, студентъ переходитъ постепенно къ изученію обязанностей слѣдственнаго судьи, гражданскаго судьи и чиновника публичнаго министерства; онъ составляетъ доклады, производитъ слѣдствія, принимаетъ на себя обязанность обвинителя. Всѣ эти обязанности исполняетъ онъ подъ руководствомъ другихъ лицъ. Этотъ вторичный искусъ продолжается также около года и также безъ всякаго жалованья.

Послѣ того также около года студентъ занимается, подъ непосредственнымъ руководствомъ одного изъ адвокатовъ, для котораго онъ изготовляетъ разнаго рода бумаги, и въ это время,

если представится случай, подъ руководствомъ того же адвоката, принимаетъ на себя защиту дѣлъ, производящихся въ судѣ.

Наконецъ наступаетъ третій самый трудный экзаменъ въ кассаціонномъ судѣ (examen rigorosum), по окончаніи котораго испытуемый получаетъ, по своему выбору, званіе или судьи-ассесора или же адвоката.

При подобномъ порядкѣ замѣщенія должностей по судебному вѣдомству въ Германіи, молодой человѣкъ, получившій званіе или судьи или адвоката, соединяетъ уже въ себѣ всѣ условія, необходимыя для основательнаго исполненія этихъ обязанностей.

Ничего подобнаго у насъ не существуетъ. Молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ университетѣ или училищѣ правовѣдѣнія, выслушавшій полный курсъ наукъ юридическихъ, поступаетъ, безъ всякаго практическаго приготовленія, прямо на службу въ канцелярію судебнаго мѣста на собственную свою отвѣтственность.

Здѣсь онъ, занимаясь нѣкоторое весьма непродолжительное время составленіемъ записокъ, или другими словами, размѣткою подлинныхъ бумагъ, долженствующихъ войти въ составъ записки, переходитъ немедленно къ докладу дѣлъ, т. е. къ самому точному опредѣленію предмета дѣла, отдѣленію обстоятельствъ существенныхъ отъ второстепенныхъ и къ изложенію тѣхъ законовъ, которые относятся къ разрѣшенію спорныхъ пунктовъ. Очевидно, что эта самая важная въ судебномъ процессѣ обязанность требуетъ, кромѣ теоретическаго образованія, и практическаго навыка, котораго не можетъ доставить студенту никакой университетъ и который пріобрѣтается только на дѣлѣ подъ руководствомъ людей опытныхъ. Недостаточное практическое подготовленіе нашихъ дѣлопроизводителей и судей изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, оказываетъ иногда неблагопріятное вліяніе на отправленіе правосудія.

Вотъ почему мы съ особеннымъ удовольствіемъ услышали о намѣреніи юридическаго факультета въ казанскомъ университетѣ учредить юридическую консультацію, на которой сту-

денты старшихъ курсовъ юридическаго факультета имѣли бы возможность практически ознакомиться съ нашимъ судопроизводствомъ и дѣловодствомъ. Эта консультація, какъ мы слышали изъ достовѣрнаго источника, предположена къ открытію въ нынѣшнемъ году, и будетъ имѣть свои засѣданія въ часы, назначенные для практическихъ занятій профессоровъ со студентами въ судопроизводствѣ и дѣловодствѣ. Она будетъ принимать на разсмотрѣніе, обсужденіе и заключеніе всѣ юридическіе вопросы, случаи и дѣла отъ каждаго, желающаго пользоваться совѣтами и наставленіями. Цѣль ея открытія—обоюдная польза факультета и общества. Профессорамъ, при занятіяхъ со студентами, откроется возможность: 1, анализировать интересные, разнообразные юридическіе случаи дѣйствительной жизни, частной и общественной, не ограничиваясь одними вымышленными, или дѣйствительными, но рѣшенными случаями, которые помѣщаются въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ и журналахъ, особенно юридическихъ, и содержатся въ доступныхъ сенатскихъ печатныхъ запискахъ и дѣлахъ архивовъ; 2, сообщить студентамъ наглядно опытность въ веденіи и рѣшеніи разнородныхъ дѣлъ и въ составленіи дѣловыхъ бумагъ, какъ то: просьбъ всякаго рода, актовъ, контрактовъ и т. п. Для общества откроется средство доставить своимъ членамъ, не знающимъ законовъ и неопытнымъ въ судопроизводствѣ и дѣловодствѣ, возможность: 1, получать совѣты и наставленія въ частныхъ своихъ юридическихъ дѣлахъ отъ спеціалистовъ, юристовъ, теоретиковъ и практиковъ; 2, повѣрять свои дѣйствія и дѣйствія своихъ ходатаевъ, повѣренныхъ, опекуновъ, прикащиковъ и управляющихъ имѣніями.

Въ дѣйствіяхъ своихъ консультація будетъ руководствоваться слѣдующими правилами:

Консультація будетъ состоять: 1, изъ членовъ-распорядителей, отвѣтственныхъ предъ публикою за дѣйствія ея; 2, изъ членовъ консультантовъ, приглашаемыхъ въ нее для обсуживанія вопросовъ, представляющихъ особенныя трудности или съ теоретической стороны, или съ практической, и 3, изъ

студентовъ старшихъ курсовъ юридическаго факультета. Въ теоретическомъ обсужденіи чисто научныхъ вопросовъ юридическихъ будутъ содѣйствовать ей профессоры и преподаватели юридическаго факультета. Для разрѣшенія чисто практическихъ сомнѣній она будетъ обращаться за совѣтомъ къ извѣстнымъ юристамъ-практикамъ, пріобрѣвшимъ, вслѣдствіе долговременной службы и по своему положенію, большую опытность и вѣрный тактъ въ рѣшеніи и направленіи дѣлъ.

Консультація будетъ принимать на обсужденіе вопросы, случаи и дѣла чисто юридическіе, т. е. гражданскіе и уголовные (дѣла исковыя, тяжебныя, аппеляціонныя, ревизіонныя, слѣдственныя, частныя и т. д.), изъ дѣлъ же полицейскихъ и административныхъ лишь тѣ, которыя будутъ имѣть близкое отношеніе къ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ (дѣла уголовно-полицейскія, безспорныя гражданскія и т. д.)

Труды консультаціи, согласно вышеизъясненной цѣли и на вышеизъясненныхъ основаніяхъ, будутъ состоять: 1, въ объясненіи законовъ, относящихся къ вопросамъ, предлагаемымъ на ея обсужденіе; 2, въ приложеніи законовъ къ дѣйствительнымъ юридическимъ случаямъ, доводимымъ до ея свѣдѣнія. Составленіе разнаго рода выше упомянутыхъ дѣловыхъ бумагъ предположено возложить на студентовъ, подъ руководствомъ профессоровъ.

Всѣ труды консультаціи будутъ безвозмездные.

Всѣ желающіе пользоваться совѣтами и наставленіями консультаціи, безъ различія положенія въ обществѣ, имѣютъ свободный доступъ къ ней. Для этого назначается собраніе ея въ зданіи университета въ извѣстный день, одинъ разъ въ недѣлю, отъ 6 до 8 часовъ пополудни, какъ время, свободное для преподавателей и студентовъ университета, для лицъ служащихъ и занимающихся какимъ либо промысломъ.

Вопросы, случаи и дѣла, не требующіе представленія документовъ, подробныхъ справокъ въ законахъ и особыхъ мнѣній членовъ консультантовъ, будутъ обсуживаемы и разрѣшаемы консультаціею въ то же самое собраніе; всѣ же про-

чіе въ назначенный ею срокъ, съ объясненіемъ причинъ отсрочки.

Мнѣніе консультаціи, съ разъясненіемъ смысла и способовъ осуществленія его и съ указаніемъ законнаго направленія дѣлу, объявляется однимъ изъ членовъ консультаціи.

Вотъ главныя основанія, на которыхъ полагается учрежденіе консультаціи. Прибавимъ къ этому, что во всѣхъ дѣйствіяхъ консультаціи будутъ принимать ближайшее участіе студенты факультета составленіемъ записокъ изъ дѣла и проэктовъ мнѣній.

Мы желаемъ скораго осуществленія этому предположенію и полнаго успѣха юридической консультаціи, когда она будетъ открыта. Польза подобнаго учрежденія очевидна сама по себѣ и не нуждается въ доказательствахъ. При развитіи консультаціи, молодые люди, окончившіе курсъ въ университетѣ, будутъ поступать на службу уже нѣсколько подготовленные къ судебнымъ обязанностямъ. Время, проведенное ими въ старшихъ курсахъ, будетъ отчасти замѣнять тотъ стажъ, которому подвергаются студенты Германіи и Франціи.

Проэктъ Боереско объ отмѣнѣ смертной казни въ придунайскихъ княжествахъ. Бывшій валахскій министръ юстиціи Боереско въ концѣ минувшаго года представилъ центральной коммисіи придунайскихъ княжествъ проэктъ закона объ отмѣнѣ смертной казни въ княжествахъ. Этотъ проэктъ Боереско сопроводилъ объяснительною запискою, въ которой привелъ главнѣйшія основанія къ принятію начертаннаго имъ проэкта. Важность вопроса, интересъ, возбуждаемый имъ въ наукѣ, и логическая послѣдовательность выводовъ, которою отличается записка Боереско, налагаютъ на насъ обязанность передать читателямъ содержаніе этой записки.

Вотъ что пишетъ Боереско въ объясненіе своего проэкта:

«Одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, обратившихъ на себя особое вниманіе публицистовъ и законодателей новѣй-

шаго времени, составляетъ вопросъ о смертной казни. Законна ли эта казнь, необходима ли и полезна ли она для общества, должна ли она остаться въ законодательныхъ кодексахъ, или изчезнуть изъ нихъ? Вотъ вопросы, которые никогда не были возбуждаемы древними юристами, по убѣжденію ихъ въ справедливости и пользѣ смертной казни, и которые только въ 18 столѣтіи сдѣлались предметами серьезнаго обсужденія.

Споръ о смертной казни продолжается и понынѣ и остается еще далеко не разрѣшеннымъ.

Что касается насъ, то мы положительно и безусловно требуемъ отмѣны смертной казни, изгнанія изъ нашего уложенія такого рода наказанія, которое еще и до сихъ поръ существуетъ въ Америкѣ и почти во всѣхъ государствахъ Европы.

Мы готовы оправдать наше требованіе, готовы доказать, что оно вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ правды, нравственности, разума, и согласно съ общественною пользою.

Смертная казнь имѣетъ своихъ сторонниковъ и противниковъ. Объ ней высказаны и высказываются мнѣнія самыя разнообразныя.

Говорятъ, что законность этого вида наказанія представляется несомнѣнною уже потому одному, что она имѣетъ въ своемъ основаніи право *необходимой обороны*. Всякое лицо имѣетъ право защищать себя отъ покушенія на его свободу, жизнь и имущество. Если оно, находясь въ состояніи необходимой обороны, можетъ безнаказанно убить своего врага, то почему же общество не имѣетъ права законнымъ образомъ произнести приговоръ смертной казни противъ того, кто нарушаетъ его спокойствіе?

Обыкновенно смѣшиваютъ право отдѣльнаго лица на самозащищеніе съ правомъ наказывать, которое принадлежитъ обществу. Правда, что всякое лицо имѣетъ право защищаться противъ непредвидѣннаго нападенія; правда, что оно можетъ даже убить своего противника при недостаткѣ другихъ способовъ обороны. Но общество во всѣхъ случаяхъ, когда

совершается преступленіе, находится совершенно въ иномъ положеніи.

Общество не защищается; оно наказываетъ.

Когда отдѣльное лицо защищается, оно пользуется своимъ *правомъ*; когда общество наказываетъ, оно исполняетъ свою *обязанность*.

Для отдѣльнаго лица оборона законна, когда угрожаетъ опасность внезапная, дѣйствительная и неизбѣжная; когда же общество наказываетъ, опасность уже миновалась, и оно можетъ хладнокровно и безпристрастно обдумать мѣру наказанія, которую должно произнести.

Такимъ образомъ, нѣтъ никакой аналогіи между правомъ необходимой обороны и правомъ общества наказывать. Изъ того, что отдѣльное лицо, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можетъ, защищаясь, убить своего противника, вовсе не слѣдуетъ еще заключать о законности смертной казни. Есть ли тождество въ положеніи отдѣльнаго лица безоружнаго и слабаго съ положеніемъ общества сильнаго и вооруженнаго? Можно ли полагать, что каждымъ совершеннымъ преступленіемъ общество становится въ состояніе необходимой обороны? Мы думаемъ, что нѣтъ.

Въ защиту смертной казни приводятъ еще авторитетъ исторіи. Смертная казнь была принята почти всѣми народами, получила гражданственность во всѣхъ государствахъ; она существовала и во времена цивилизаціи и во времена варварства. Уже этимъ однимъ, какъ говорятъ, доказывается законность смертной казни.

Мы не придаемъ особаго значенія такому способу доказыванія. Изъ того, что извѣстное учрежденіе въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ оставалось неизмѣннымъ, вовсе не слѣдуетъ еще заключать о его справедливости. Несвободное положеніе женщины, безусловно преданной во власть мужа, было принято всѣми древними законодательствами; однакоже никто въ настоящее время не думаетъ, чтобы подобное положеніе женщины было нормальное. Невольничество существуетъ еще въ

Америкѣ; его появленіе относится къ временамъ отдаленнымъ; однакожъ никто не рѣшится, опираясь на древность этого учрежденія, доказывать его справедливость. Къ чему же послѣ этого вооружаться авторитетомъ исторіи при разсужденіи о смертной казни?

Человѣкъ можетъ ошибаться. Онъ прогрессивно стремится къ открытію истины. Лишь только онъ ее находитъ, онъ долженъ немедленно ее провозгласить, какъ бы поздно истина эта ни была имъ открыта. Ожидать далѣе—значитъ увеличивать число павшихъ жертвъ. Когда въ 1828 году знаменитый американскій юристъ Левингстонъ добивался отмѣны смертной казни въ Луизіанѣ, онъ писалъ въ своей запискѣ; «чего мы отъ васъ требуемъ? Мы требуетъ, чтобы вы отказались отъ учрежденія, существовавшаго въ теченіе пяти или шести тысячь лѣтъ, проявляющагося во всѣхъ видахъ, которые только могъ изобрѣсти духъ жестокости, и не достигшаго предположенной цѣли. Древность установленія смертной казни, какъ видно, не оказала никакого вліянія на совѣсть Левингстона и на умъ законодателя, къ которому онъ обращался. Смертная казнь была уничтожена, и Луизіана продолжаетъ свое существованіе также безопасно, какъ она жила и прежде.

Такимъ образомъ ни право необходимой обороны, ни авторитетъ исторіи не доказываютъ законности смертной казни. Она сама по себѣ незаконна; она не совмѣщаетъ въ себѣ тѣхъ условій, при коихъ всякое наказаніе представляется справедливымъ.

Когда общество казнитъ человѣка, оно не отмщаетъ за себя, а наказываетъ. Наказаніе есть лишеніе какого нибудь блага; оно можетъ отнять или свободу или имущество. Но прежде всего наказаніе должно быть справедливо и нравственно. Такимъ образомъ, конфискація имущества составляетъ собою наказаніе несправедливое, потому что она непосредственно поражаетъ невинныхъ наслѣдниковъ лица, которое общество желаетъ наказать. Точно также и пытки, хотя онѣ и направляются непосредственно противъ преступника, несправедливы, потому что онѣ оскорбляютъ человѣческое достоинство, портятъ

нравы и превышаютъ мѣру наказанія, необходимую для поддержанія общественнаго спокойствія. Не тоже ли самое можно сказать и о смертной казни?

Мы думаемъ, что она не ведетъ къ достиженію ни той, ни другой цѣли, къ которой должно стремиться наказаніе, т. е. ни къ нравственному исправленію преступника, ни къ пресѣченію ему путей къ дальнѣйшему совершенію преступленій. Она не можетъ исправить преступника, умерщвляя его; хотя же она и дѣйствительно лишаетъ его возможности наносить зло, но умерщвляя, общество превышаетъ предположенную цѣль. Преступникъ, осужденный на вѣчное заключеніе, находился бы въ томъ же положеніи, и въ этомъ отношеніи казнь представляется уже излишнею. Можно ли обществу сколько нибудь опасаться того, кто, будучи заключенъ и безоруженъ, лишенъ всякой свободы дѣйствій.

Могутъ замѣтить, что смертная казнь необходима въ интересахъ правильно образованнаго общества. Для этого она прежде всего должна совмѣщать въ себѣ извѣстныя условія, которыхъ она не имѣетъ; она не соразмѣрна; при ней изчезаютъ всѣ оттѣнки преступности; она одинаково поражаетъ преступника, хотя случаи, въ коихъ законъ допускаетъ смертную казнь, чрезвычайно разнообразны. Такимъ образомъ общество было бы поставлено въ необходимость подвергать одинаковому наказанію всѣ роды преступленій. Но это несогласно съ интересами общества.

Къ тому же смертная казнь и безнравственна. Она есть ничто иное, какъ продолженіе древнихъ пытокъ и составляетъ собою высшее ихъ развитіе. Она даетъ толпѣ возмутительное зрѣлище, развращаетъ нравы, ожесточаетъ сердца.

Наконецъ самый важный, самый страшный недостатокъ смертной казни, это тотъ, что зло, ею приносимое, неисправимо. Кому неизвѣстны тѣ ошибки, въ которыя впадаетъ иногда правосудіе? Стеченіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ можетъ вооружиться противъ обвиняемаго. Свидѣтели могутъ обмануть или быть обманутыми. Простое забвеніе о томъ, что обвиняемый въ извѣстный день и часъ былъ въ такомъ-то

мѣстѣ, физическое сходство, нѣсколько легкомысленно произнесенныхъ словъ, все это можетъ быть источникомъ важныхъ обвиненій. Замѣтимъ, что чѣмъ важнѣе преступленіе, тѣмъ болѣе простора для судебныхъ ошибокъ. Все тогда обращается противъ обвиняемаго. Общество требуетъ наказанія преступника; но его надобно еще найти. Первый встрѣчный попадаетъ въ руки правосудія. Умы возбуждены столько же, какъ и страсти. Свидѣтели, сами не замѣчая того, становятся обвинителями. Говоръ народный ихъ воодушевляетъ и ободряетъ; всякое сомнѣніе изчезаетъ при такомъ настроеніи общества. Ищутъ виновнаго, и думаютъ, что его нашли. Судья, подъ вліяніемъ обстоятельствъ и народныхъ страстей, осуждаетъ невиннаго, а волнующаяся толпа привѣтствуетъ это осужденіе криками: *общество отмщено*.

Сколько разъ человѣческое правосудіе впадало въ подобныя ошибки. Сколько разъ оно произносило смертный приговоръ надъ лицомъ, которое впослѣдствіи оказывалось невиннымъ. А между тѣмъ сѣкира палача поразила невиннаго и нѣтъ уже возможности исправить этого зла.

Допущеніе обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, нѣсколько ослабило значеніе смертной казни. Во Франціи, въ 1843 году, нѣкто Силиппъ былъ обвиненъ въ убійствѣ и приговоренъ, по обстоятельствамъ, уменьшающимъ вину, вмѣсто смертной казни, къ вѣчной каторжной работѣ, но чрезъ два года былъ признанъ и объявленъ невиннымъ. Нѣкто Ленье, осужденный въ 1848 году, былъ признанъ невиннымъ послѣ пяти съ половиною лѣтъ каторжной работы. Нѣкто Малле, приговоренный къ смерти въ Лондонѣ и вмѣсто того отправленный въ ссылку на 15 лѣтъ, былъ вскорѣ признанъ невиннымъ.

Что было бы, если бы надъ всѣми этими мнимыми преступниками былъ исполненъ смертный приговоръ?

Можно ли еще послѣ того поддерживать убѣжденіе въ пользѣ, проистекающей для общества отъ существованія смертной казни?

Публицисты и законодатели образованныхъ государствъ придерживаются того убѣжденія, что смертная казнь должна

быть уничтожена. Такъ, мы видѣли уже, что казнь эта отмѣнена въ Луизіанѣ и чрезъ это общество нисколько не потеряло. Леопольдъ, великій герцогъ тосканскій, пріостановивъ въ теченіе двадцати одного года примѣненіе закона о смертной казни, совершенно отмѣнилъ его въ 1786 году. Во всѣхъ государствахъ Европы и Америки, гдѣ только смертная казнь существуетъ, замѣтно общее стремленіе къ ея отмѣнѣ.

Такъ во Франціи, въ 1791 году, когда изготовлялось уголовное уложеніе, многіе писатели требовали отмѣны смертной казни. Усилія ихъ не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, но тѣмъ не менѣе оставили по себѣ неизгладимые слѣды. Нѣсколько лѣтъ спустя, законъ 4 брюмера четвертаго года обѣщалъ отмѣну казни, а законъ X года, не отвергая необходимости этой отмѣны, отсрочилъ ее только на нѣкоторое время.

Уголовное уложеніе 1810 года удерживаетъ еще смертную казнь, но значительно сокращаетъ число преступленій, за которыя назначается эта казнь. Изъ ста тридцати двухъ видовъ преступленій, за которыя при Людовикѣ XIV была назначаема смертная казнь, уложеніе 1810 года удерживаетъ только тридцать четыре.

Въ 1830 году въ національномъ собраніи возвратились къ этому вопросу, но онъ былъ отложенъ. Въ 1832 году королевскій министръ, во время пересмотра уголовнаго закона, предложилъ французской палатѣ еще уменьшить число преступленій, за которыя назначается смертная казнь, и при этомъ выразилъ желаніе, чтобы казнь эта со временемъ и вовсе была отмѣнена. Онъ желалъ сохраненія ея только на случай крайней необходимости.

Въ 1848 году вопросъ о смертной казни возникъ вновь. Тутъ сдѣланъ былъ весьма важный шагъ къ его разрѣшенію отмѣною казни за преступленія политическія и оставленіемъ ея для преступленій уголовныхъ, и притомъ какъ мѣры необходимой и временной.

Если такимъ образомъ смертная казнь и существуетъ нынѣ во Франціи, то единственно по убѣжденію въ ея необходимости и притомъ, по словамъ министра, высказаннымъ

въ 1832 году, до тѣхъ поръ, пока отмѣна этой казни будетъ согласна съ общественными правами. Но не слѣдуетъ забывать, что самъ законъ вліяетъ на общественную нравственность, и что безнравственный по своимъ основаніямъ законъ портитъ добрые нравы. На какомъ же основаніи смертная казнь можетъ быть признана *необходимою* для общества?

Дѣйствительно, въ древнія времена, или даже въ эпоху феодализма, она могла быть до нѣкоторой степени необходима. Ея существованіе было если и не вполнѣ законно, то по крайней мѣрѣ могло найти себѣ нѣкоторое извиненіе. Нравственное и матеріальное состояніе обществъ, безпрерывныя войны и междоусобія, отсутствіе личной безопасности, безсиліе законовъ и административной власти, все это вмѣстѣ взятое могло извинить существованіе наказанія, соотвѣтствовавшаго положенію тогдашняго общества. Въ настоящее время все измѣнилось. Война перестала быть нормальнымъ состояніемъ общества. Разбои и насилія, нѣкогда столь частыя, совершаются нынѣ весьма рѣдко и притомъ въ исключительныхъ случаяхъ. Убійства, поджоги и вообще всѣ преступленія уменьшились въ большихъ размѣрахъ противъ прежняго, какъ доказываютъ это статистическія данныя, дѣйствіе закона и администраціи значительно усилилось. Съ тѣхъ поръ, какъ изчезли бароны съ ихъ средневѣковыми замками и преданіями, право сильнаго уступило свое мѣсто закону. Свобода и жизнь гражданъ перестали зависѣть отъ этихъ мелкихъ тирановъ. Законъ единообразный и равный для всѣхъ обезпечиваетъ права каждаго, одинаково покровительствуя и богатому и бѣдному.

Матеріальное состояніе общества также улучшилось. Успѣхи земледѣлія, умноженіе капиталовъ, общая повсемѣстная безопасность сдѣлали то, что всякій можетъ доставить себѣ удобства въ жизни. Эти удобства съ своей стороны развиваютъ умъ народный и умягчаютъ нравы.

Общественное образованіе значительно распространилось по всѣмъ благоустроеннымъ государствамъ. Было время, когда военный и дворянинъ считали за стыдъ умѣть читать и

писать; теперь же крестьяне и простые работники стремятся къ пріобрѣтенію этихъ знаній.

Послѣ законодательной реформы 1832, во Франціи осталось только двадцать четыре преступленія, за которыя назначается смертная казнь; но вмѣстѣ съ тѣмъ допущено принятіе уменьшающихъ вину обстоятельствъ. Общественное мнѣніе съумѣло извлечь изъ этого выгоду; въ дѣйствительности, смертная казнь произносится тамъ только за предъумышленное смертоубійство. Это почти исключительный случай, въ которомъ приговоръ присяжныхъ не обходитъ закона.

Въ Германіи смертная казнь, вообще говоря, опредѣляется въ шести или семи случаяхъ, въ Сардиніи и Неаполѣ въ пятнадцати до двадцати случаяхъ.

Такимъ образомъ стремленіе къ отмѣнѣ смертной казни встрѣчается въ бо́льшей части европейскихъ государствъ и въ Америкѣ. Если же и существуютъ нынѣ публицисты, которые поддерживаютъ ее, то это происходитъ отъ простаго предразсудка, что будто бы казнь необходима при современномъ состояніи общества. Этотъ предразсудокъ изчезнетъ, какъ изчезнутъ и другіе предразсудки, и истина восторжествуетъ. Число преступленій, за которыя назначается казнь, значительно сокращается; успѣхъ очевидный, чего никто отрицать не можетъ.

Молдавы и валахи находятся въ положеніи, наиболѣе благопріятномъ для совершенной отмѣны у нихъ смертной казни. Ихъ кроткій характеръ, простые и мирные нравы, дѣлаютъ ихъ неспособными къ перенесенію тяжкаго зрѣлища казни. Патріархальная жизнь въ городахъ и селахъ, изобиліе земныхъ произведеній, легкость, съ которою каждый можетъ добыть себѣ необходимое, все это умѣряетъ страсти жителей придунайскихъ княжествъ и даетъ имъ возможность къ образованію ума и сердца.

Между тѣмъ смертная казнь существуетъ еще у нихъ, если не въ дѣйствительности, то по крайней мѣрѣ на страницахъ законодательнаго кодекса. Къ счастію и чести ихъ, вотъ уже около тридцати лѣтъ, какъ не было примѣра совершенія казни.

«Мѣсто палача остается празднымъ». Суды произносятъ приговоры смертной казни, но глава государства, пользуясь правомъ помилованія и принаравливаясь къ чувствамъ націи, замѣняетъ казнь вѣчными каторжными работами.

Ходъ молдаво-валахскаго законодательства представляетъ въ этомъ отношеніи весьма любопытное явленіе. Въ кодексѣ Караджа 1818 года пытки были сохранены и смертная казнь назначена въ случаяхъ предъумышленнаго смертоубійства, разбоя и поддѣлки монеты. Пытки и казнь были употребляемы до 1830 года.

Съ этого времени общественное мнѣніе стало столь неблагопріятно къ этимъ видамъ наказаній, что они уже не повторялись.

Новый уголовный законъ 1852 года, сколокъ съ закона французскаго, отличается бо́льшею въ сравненіи съ нимъ снисходительностію. Онъ уничтожаетъ пытки и вводитъ смертную казнь за девятъ родовъ преступленій. Но, не смотря на то, казнь эта ни раза не совершалась.

Чего же хотимъ мы въ настоящее время? Мы желаемъ, чтобы законъ не былъ въ разладѣ съ дѣйствительностію, мы желаемъ, чтобы онъ отвергъ существованіе наказанія, противнаго разуму, нравственности и общественной пользѣ.

Никакое время не представляется столь благопріятнымъ, какъ настоящее, для отмѣны смертной казни. Нынѣ мы пользуемся представительнымъ правленіемъ, обѣщающимъ намъ величіе и счастіе. Нынѣ избранный народомъ глава государства желаетъ ввести разумныя реформы соціальныя и экономическія. Все споспѣшествуетъ тому, чтобы общественная власть была сильна и уважаема, чтобы свобода, жизнь и достояніе гражданъ были обезпечены.

Отмѣна смертной казни не оставитъ ни малѣйшаго пробѣла въ нашемъ правительственномъ устройствѣ. Учрежденіе лучшей системы тюремнаго заключенія дополнитъ собою эту реформу.

Правительство, которое объявитъ отмѣну казни, соору-

дитъ себѣ этимъ памятникъ, который будетъ возбуждать въ потомствѣ благодарность и уваженіе.

И такъ мы предлагаемъ центральной коммисіи слѣдующій проэктъ:

1) Отмѣнить смертную казнь и

2) Замѣнить ее во всѣхъ безъ изъятія случаяхъ вѣчною каторжною работою».

Къ сожалѣнію, мы не успѣли еще получить свѣдѣнія о томъ, какой результатъ имѣлъ настоящій проэктъ Боереско. По важности вопроса, трудно предположить, чтобы онъ могъ получить скорое разрѣшеніе. Еще труднѣе сдѣлать это предположеніе въ настоящее время, когда, по случаю недавней перемѣны въ валахскомъ министерствѣ, Боереско пересталъ быть министромъ юстиціи и передалъ портфель свой другому лицу, которое, можетъ быть, другими глазами будетъ смотрѣть на затронутый вопросъ о смертной казни.

Пересмотръ бельгійскаго уголовнаго уложенія. Въ послѣдніе три года законодательства, въ особенности уголовныя, сдѣлали огромный шагъ на пути развитія. Многія изъ государствъ приступили если не къ полному пересмотру и пересозданію своихъ уголовныхъ уставовъ, то по крайней мѣрѣ къ реформамъ въ законодательствѣ, болѣе или менѣе серьёзнымъ. Въ прошедшей книжкѣ нашего журнала мы упомянули уже о проэктѣ новаго уголовнаго уложенія, составленномъ для Бремена, и о стремленіи всѣхъ вообще германскихъ государствъ къ составленію одного общаго уложенія для всей Германіи. Реформы въ политическомъ устройствѣ австрійскихъ владѣній и обѣщанныя измѣненія въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, которыя имѣютъ послѣдовать въ непродолжительномъ времени, неизбѣжно должны повести за собою и измѣненія въ самомъ уголовномъ уставѣ Австріи. При учрежденіи суда присяжныхъ, нынѣшнія законоположенія австрійскаго кодекса должны уступить мѣсто законамъ новымъ, сообразнымъ и съ требованіемъ вѣка и съ

дѣйствительными пользами государства. Но эти реформы, хотя онѣ и неизбѣжны, предстоятъ въ будущемъ.

Въ настоящее время особенною дѣятельностію на законодательномъ поприщѣ, кромѣ Россіи, для которой приготовляются новый уставъ уголовнаго судопроизводства и новое военно-уголовное уложеніе, отличаются Португалія и Бельгія. О законодательныхъ работахъ Португаліи мы будемъ говорить въ особой статьѣ. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о предстоящихъ реформахъ въ бельгійскомъ законодательствѣ.

Въ Бельгіи давно ощущался недостатокъ въ хорошемъ уголовномъ кодексѣ, который, по внутреннему своему содержанію, удовлетворялъ бы требованіямъ настоящаго времени, а, по внѣшнему виду или кодификаціи, соотвѣтствовалъ бы правиламъ науки. Правительство признало необходимымъ совершенно перестроить свое уголовное законодательство и дѣйствующіе нынѣ законы замѣнить новымъ уставомъ. Съ этою цѣлію учреждена особая спеціальная коммисія, на которую и возложены всѣ предварительныя и проэктныя работы. Коммисія продолжаетъ свои занятія и въ настоящее время и, по мѣрѣ изготовленія проэктовъ отдѣльныхъ частей устава, представляетъ ихъ на разсмотрѣніе палаты депутатовъ.

Въ нынѣшнемъ году палата, по докладу г. Пирмеза, разсматривала только одну изъ главъ особенной части, посвященной исключительно изложенію законовъ объ отдѣльныхъ видахъ преступленій.

Особенно замѣчательны были сужденія по двумъ предметамъ: 1) о наказаніи за смертоубійство и 2) о наказаніи за распространеніе вредныхъ сочиненій.

По первому предмету коммисія предположила за смертоубійство наказывать смертною казнію и внесла это правило въ свой проэктъ. Нѣкоторые изъ членовъ палаты, въ особенности Журе и Дефре, дѣлали весьма сильныя возраженія противъ такого предположенія коммисіи. Они въ энергическихъ рѣчахъ своихъ доказывали незаконность смертной казни, которая не можетъ быть оправдана ни съ теоретической, ни съ практической точки зрѣнія. Противъ нихъ возстали однако же, въ защиту казни, другіе члены

палаты; изъ нихъ съ особеннымъ жаромъ стояли за необходимость казни Кокменъ и Дюмортье.

По предмету распространенія вредныхъ сочиненій коммисія приняла слѣдующую редакцію закона, сдѣланную г. Гиллери:

«Кто какимъ либо способомъ будетъ умышленно распространять или распубликовывать сочиненіе, заключающее въ себѣ вызовъ на какое либо преступленіе и проступокъ, безъ различія, имѣлъ ли этотъ вызовъ или не имѣлъ послѣдствій, будетъ разсматриваемъ какъ соучастникъ непосредственнаго подговорщика къ преступленію.

Разнощики аффишь, объявленій и другихъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ вызовъ на преступленіе, освобождаются отъ всякаго наказанія, если они укажутъ на лицо, отъ котораго они получили это сочиненіе, или если авторъ или типографія извѣстны и имѣютъ пребываніе въ Бельгіи. Точно также освобождаются отъ наказанія издатели и типографщики запрещеннаго сочиненія, когда авторъ его извѣстенъ и находится въ Бельгіи.

Кусокъ дерева, брошенный на рельсы. Въ январской книгѣ ж. м. ю. за 1861 г., въ отдѣлѣ уголовной практики, помѣщено было дѣло о крестьянскомъ мальчикѣ Сѣрковѣ, 15½ лѣтъ, который судился за вкладываніе камней въ рельсы желѣзной дороги. За это онъ былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія, наказанъ розгами 70 ударами и сосланъ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 8 лѣтъ.

Подобный же случай обсуживался 10 іюня въ лондонскомъ центральномъ уголовномъ судѣ. Томасъ Питтъ, 13 лѣтъ, и Альфредъ Тиллей, 15 лѣтъ, стояли у одного изъ мостовъ лондонской юговосточной дороги и о чемъ то говорили. Работавшій невдалекѣ земледѣлецъ Вутенъ увидалъ ихъ; почему-то у него родилось подозрѣніе, что они хотятъ сдѣлать что-то не доброе, онъ и сталъ наблюдать за ними. Дѣйствительно, не задолго до приближенія поѣзда, и прежде, нежели онъ успѣлъ

предупредить мальчиковъ, на дорогу былъ брошенъ кусокъ палисада, чрезъ который поѣздъ переѣхалъ, раздробивъ его на части. Мальчики убѣжали, но были схвачены; у Тиллея найденъ въ карманѣ ножъ, лезвее котораго приходилось совершенно по нарѣзкамъ на палисадѣ. Машинистъ утверждалъ, что онъ видѣлъ знаки, которые подавалъ Вутенъ, но не могъ остановить уже машины, а успѣлъ только спасительнымъ инструментомъ (life guard) раздавить брошенный на рельсы кусокъ, такъ, что поѣздъ не остановился; но при этомъ машинистъ прибавилъ, что ему извѣстно, какъ однажды машина сошла съ рельсовъ отъ подобнаго же брошеннаго на нихъ куска. На основаніи этихъ фактовъ, мальчиковъ обвиняли въ томъ, что они преступно и съ злымъ умысломъ (feloniously and maliciously) бросили кусокъ дерева на рельсы съ тѣмъ, чтобы причинить опасность ѣдущимъ по дорогѣ. Во 2-мъ обвинительномъ актѣ говорилось, что они имѣли намѣреніе помѣшать ходу машины и вагоновъ. Защитникъ мальчиковъ утверждалъ, что ему положительно извѣстно, что кусокъ дерева былъ брошенъ младшимъ мальчикомъ, старшій же въ этомъ вовсе не участвовалъ, и что во всякомъ случаѣ это было не болѣе какъ дѣтская шалость; злаго же намѣренія вовсе не было.

Поведеніе мальчиковъ, по показанію свидѣтелей, было всегда одобрительное.

Присяжные, послѣ краткаго совѣщанія, признали подсудимыхъ виновными по второму обвиненію, и просили судью быть къ нимъ снисходительнымъ во вниманіе къ ихъ молодости, а также и къ тому, что они со дня происшествія (3 марта) и до сихъ поръ находились въ тюрьмѣ.

Судья, постановляя приговоръ, сказалъ, что *еслибы не молодость* подсудимыхъ, да не рекомендація присяжныхъ, то онъ постановилъ бы болѣе строгій приговоръ, нежели онъ постановитъ, потому что преступленіе это принадлежитъ къ числу самыхъ опасныхъ и *взрослый* человѣкъ *понесъ бы* очень сильное наказаніе. Ихъ же онъ присудилъ къ заключенію на 14 дней въ ньюгэтской тюрьмѣ, съ тяжелою работою.

Безъ всякаго сомнѣнія, адвокатъ подсудимыхъ былъ правъ, говоря, что злаго намѣренія у нихъ никакого не было, и что это ничего болѣе какъ шалость ребячья; изъ того, что они подошли къ рельсамъ, нельзя еще выводить заключенія, что они пришли съ намѣреніемъ совершить преступленіе, а потому приговоръ судьи намъ кажется совершенно справедливымъ.

Утвержденіе вмѣсто присяги. Въ прошедшей книжкѣ нашего журнала говорилось о присягѣ, требуемой въ англійскихъ судахъ отъ свидѣтелей и о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ отъ нея освобождаются нѣкоторыя лица, дающія вмѣсто того—утвержденіе. Послѣ написанія этой замѣтки, въ англійскомъ парламентѣ, 12 іюня, былъ предложенъ ко второму чтенію билль, по коему всякое лицо, вызываемое къ свидѣтельству какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ, могло бы, по желанію отказаться отъ присяги, а допросъ отбирался бы отъ него на основаніи утвержденія, подобно тому, какъ это сдѣлано для нѣкоторыхъ вѣроисповѣданій.

Защитники билля очень основательно говорили, что вслѣдствіе отстраненія лицъ, которыя по какимъ бы то ни было причинамъ не могутъ или не хотятъ присягать для свидѣтельства, страдаетъ правосудіе, множество преступленій остается неоткрытыми, совершается пропасть несправедливостей. А въ сущности на какомъ основаніи это совершается? На томъ, что судъ вмѣсто того, чтобы изыскивать истину единственнымъ вѣрнымъ путемъ, путемъ логики, путемъ наведенія, прибѣгаетъ, по старой памяти, къ совершенно внѣшнему признаку, нисколько никого не убѣждающему, въ которомъ ищетъ какъ-бы подкрѣпленія своего сомнѣнія, и между тѣмъ это подкрѣпленіе, или какъ его называютъ *гарантія* или *санкція* истины, все таки его не убѣждаетъ, потому что и при этой гарантіи слѣдуетъ прибѣгать къ взвѣшиванію *достовѣрности* показанія, слѣдовательно приходится или принять или отбросить показаніе, хотя бы данное и съ соблюденіемъ требуемой закономъ

гарантіи, и принять или отбросить его не вслѣдствіе данной присяги, а вслѣдствіе внутренней достовѣрности. Значитъ эта гарантія выходитъ не совсѣмъ гарантіею. Все это еще остатки прежнихъ понятій и вѣронетерпимости, когда судъ служилъ ареной не только судебныхъ, но и богословскихъ преній. Является въ судъ свидѣтель и судья его спрашиваетъ: вѣритъ ли онъ въ Бога? Этотъ свидѣтель совершенно добросовѣстно даетъ отрицательный отвѣтъ; ему въ отвѣтѣ этомъ вѣрятъ, и на основаніи этого отвѣта отстраняютъ отъ свидѣтельскаго показанія, значитъ предполагаютъ, что въ слѣдующихъ за тѣмъ отвѣтахъ онъ будетъ говорить ложь, или по крайней мѣрѣ не можетъ сказать истины. Такъ зачѣмъ же ему повѣрили въ первомъ его отвѣтѣ? Почему же этотъ отвѣтъ истиненъ. А если бы этотъ свидѣтель солгалъ въ первомъ отвѣтѣ и присягнулъ, неужели его отвѣты были бы болѣе достовѣрны? Удостовѣриться же въ томъ, что свидѣтель имѣетъ или не имѣетъ извѣстныя религіозныя убѣжденія, вѣритъ или не вѣритъ въ дѣйствительность присяги, и произнесъ ее съ полнымъ убѣжденіемъ или выполнилъ только обрядъ, которому не придаетъ никакаго значенія,—судьѣ нѣтъ никакой возможности, кромѣ собственнаго показанія свидѣтеля, да и какое судьѣ до этого дѣло? Его обязанность—достиженіе истины, а ее онъ можетъ достигнуть не посредствомъ внѣшнихъ какихъ либо гарантій. Судебная практика показываетъ постоянно примѣры противнаго; очень часто адвокаты предостерегаютъ отъ вѣры въ показанія свидѣтелей, данныя подъ присягою. Съ другой стороны развѣ можно ставить человѣка за его мнѣнія внѣ покровительства закона, сдѣлать его, какъ говоритъ Милль (въ on liberty), *an outlaw*? Дѣйствительно, такаго человѣка суды не охраняютъ; онъ можетъ быть ограбленъ, ему могутъ быть нанесены раны, оскорбленія, и когда онъ на вопросъ судьи не дастъ утвердительнаго отвѣта о своей вѣрѣ въ будущую жизнь, а на его несчастіе никого другаго не случилось быть свидѣтелемъ происшествія, то ему отказывается въ правосудіи; а дай онъ противъ совѣсти утвердительный отвѣтъ, преступленіе преслѣдовалось бы. Иначе сказать, его наказываютъ за его добросовѣстность. Одинъ изъ за-

щитниковъ билля привелъ слѣдующій случай: на ассизахъ въ Лейстерѣ судилось дѣло о кражѣ. Одинъ изъ самыхъ необходимыхъ свидѣтелей отказался присягать; баронъ Альдерсонъ посадилъ его въ тюрьму. Оказалось впослѣдствіи, что этотъ свидѣтель приготовлялся къ поступленію въ квакеры, и хотя не былъ еще принятъ въ это общество, но уже совершенно пропитался его духомъ и потому не могъ присягать. Когда это сдѣлалось извѣстно, то судья выпустилъ его изъ тюрьмы, но онъ успѣлъ уже просидѣть въ ней два дня. Примѣръ отказа въ правосудіи на основаніи подобныхъ соображеній читатели видѣли въ процессѣ Брэдлау, на подобные же случаи указываетъ и Милль въ своемъ сочиненіи. Далѣе защитники билля говорили, что отстраненіе отъ свидѣтельства подобныхъ лицъ можетъ быть пагубно и потому еще, что всякое лицо, которое не хочетъ дать по извѣстному дѣлу показанія, будетъ отказываться отъ дачи присяги. Поэтому всему они и говорили, что билль заключается не въ томъ, чтобы совершенно отмѣнить присягу, а въ томъ, чтобы предоставить призваннымъ свидѣтелямъ присягать или не присягать по ихъ волѣ, и чтобы показанія такихъ свидѣтелей не исключались изъ числа прочихъ доказательствъ, а чтобы и ихъ достовѣрность взвѣшивалась, подобно тому, какъ это дѣлается со всѣми другими доказательствами.

Очевидно, что еслибы этотъ билль прошелъ, то черезъ нѣсколько времени внесенъ былъ бы другой, объ окончательной отмѣнѣ присяги,—что и было бы совершенно раціонально. Противники билля, въ числѣ коихъ оказались между прочими и Сэръ Корнуаль Льюизъ и генералъ-соллиситоръ,—т. е. правительство, должны были естественно замѣтить, къ чему клонится дѣло. Они соглашались, что дѣйствительно присяга мало обезпечиваетъ въ истинности показываемаго, что достовѣрность показаній подъ присягою приходится все-таки взвѣшивать, что многія лица и безъ присяги дали бы столь же правдивыя показанія, какъ и подъ присягою, но справедливо также и то, что выполненіе присяги заставляетъ большинство быть внимательнѣе и точнѣе въ своихъ показаніяхъ, нежели бы они были, не вы-

полняя ее, но что принимать показанія безъ присяги нельзя, потому что законъ если и дѣлаетъ исключенія въ пользу нѣкоторыхъ сектъ и религій и освобождаетъ отъ присяги, которая замѣняется утвержденіемъ, но при этомъ все таки предполагается, что у этихъ лицъ есть какое-нибудь религіозное убѣжденіе, между тѣмъ какъ въ настоящемъ биллѣ предполагается сдѣлать исключеніе въ пользу лицъ, вовсе не вѣрующихъ. А можно-ли, говорилъ нѣкто г. Уальтеръ, вѣрить человѣку, который не вѣритъ въ будущую жизнь? Хотя на это мнѣніе никто не возражалъ, но разумѣется можно было бы, какъ это дѣлаетъ Милль, привести въ опроверженіе его исторію и указать, что люди не всегда имѣли согласный съ г. Уальтеромъ образъ мыслей, и тѣмъ не менѣе во всѣ времена могли быть и бывали, разумѣется, очень почтенныя личности, коихъ показанія заслуживали полнаго вѣроятія въ судахъ. Мнѣнія же, подобныя мнѣнію другаго противника билля, лорда Монтэгю, ссылавшагося на грековъ и римлянъ, не допускавшихъ къ показанію рабовъ, потому, что они не могли присягать, могутъ приводиться въ наше время развѣ какъ *curiosum*. Наконецъ генералъ-солиситоръ сказалъ: а если уничтожить присягу для свидѣтелей, то вѣдь придется чрезъ нѣсколько времени отмѣнить ее и для присяжныхъ и для должностныхъ лицъ. А и въ самомъ дѣлѣ, пожалуй вѣдь и придется; что же тогда будетъ? Не легко отдѣлываться отъ того, что разъ принято. Смертная казнь, тѣлесныя наказанія существуютъ искони, значитъ—нельзя ихъ отмѣнять; вотъ и приходится англійскому парламенту слышать и слушать такія разсужденія, какія читатели наши могли прочесть въ апрѣльской книжкѣ о розгахъ, или теперь о присягѣ. Разумѣется билль былъ отвергнутъ. За билль было 66 голосовъ, противъ 136.

Объ апелляціяхъ по уголовнымъ дѣламъ и о числѣ рѣчей адвокатовъ въ Англіи

На нѣкоторые билли въ англійскомъ парламентѣ какое-то несчастіе: вносятъ ихъ ежегодно, то одни, то другіе члены; когда отбросятъ билль, они дѣлаютъ въ немъ, согласно прошло-

годнимъ замѣчаніямъ, разныя измѣненія, внесутъ вновь въ парламентъ, прочтутъ его во второй разъ, при согласіи иногда очень значительнаго большинства, а глядишь подъ конецъ билль не принятъ. Безъ всякаго сомнѣнія, это не можетъ еще служить доказательствомъ, чтобы предлагаемая мѣра въ основѣ своей была не нужна или негодна, потому что иначе такія мѣры или вовсе не предлагались бы, или же не получали бы при второмъ чтеніи значительнаго большинства голосовъ. Можно скорѣе предполагать, что обсуждаемый вопросъ не довольно созрѣлъ въ общемъ сознаніи, или что онъ не довольно сильно мотивированъ, или защита его была слабая; но къ сожалѣнію, не рѣдко причиною непринятія бываетъ какая-то слѣпа привязаность къ старому, иногда вовсе ни къ чему уже негодному, привязанность къ тому, что «такъ намъ говорили» и неизлечимая привычка посредственности jurare in verba magistri.

Къ числу биллей, постоянно вносимымъ и постоянно, значитъ, не утверждаемымъ, принадлежитъ билль объ установленіи аппеляціи по уголовнымъ дѣламъ.

Въ прошедшемъ году г. Мак-Магонъ внесъ этотъ билль въ четвертый разъ, но послѣ оппозиціи Сэра Корнуаля Льюиза, билль этотъ былъ единогласно отвергнуть, не смотря на то, что въ теченіи 1858 года этотъ же билль былъ прочитанъ во второй разъ вслѣдствіе значительнаго большинства голосовъ. Желающихъ познакомиться съ доводами К. Льюиза, мы отсылаемъ къ рѣчи его, по этому предмету, помѣщенной въ Русс. вѣст. 1860 (кн. 6 мартъ). Въ нынѣшнемъ году внесъ билль по этому предмету г. Бёттъ (Butt). Должно признать ся, что доводы его не отличаются ни новостью, ни силою, онъ повторяетъ тоже, что говаривалъ и Мак-Магонъ, такъ что изъ рѣчи К. Льюиза, сказанной въ 1860 г., можно получить понятіе о томъ, что говорилъ г. Бёттъ въ 1861. Точно также какъ и Мак-Магонъ, Бёттъ предоставленіемъ аппеляціи по гражданскимъ дѣламъ, доказывалъ необходимость предоставить сё и по уголовнымъ; ссылался на дѣло Смитёрста. И на эту рѣчь

отвѣчалъ опять К. Льюизъ, и приводилъ тѣ же доводы, что и въ прошломъ году, и билль опять единогласно отвергнутъ. Но кромѣ всѣхъ прежнихъ доводовъ, г. Бёттъ сослался въ подтвержденіе своего мнѣнія еще на дѣло Гатча, которое производилось въ началѣ прошедшаго года. Это дѣло такъ оригинально, что мы приведемъ его нѣсколько подробнѣе, тѣмъ болѣе, что, сколько помнится, до сихъ поръ у насъ нигдѣ о немъ не было упомянуто. Г. Гатчь состоялъ съ 1851 г. пасторомъ при одномъ исправительномъ заведеніи. Онъ женатъ и у него есть пріемная дочь Люси. Осенью 1859 г. ему отдали на воспитаніе двухъ сестеръ Плёммеръ: Евгенію 12 и Изабеллу 8 лѣтъ. Но вскорѣ родители этихъ дѣвочекъ взяли ихъ назадъ, вслѣдствіе показаній Евгеніи, что г. Гатчь совершалъ надъ ними одно изъ самыхъ отвратительныхъ преступленій. Гатчь былъ немедленно уволенъ своимъ духовнымъ начальствомъ отъ должности; затѣмъ началось слѣдствіе; за недостаткомъ порукъ, Гатчь былъ посаженъ въ тюрьму и потомъ судился въ лондонскомъ уголовномъ судѣ. Свидѣтелями по дѣлу явились обѣ дѣвочки, отецъ и мать ихъ, и еще нѣсколько лицъ весьма сомнительной нравственности. Не смотря на всю неправдоподобность разсказовъ Евгеніи, которая говорила въ судѣ, что Гатчь совершалъ преступленіе надъ нею и ея сестрою, въ постели утромъ, постоянно при женѣ и даже подлѣ нея,—показанія эти приняты были за достовѣрныя, Гатчь обвиненъ по суду присяжныхъ, приговоренъ къ нѣсколькимъ годамъ тюремнаго заключенія съ тяжелою работою и приговоръ приведенъ въ исполненіе. Но вслѣдъ за тѣмъ, сами же присяжные, произнесшіе обвинительный приговоръ, обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ К. Льюизу съ просьбою освободить Гатча отъ наказанія, на томъ основаніи, что имъ сдѣлались извѣстны такія доказательства, что еслибы они ихъ знали ранѣе, во время производства суда, то непремѣнно оправдали бы Гатча. Министръ внутреннихъ дѣлъ въ ихъ просьбѣ отказалъ на томъ основаніи, какъ говоритъ одинъ англійскій юридическій журналъ, что въ то время только что былъ помилованъ г. Смитёрстъ, и К. Льюизъ только

что развивалъ въ парламентѣ о необходимости отвергнуть аппеляцію по уголовнымъ дѣламъ.

Однако самъ же министръ указалъ Гатчу на новое средство избавиться отъ заключенія, а именно совѣтовалъ, чтобы Гатчь, сидя въ тюрьмѣ, началъ противъ главнаго свидѣтеля—Евгеніи Плёммеръ процессъ, обвиняя её въ клятвопреступленіи (perjury). Роли теперь перемѣнились: когда Гатчь былъ подсудимымъ, то лучшій свидѣтель, который могъ показать въ его пользу, бывшій, по показанію Евгеніи Плёммеръ, свидѣтелемъ всѣхъ его гнусностей,—жена Гатча не могла быть допущена къ свидѣтельствованію потому, что по англійскому праву жена не можетъ быть свидѣтелемъ по дѣлу, гдѣ подсудимымъ состоитъ ея мужъ. Теперь же, когда Гатчь сдѣлался обвинителемъ, то какъ онъ самъ, такъ и жена его явились главными свидѣтелями. Ложь Евгеніи была обнаружена, она обвинена присяжными, и уже вслѣдствіе этого обвинительнаго приговора, министръ внутреннихъ дѣлъ испросилъ прощеніе Гатчу. Приводя этотъ примѣръ, г. Бёттъ говорилъ, что хотя къ счастію Гатчь и оправдался, но средство, которое ему было предоставлено—очень затруднительно, такъ какъ онъ долженъ былъ вести новый процессъ. К. Льюизъ утверждалъ, что напротивъ ему было больше шансовъ оправдаться, такъ какъ и онъ самъ и его жена могли сдѣлаться свидѣтелями и что дѣло это никакъ не можетъ служить доказательствомъ необходимости аппеляціи по уголовнымъ дѣламъ.

Съ мнѣніемъ Льюиза никакъ нельзя согласиться прежде всего потому, что когда Гатчь былъ подсудимымъ, то для обвиненія его достаточно было одного свидѣтеля, между тѣмъ когда онъ сдѣлался обвинителемъ, то для обвиненія Евгеніи Плёммеръ должны были быть представлены по крайней мѣрѣ два свидѣтеля, потому что для доказательства клятвопреступленія по англійскому праву требуется, въ видѣ исключенія, не менѣе двухъ свидѣтелей, тогда какъ вообще по прочимъ преступленіямъ показанія и одного свидѣтеля можетъ быть достаточно для обвиненія. Значитъ, защита для обоихъ была не равномѣрная. Далѣе, если Льюизъ самъ указывалъ Гатчу

на средство избавиться отъ несправедливаго приговора, то не указывалъ-ли онъ этимъ самымъ на то, что бываютъ же случаи, когда перевершеніе или отмѣна посредствомъ апеляціи уголовнаго приговора присяжныхъ становятся необходимы, а между тѣмъ въ какое положеніе могъ быть поставленъ Гатчь, если бы кромѣ его самаго не было другаго свидѣтеля противъ Евгеніи Плёммеръ? При всей очевидной его правотѣ, онъ остался бы въ тюрьмѣ. Наконецъ самое производство новаго дѣла о клятвопреступленіи обвинителя—свидѣтеля, не есть-ли какъ бы апеляціонное производство, только въ другой формѣ, гораздо болѣе стѣснительной, нежели обыкновенная, и несправедливой потому, что при этомъ одна изъ сторонъ имѣетъ бо́льшія преимущества противъ другой?

По поводу этого процесса, мы считаемъ не лишнимъ сообщить о слѣдующихъ интересныхъ подробностяхъ англійскаго уголовнаго производства: у насъ довольно распространено мнѣніе, имѣетъ англійскомъ уголовномъ судѣ адвокатъ обвиненнаго что въ *всегда* послѣднее слово, между тѣмъ какъ на дѣлѣ это не такъ. Судъ (trial) начинается изложеніемъ дѣла обвинителемъ, потомъ слѣдуетъ допросъ и перекрестный допросъ свидѣтелей, представленныхъ обвинителемъ, затѣмъ возраженіе обвиненнаго и наконецъ выводъ изъ всѣхъ показаній (summingup) дѣлаемый опять таки адвокатомъ—обвинителемъ. Значитъ, этотъ послѣдній говоритъ два раза, адвокатъ же обвиненнаго одинъ разъ, и послѣднее слово всегда принадлежитъ по праву адвокату—обвинителю; вслѣдствіе этого происходитъ то, что со стороны обвиненныхъ по большей части въ судѣ не выставляются свидѣтели, и это вотъ на какомъ основаніи: англійскіе адвокаты говорятъ, что послѣдняя реплика самая важная и всегда сильно дѣйствующая на присяжныхъ, такъ что при теперешнемъ положеніи судопроизводства весьма опасно выставлять свидѣтелей обвиненнаго. Адвокатъ обвиненнаго ограничивается тѣмъ, что старается разбить всѣ доводы, представленные обвинителемъ и, если это удается, то его кліентъ освобождается отъ суда, признается невиннымъ. Если же ему приходится представить свидѣтелей въ пользу обвиненнаго, то

о томъ, *что* они могутъ показать, онъ долженъ говорить все въ той же единственной своей рѣчи, а между тѣмъ не можетъ сдѣлать общаго вывода изъ того, что окажется изъ допросовъ и перекрестныхъ допросовъ свидѣтелей, имъ представленныхъ. Когда же кончатся допросы этихъ свидѣтелей ловкій адвокатъ—обвинитель сгруппируетъ всѣ факты по своему, выставитъ все въ томъ свѣтѣ, который признаетъ выгоднѣйшимъ и естественно долженъ оставить сильнѣйшее впечатлѣніе на умъ судей. По этому то адвокаты обвиненныхъ стараются по возможности избѣгать представленія свидѣтелей въ пользу своихъ кліентовъ, для того чтобы не давать иногда, хотя невольнымъ образомъ, оружія противъ своихъ кліентовъ. Хотя послѣ всѣхъ рѣчей адвокатовъ судья и обращается къ подсудимому съ вопросомъ, не имѣетъ-ли онъ еще что сказать, но отвѣчать на это можетъ не адвокатъ подсудимаго, а самъ подсудимый. А всякій-ли подсудимый въ состояніи разобрать критически всѣ выводы и доводы, представленные адвокатомъ противной стороны? Очевидно, нѣтъ. Противъ этой очевидной нелѣпости и несправедливости уже давно возстаютъ въ Англіи, тѣмъ болѣе, что въ Шотландіи это не существуетъ: тамъ каждый адвокатъ говоритъ по одной рѣчи. Такъ въ прошедшемъ году былъ внесенъ въ палату общинъ г. Деманомъ билль, по коему предоставлялось адвокату обвиненнаго говорить также вторую рѣчь, подобно тому какъ это установлено по гражданскимъ дѣламъ, и билль этотъ прошелъ въ палатѣ общинъ; въ палатѣ лордовъ его очень поддерживалъ лордъ Брумъ, но противникомъ какъ вообще почти всѣхъ судебныхъ реформъ явился лордъ Уэнслейдель, который съ нѣкоторыми другими опасается вторыхъ рѣчей адвокатовъ, говоря, что этимъ замедлится ходъ правосудія; хотя ему возражали, что дѣло не во времени, не въ скорости, а въ достиженіи истины и дарованіи правосудія, но, не смотря на эти доводы, въ биллѣ сдѣлано было измѣненіе, по которому предоставленіе второй рѣчи зависѣло бы отъ усмотрѣнія судьи; нижняя палата не приняла этого измѣненія и билль не состоялся. А между тѣмъ вслѣдствіе именно этого стѣснительнаго правила, защитникъ Гатча, (ког-

да Гатчь былъ подсудимымъ), одинъ изъ лучшихъ адвокатовъ англійскихъ, Беллентейнъ, не выставилъ свидѣтелей въ пользу своего клієнта, находя, что всѣ доводы противъ Гатча были лишены всякаго основанія и что для оправданія Гатча достаточно было бы ихъ разбить;—но вышло иначе. Любопытно еще то, что уже въ маѣ нынѣшняго года Гатчь началъ противъ своего стряпчаго искъ въ судѣ казначейства, Court of Exchequer, въ коемъ доказывалъ, что его стряпчій, взявшись за его дѣло, нарушилъ договоръ этотъ тѣмъ, что не исполнялъ добросовѣстно своихъ обязанностей, именно: не допросилъ прежде производства дѣла въ судѣ, всѣхъ свидѣтелей въ пользу Гатча, на которыхъ ему указывала жена Гатча во время заключенія сего послѣдняго въ тюрьмѣ. Если бы онъ допросилъ ихъ своевременно и указалъ бы Беллентейну, то Беллентейнъ непремѣнно выставилъ бы ихъ въ судѣ: доказательства ихъ были такъ убѣдительны, и Гатчь тогда же по первому же дѣлу былъ бы оправданъ. Присяжные въ судѣ казначейства обвинили стряпчаго и присудили его къ уплатѣ въ пользу Гатча 40 шиллинговъ.

Некрологъ. Лордъ-Канцлеръ Кампбель. Нашимъ читателямъ уже извѣстно вѣроятно изъ газетъ, что первое лицо въ Англіи, послѣ королевы, хранитель ея совѣсти, лордъ-канцлеръ скончался внезапно 23/11 іюня. Заимствуемъ нѣкоторыя біографическія о немъ подробности изъ статьи Times'а.

Джонъ Кампбель, потомокъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ клановъ Шотландіи, аргайльскихъ Кампбелей, былъ сынъ пастора Джорджа Кампбеля, родился въ небольшомъ шотландскомъ мѣстечкѣ, Спрингфильдѣ, 15 сентября 1781 г.; первоначальное образованіе онъ получилъ въ грамматической школѣ (grammar school) въ Купарѣ, но вскорѣ былъ опредѣленъ въ университетъ Св. Андрея, въ Эдинбургѣ. Ему было тогда 10 лѣтъ и онъ предназначался къ духовному званію, а такъ какъ для поступленія въ это званіе требовалось предварительно пройти курсъ классическій и философіи, продолжавшійся 8 лѣтъ,

то въ тѣ времена въ университетъ, какъ видно, поступали дѣти, потому что иначе изъ университета выходили бы люди 25 или 26 лѣтъ. Однако Кампбель не имѣлъ расположенія и чувствовалъ себя неспособнымъ къ духовному званію, а потому выбралъ себѣ другое поприще: юридическое, какъ предполагаютъ отчасти оттого, что въ тѣ времена шотландцами считалось особою честью быть адвокатомъ при уэстминстерскихъ судахъ, а тѣмъ болѣе предсѣдателемъ Queen's Bench'a; примѣры же они имѣли въ своихъ знаменитыхъ соотечественникахъ: Лордѣ Мансфильдѣ, Лордѣ-Канцлерѣ Уэддерборнѣ, Эрскинѣ и Макинтошѣ. Кампбель поѣхалъ учиться въ Лондонъ; въ одно почти съ нимъ время посвятилъ себя званію юридическому другой соотечественникъ его, знаменитый теперь Лордъ Генри Брумъ.

По пріѣздѣ въ Лондонъ, Кампбель по особой привязанности ко всему шотландскому, навсегда сохранившейся въ немъ, сошелся, разумѣется, всего прежде со своими соотчичами; въ числѣ его пріятелей въ это время были знаменитый живописецъ Уильки, женатый на его теткѣ, красавицѣ Мэри Кампбель, и Спэнки, издатель газеты Morning-Chronicle, который на первыхъ порахъ былъ ему особенно полезенъ, потому что съ этого времени и до 1810 г. Кампбель для его газеты сталъ писать театральныя обозрѣнія, что доставляло ему средства существованія, и было причиною того, что часто позднѣе въ своихъ сочиненіяхъ онъ ссылается на разныя театральныя пьесы и упоминаетъ о театрѣ. Для изученія же юриспруденціи онъ поступилъ въ Lincoln's Inn подъ руководство мистера Тидда, у котораго учились и другія будущія знаменитости: лордъ Линдгёрстъ, лордъ Деманъ, лордъ Коттенгамъ. Кампбель признавался, что въ своихъ успѣхахъ онъ главнѣйше обязанъ тому, что три года учился у Тидда, человѣка, обладавшаго необыкновенно аналитическимъ умомъ. Тидъ, замѣтивъ, что Кампбель не въ состояніи платить за второй семестръ вновь 100 гиней, отказался отъ нихъ и хотѣлъ возвратить даже первыя деньги: такъ высоко цѣнилъ онъ способности своего ученика.

Въ 1806 г. Кампбель поступилъ въ сословіе адвокатовъ и поѣхалъ въ оксфордскій объѣздъ (Oxford-Circuit), гдѣ скоро пріобрѣлъ значительную практику, и близко сошелся съ знаменитымъ судьею Тальфордомъ, но главные успѣхи его были въ Лондонѣ. Здѣсь онъ издалъ между 1809-1816 четыре тома судебныхъ преній въ судахъ *Nisi-Prius*, которые чрезвычайно почитаются атторнеями; онъ первый ввелъ въ обыкновеніе помѣщать имена атторнеевъ, которые ведутъ дѣла. Въ этихъ 4-хъ томахъ онъ изложилъ преимущественно рѣшенія, постановленныя лордомъ Элленборо, и такъ какъ онъ самъ говоритъ, что отбрасывалъ въ особый ящикъ всѣ рѣшенія, которыя ему казались неправильными, то не мудрено послѣ этого, что рѣшенія лорда Элленборо почитаются образцовыми.

Затѣмъ Кампбеля постоянно приглашали для веденія дѣлъ корабельныхъ и почти рѣшительно по всѣмъ важнымъ дѣламъ, которыя судились въ это время предъ спеціальными присяжными (Special Jury) въ Гильдголлѣ.

Не смотря однако на свои успѣхи, Кампбель, при строгомъ канцлерѣ лордѣ Эльдонѣ, медленно подвигался впередъ, и только, благодаря стараніямъ своего тестя Сэра Скарлета, который въ министерствѣ Каннинга сдѣлался генеральнымъ атторнеемъ, онъ получилъ въ 1827 повышеніе въ своей профессіи: шелковую мантію, дающую право говорить рѣчи предъ судомъ, т. е. быть адвокатомъ. Въ 1830 г. онъ былъ избранъ въ парламентъ представителемъ Стаффорда, въ 1832 г., при вигскомъ министерствѣ, назначенъ генеральнымъ солиситоромъ, а въ февралѣ 1834 генеральнымъ атторнеемъ, и въ томъ же году былъ избранъ представителемъ Эдинбурга, (и представлялъ его до 1841 г.) вмѣсто знаменитаго Френсиса Джеффри, издателя эдинбургскаго обозрѣнія. Во время отправленія должности генералъ-атторнея, Кампбель сдѣлалъ нѣкоторыя весьма важныя и полезныя измѣненія въ законодательствѣ Англіи; такъ онъ ввелъ измѣненіе въ законѣ о клеветѣ, распространяемой печатно. Этотъ законъ извѣстенъ подъ названіемъ *Lord Campbell's act* и заключается въ томъ, что издатель об-

виняемой газеты избавляется отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій, коль скоро внесетъ въ судъ небольшую сумму денегъ въ видѣ штрафа, и притомъ докажетъ, что преслѣдуемая статья помѣщена безъ злаго умысла, и не вслѣдствіе сильной небрежности (gross negligence) и что прежде начатія иска помѣщено уже объясненіе, или защита оскорбленнаго или что онъ предлагалъ уже оскорбленному напечатать объясненіе или защиту въ любой газетѣ или періодическомъ изданіи (*). Другой важный законъ имъ предложенный относится до бо́льшаго обезпеченія свободы лицъ, преслѣдуемыхъ за долги;—на основаніи этого закона арестованное за долги лицо можетъ опровергать претензіи истца, и на основаніи одного его показанія подъ присягою, до произнесенія приговора по существу, судья обязанъ освобождать это лицо отъ ареста.

Во время исправленія должности генеральнаго атторнея, Кампбелю приходилось являться и адвокатомъ по очень важнымъ дѣламъ. Такъ онъ былъ адвокатомъ—обвинителемъ по дѣлу графа Кардигана, обвиняемаго въ убійствѣ капитана Тёккетта. Въ этомъ дѣлѣ уголовный судъ представляла палата лордовъ, которая исполняла эту обязанность передъ симъ, въ послѣдній разъ въ 1776 г., во время процесса герцогини Кингстонъ, судившейся за вступленіе во второй бракъ при живомъ мужѣ. По дѣлу Кардигана, Кампбель проигралъ процессъ, за несоблюденіемъ нѣкоторыхъ формальностей, и это приписывали намѣренности, *не допуская такихъ упущеній* въ такомъ аккуратномъ человѣкѣ, какъ Кампбель. Самый важный процессъ, гдѣ онъ явился защитникомъ перваго министра лорда Мельбурна, былъ процессъ Нортона, который искалъ съ Премьера убытковъ и вознагражденія за связь будто-бы министра съ мистриссъ Нортонъ. Отъ окончанія этого процесса зависѣла судьба самого

(*) Въ изложеніи мотивовъ этого акта сказано, что онъ издается въ видахъ лучшаго охраненія частныхъ лицъ и для дѣйствительнѣйшаго обезпеченія свободы печати, а также для предотвращенія злоупотребленій этою свободою.

министерства, но Кампбель доказалъ всю неосновательность обвиненія, вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы и министерство осталось.

Наконецъ, благодаря вигамъ, Сэръ Джонъ Кампбель былъ сдѣланъ въ 1841 пэромъ королевства и канцлеромъ Ирландіи, но въ этой должности онъ оставался не долго, не болѣе мѣсяца и удалился вмѣстѣ съ паденіемъ министерства Мельбурна, и хотя ему назначена была пенсія въ 4000 фунтовъ, но онъ отъ нея отказался и пять лѣтъ жилъ безъ всякой должности, жалованья и пенсіи. Въ это время, однако, онъ не могъ оставаться празднымъ и нерѣдко сражался въ палатѣ лордовъ особенно съ лордомъ Брумомъ; но этого было ему мало: помня твердо правила лорда Кока и лорда Бэкона, «что всякій юристъ имѣетъ извѣстныя обязанности въ отношеніи своей профессіи», онъ напалъ на мысль написать для пользы своего сословія жизнеописанія лордовъ-канцлеровъ Англіи. Первый томъ этого труда явился въ 1846 г. и тотчасъ же сдѣлался чрезвычайно популярнымъ. Авторъ статьи Times'а замѣчаетъ, что талантъ къ біографіямъ есть общій всѣхъ шотландцевъ и въ доказательство ссылается на жизнь Джонсона, написанную Босуэлемъ, и жизнь Т. Мура, написанную Локгардтомъ; лордъ Кампбель служитъ новымъ подтвержденіемъ этого факта, который, по мнѣнію автора статьи, коренится въ любви и привязанности шотландцевъ къ родословнымъ подробностямъ, чрезвычайно развитымъ и въ лордѣ Кампбелѣ. Не смотря на то, что въ этихъ біографіяхъ находятъ черезъ-чуръ много подробностей, чуть-ли не сплетней о разныхъ личностяхъ, не смотря на то что, вездѣ лордъ Кампбель говоритъ слишкомъ много о себѣ, ко всему приплетаетъ личныя воспоминанія, событія собственной жизни, а во многихъ подробностяхъ историческихъ часто бываетъ не точенъ; не смотря на всѣ недостатки *жизнеописанія канцлеровъ*, и слѣдующая затѣмъ серія: *жизнеописанія верховныхъ судей* (lives of Chief Justices), имѣютъ несомнѣнныя качества; предъ читателемъ выступаютъ живыя личности, въ сочиненіи нѣтъ вялости, на каждой страницѣ масса самыхъ разнообразныхъ и интересныхъ свѣдѣній

и при этомъ полное безпристрастіе въ оцѣнкѣ характеровъ и политической дѣятельности описываемыхъ лицъ, не смотря на совершенное часто различіе въ ихъ мнѣніяхъ съ мнѣніями автора.

Въ 1846 г. въ министерствѣ лорда Джона Росселя, Кампбель принялъ званіе канцлера герцогства ланкастерскаго, но при этомъ продолжалъ заниматься литературою и издалъ нѣсколько слѣдующихъ томовъ біографій канцлеровъ; съ 1850 онъ долженъ былъ бросить эти занятія, потому что назначенъ былъ послѣ лорда Денмана главнымъ судьею въ судъ Королевской Скамьи. Хотя у него не было того величія и торжественности, которыя требуются отъ англійскаго судьи, напротивъ того, онъ былъ очень простъ въ обращеніи и чрезвычайно обязателенъ, тѣмъ не менѣе онъ скоро пріобрѣлъ большое уваженіе и какъ судья и какъ ученый законовѣдъ. Отличныя качества его, какъ судьи, были оцѣнены всего болѣе въ процессѣ Пальмера. Въ этомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, все обвиненіе основывалось исключительно на уликахъ (circumstantial evidence), вполнѣ убѣдительныхъ для присяжныхъ, но защитники обвиненнаго старались именно этимъ воспользоваться, доказывая, что для обвиненія нужны законныя доказательства (legal evidence). Дѣло началось въ Стаффордѣ, но потомъ было перенесено въ Old-Bailey, гдѣ предсѣдательствовалъ лордъ Кампбелль. Обвинителемъ былъ самъ генеральный атторней Сэръ А. Кокбёрнъ (теперь предсѣдатель королевской скамьи). Не смотря на все, что сдѣлалъ этотъ послѣдній въ процессѣ Пальмера, главная заслуга, по мнѣнію автора статьи, принадлежитъ лорду Кампбелю, который, не смотря на всѣ усилія и старанія друзей Пальмера и на ихъ увѣренность въ правотѣ его, побѣдоносно опровергъ всѣ ихъ доводы и сдѣлалъ такой выводъ по окончаніи процесса, который не оставилъ для присяжныхъ никакого сомнѣнія. Въ такого рода дѣлахъ вліяніе судьи очень велико, и лордъ Кампбель исполнилъ свою обязанность съ чрезвычайнымъ безпристрастіемъ, усердіемъ и необыкновеннымъ знаніемъ дѣла. Послѣ этого процесса его репутація постоянно возрастала и въ 1859 г. въ министерство лорда Пальмерстона онъ назначенъ

лордомъ канцлеромъ. Хотя почитается весьма труднымъ сдѣлаться судьею въ судахъ справедливости (equity courts), бывши прежде того постоянно судьею общаго закона (common law), но лордъ Кампбель и на новомъ поприщѣ не уронилъ своей репутаціи.

Отличительными качествами его были не геніальность, не блескъ, но необыкновенное трудолюбіе, огромныя познанія и чрезвычайный здравый смыслъ; при этомъ онъ былъ чрезвычайно любимъ и какъ человѣкъ, за свою большую обходительность, ласковость, игривость ума, которою отличаются даже его парламентскія рѣчи, судя по тѣмъ немногимъ, которыя намъ удалось читать. Въ пятницу, 9 іюня, онъ предсѣдательствовалъ еще въ палатѣ лордовъ, въ субботу засѣдалъ въ совѣтѣ министровъ, вечеромъ принималъ у себя гостей, а въ воскресенье утромъ слуга, войдя къ нему въ комнату, нашелъ его умершимъ въ креслахъ. Ему было почти 80 лѣтъ. На мѣсто его назначенъ генеральный атторней сэръ Ричардъ Бетель, возведенный въ перство, съ титуломъ лорда Уэстберна, а генеральнымъ атторнеемъ назначенъ сэръ Этертонъ, генеральный солиситоръ въ теперешнемъ министерствѣ.

Издаваемый съ іюля 1859 года *Журналъ Министерства Юстиціи* выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ января 1861 по январь 1862 года составляетъ, безъ пересылки и доставки *шесть* руб. сер., съ пересылкою же и доставкою на домъ *семь* руб. *пятьдесятъ* коп. сер.

Подписка на журналъ принимается исключительно въ Конторѣ Редакціи, находящейся при книжномъ магазинѣ Коммисіонера Министерства Юстиціи книгопродавца А. И. Давыдова, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Завѣтнова.

Въ той же Конторѣ Редакціи можно получать по вышеозначеннымъ цѣнамъ изданія *Журнала Министерства Юстиціи* за прежнее со дня основанія онаго время, а именно: изданіе 1859 года (съ іюля мѣсяца) 6 книгъ и изданіе 1860 года 12 книгъ (послѣдняго изданія можно получать также отдѣльно полугодіе съ іюля 1860 по январь 1861 года).

Желающіе доставить въ журналъ статью или какое свѣдѣніе благоволятъ обращаться *въ Редакцію Журнала Министерства Юстиціи*, имѣющую помѣщеніе на углу Загороднаго проспекта и Можайской улицы въ домѣ Соколова.

ВЪ ТИПОГРАФІИ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 10 іюля 1861 года.

Цензоръ *Оберть*.